

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (145)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, чл.-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лabyнтцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2024

© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State
University», 2024

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2024, № 4 (145) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Артюшко Н.А. <i>Армия и преторианская гвардия в политической системе ранней Римской империи</i>	5
Бароўская В.М. <i>Адлюстраванне становішча савецка-польскіх гандлёвых адносін на старонках польскага друку ў 1932–1933 гг.</i>	9
Дубровко Е.Н. <i>«Восточное Локарно», Великобритания и политика Польши в Восточной Прибалтике во второй половине 1920-х гг.</i>	15
Кащеев А.В. <i>Участие партийных и комсомольских организаций в комплектовании личного состава органов внутренних дел БССР в 1943–1991 гг.: к постановке проблемы</i>	22
Севницкая О.И. <i>Научно-атеистическая пропаганда в музеях БССР в годы антирелигиозной кампании (1958–1964 гг.)</i>	27
Старовойтов М.И. <i>Молодежь в составе населения БССР в 1920–1930-е годы (этнокультурный аспект)</i>	34

ФИЛОЛОГИЯ

Аксёнчикова-Бирюкова А.А. <i>К вопросу о некоторых особенностях перевода поэтических произведений Ли Цинчжао на русский язык</i>	41
Беляева И.В. <i>Типологические и лексико-стилистические особенности заголовков областных сетевых изданий Zarya.by, Vitvesti.by и Gr.by</i>	47
Бобрык У.А., Чарнышова А.М. <i>Прозвішчы адапелятыўнага паходжання Светлагорскага раёна</i>	54
Герасімчык І.А. <i>Характар моўных паводзін носьбітаў дзяржаўных моў у Беларусі як паказальнік вітальнасці беларускай мовы ў метамоўным асэнсаванні на інтэрнэт-форумах</i>	60
Козлова О.А. <i>Изучение концепта «laboratory» методом ассоциативного эксперимента</i>	66
Ляшэнка А.І. <i>Вобраз мастака ў творах «Люцыян Таполя» М. Танка і «Бондар» З. Бядулі</i>	72
Новік Г.Ю. <i>Спецыфіка крэатыўнай нон-фікшн прозы напрыканцы ХХ – на пачатку ХХІ ст.</i>	76
Пятрова Н.Я. <i>Спосабы праяўлення моўнай індывідуальнасці ў мастацкіх тэкстах (на матэрыяле твораў М. Зарэцкага)</i>	83
Сериков Г.В. <i>Клитика «с» в предисловии и послесловии к несвижскому «Катехизису» 1562 г.</i>	89
Собко А.В. <i>Раскрытие содержательно-концептуальной информации в поликодовом тексте посредством англоязычных антропонимов</i>	95

Тимошенко Е.И. <i>Фразеологизированные конструкции «предлог по + форма дательного падежа субстантива» со значением соответствия в русском языке</i>	99
Хазанова К.Л. <i>Эпітэты ў прыпеўках Гомельшчыны</i>	104
Цімашэнка Н.П. <i>Прыём сінтаксічнага паралелізму ў беларускіх парэмічных канструкцыях</i>	109
Чалова О.Н. <i>Неканонические способы выражения критики в научной дискуссии</i>	114
Чарота К.М. <i>Тэматыка, праблематыка і паэтыка апавяданняў са зборніка «Сямнаццатай вясной» (1957) І.Я. Навуменкі</i>	121

ФИЛОСОФИЯ

Малахов Д.В. <i>Конститутивный метод феноменологии Э. Гуссерля: единство в многообразии</i>	127
Низова О.В. <i>От логики трансцендентальной к логике герменевтической: теория познания Г. Миша</i>	134
Одиноченко В.А. <i>Актуальность проблемы определения религии в условиях современной Беларуси</i>	138
Степанюк В.К. <i>Взаимодействие необходимости и случайности в процессе научного творчества</i>	144

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2024, № 4 (145) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Artiushko N.A. <i>The army and the Praetorian Guard in the political system of the Early Roman Empire</i>	5
Borovskaya O.N. <i>Reflection of the state of Soviet-Polish trade relations on the pages of the Polish press in 1932–1933</i>	9
Dubrovko E.N. <i>«Eastern Locarno», Great Britain and Polish policy in the Eastern Baltic in the second half of the 1920s</i>	15
Kascheev A.V. <i>Participation of party and Komsomol organizations in the staffing the internal affairs bodies of the BSSR in 1943–1991: towards the formulation of the problem</i>	22
Sevnitskaya O.I. <i>Scientific and atheistic propaganda in the museums of the BSSR during the years of the anti-religious campaign (1958–1964)</i>	27
Starovoitov M.I. <i>Youth in the population of the BSSR in the 1920s–1930s (ethnocultural aspect)</i>	34

PHILOLOGY

Aksenichikova-Biriukova A.A. <i>On some features of the translation of Li Qingzhao's poetic works into Russian</i>	41
Beliaeva I.V. <i>Typological and lexical-stylistic features of the headlines in regional network media Zarya.by, Vitvesti.by and Gp.by</i>	47
Bobryk U.A., Charnyshova A.M. <i>Surnames of appellative origin of the Svetlogorsk region</i> ..	54
Herasimchyk I.A. <i>The nature of language behavior of native speakers of state languages in Belarus as an indicator of the viability of the Belarusian language in metalanguage comprehension on Internet forums</i>	60
Kozlova O.A. <i>The study of the concept «laboratory» by means of associative experiment</i>	66
Liashenka A.I. <i>The image of the artist in «Lukian Tapolia» by M. Tank and «Cooper» by Z. Byadula</i>	72
Novik G.Yu. <i>Specifics of creative non-fiction prose in the late 20th – early 21st century</i>	76
Piatrova N.Ya. <i>Ways of manifestation of linguistic individuality in artistic texts (based on M. Zaretsky's works)</i>	83
Serikov G.V. <i>Clitics \mathcal{CA} in the preface and afterword to the Nesvizh «Catechism» of 1562</i>	89
Sobko A.V. <i>Disclosure of content-conceptual information in polycode text through English anthroponyms</i>	95
Timoshenko E.I. <i>Phraseologized constructions «preposition by + dative case form of substantive» with the meaning of correspondence in Russian</i>	99
Hazanava K.L. <i>Epithets in the ditties of the Gomel region</i>	104
Tsimashenka N.P. <i>The technique of syntactic parallelism in Belarusian paremic constructions</i> ...	109

Chalova O.N. <i>Non-canonical ways of expressing criticism in scientific discussion</i>	114
Charota K.M. <i>Themes, problems and poetics of short stories from «Seventeenth spring» (1957) by I.J. Navumienka</i>	121

PHILOSOPHY

Malahov D.V. <i>Constitutive method of phenomenology of E. Husserl: unity in diversity</i>	127
Nizova O.V. <i>From transcendental into hermeneutic logic: G. Misch's theory of knowledge</i> ..	134
Odinochenko V.A. <i>The relevance of the problem of definition of religion in the conditions of modern Belarus</i>	138
Stepaniuk V.K. <i>Interaction of necessity and chance in the process of scientific creativity</i>	144

История

УДК 94:356/.358:328.18(376)

EDN: EGXJZG

Армия и преторианская гвардия в политической системе ранней Римской империи

Н.А. АРТЮШКО

В статье рассматривается вопрос участия армии и преторианской гвардии в политических процессах ранней Римской империи. Дается характеристика взаимоотношений императоров I–III вв. н.э. с римским армейским социумом. Делается вывод о том, что поддержка со стороны армии и преторианской гвардии была важной составляющей поддержки и удержания власти императоров. Особенно в ситуации политических кризисов, когда от лояльности легионов и преторианской гвардии зависела судьба всего римского государства.

Ключевые слова: Римская империя, Принципат, армия, преторианская гвардия.

The article examines the issue of the participation of the army and the Praetorian Guard in the political processes of the Early Roman Empire. The characteristics of the relationships between the emperors of the 1st–3rd centuries AD and the Roman army society are provided. It is concluded that the support from the army and the Praetorian Guard was an important component of maintaining the power of the emperors, especially in situations of political crises when the fate of the entire Roman state depended on the loyalty of the legions and the Praetorian Guard.

Keywords: Roman Empire, Principate, army, Praetorian Guard.

В приходе римских императоров к власти особенную роль играла армия. В период гражданских войн в Риме армия всё больше включается в политическую борьбу как реальная сила, опираясь на которую амбициозные полководцы стремились получить высшую власть в государстве. В этих условиях легионы становились «частными» армиями своих командиров, которые набирали солдат на собственные средства. Такое использование легионов приводило к ещё большему увеличению нестабильности внутриполитической системы и страху внутри римского общества перед армией и военной диктатурой. Римское общество нуждалось в защите не только от внешних угроз, но и от армии внутри государства. Именно поэтому Октавиан Август решил отказаться от концепции «военного руководства» и после прихода к власти активно начал проводить преобразования с целью подчинения легионов лично принцепсу и отстранения армии от реального участия в политике.

Важнейшей задачей по окончанию гражданской войны для Октавиана Августа являлось налаживание взаимоотношений с нобилитетом и командной верхушкой армии. И если с первым ситуация обстояла двояко, так как нобилитет всё ещё оставался серьёзной политической силой, контролировавшей сенат, то вторые серьёзной политической угрозы не представляли в силу того, что почти все «маршалы» Августа были «*homines novi*» и потому своей карьерой были обязаны принцепсу [1, с. 25–26].

Как указывалось ранее, после победы и прихода к власти Октавиан Август отошёл от модели «военного руководства» и проводил политику отстранения армии от участия в политике. Октавиан стремился сделать так, чтобы каждый солдат, каждый командир был подчинён императору.

Эта цель во многом была достигнута. После завершения Актийской войны Август принял за снижение численности армии: из 50 легионов остаётся всего 25. Из 500 тыс. солдат, упомянутых Августом в автобиографии, более половины были отправлены в муниципии или выселены в колонии (R. Gest. div. Aug. 3). Больше всего отпущенных приходится на 29 год н.э.

Не менее значимой, чем снижение численности армии, являлась задача составления сильной имперской армии из различных войск, сложившихся в Римской империи. Август организовал регулярную армию, объяснив это тем, что если разрешить всем мужчинам военного возраста иметь оружие и заниматься военным делом, они всегда будут источником смуты и гражданских войн (Dio., LII(52), 27). Из-за уменьшения войска условия службы для солдат стали намного тяжелее, а продолжительность службы в 6 году н.э. возросла до 20 лет. Прежде чем окончательно уйти в увольнение, солдат должен был служить в качестве ветерана – вексиллария. Ветераны жили отдельно от легиона и освобождались от работ в лагере, но были обязаны сражаться в случае вражеского нападения. И даже после этого солдаты могли не получить увольнение, ведь в военной казне не было достаточно средств, чтобы выплатить солдатам достойное вознаграждение. Назревал мятеж, и принцепсу пришлось пойти на уступки, удовлетворив требования солдат, среди которых были: оплата по денарию в день, двадцатилетний срок службы с немедленным увольнением либо шестнадцатилетний срок службы с последующей службой под штандартом *vexillum*; вознаграждение выдаваемое сразу же после увольнения (Tac. Ann., I, 17) [2, с. 171–173].

Стоит отметить, что, в сравнении с последними десятилетиями Республики, социальный и этнический состав легионов Августа почти не изменился. Как указывает Парфёнов, в это время армия комплектовалась преимущественно из сельского плебса Италии, что являлось социальным следствием процесса концентрации италийской земельной собственности в руках сенаторского сословия [3, с. 58].

Изменениям подверглась и командная структура легионов. При Августе легаты становятся командирами легионов. Это приводило к тому, что к управлению армией допускались не всегда компетентные военачальники, так как легатами назначались сенаторы в ранге преторов, зачастую имевшие небольшой военный опыт. Кроме того, из-за невозможности подняться выше по командной лестнице, младшие офицеры теряли инициативность [2, с. 151–152].

Защитой императора занималась учреждённая Августом преторианская гвардия, поставленная в лучшие условия, чем другие войска. Дион Кассий, по этому поводу сообщает, что «сразу же он (Август – прим. Н.А.) распорядился, чтобы те люди, которые должны были составить его телохранителей, получили жалование в два раза больше, чем остальные солдаты, чтобы обеспечить ему эффективную защиту» (Dio. 53, 11 – пер. наш). Это гарантировало верность со стороны гвардии [4, с. 507–508].

При Тиберии численность легионов не изменилась. Считается, что первым принцепсом, создавшим два новых легиона, является Клавдий. На 83 год н.э. насчитывалось тридцать легионов, и затем, претерпев множество изменений, к 193 году н.э. число легионов снова вернулось к тридцати [2, с. 74, 86, 135].

Стоит отметить привилегированность легионеров, которая отражается в сроках службы, размере жалования и наградных при выходе в отставку. Каждый новобранец должен был принести клятву, говоря о том, что он является свободнорожденным римским гражданином и имеет право служить в легионе. Особый гражданский статус легионов можно поставить в противовес peregrinскому статусу флота и солдат вспомогательных войск. Некоторые ученые отмечают факт вражды последних с легионерами. Причиной могло служить то, что в случае мятежа военные власти использовали вспомогательные войска против легионеров [5, с. 155–156].

Рассмотрим период правления династии Юлиев-Клавдиев. Из-за своей функции по охране города в целом и императорского двора в частности выделяется преторианская гвардия, ставшая впоследствии ключевым элементом структуры Римской империи. Значительные изменения в этот элемент внёс Тиберий. Так, с самого начала принципата Тиберия происходили активные вмешательства преторианской гвардии в политическую жизнь империи, а также произошёл первый конфликт между легионами и гвардией (Suet. Tib. XXV. 1). Кроме этого большое влияние в империи приобрели префекты претория Сеян и Макрон. Так, первый существенно усилил влияние, которым прежде пользовался префект преторианцев, объединив разбросанные по всему миру когорты в единый лагерь. Тиберий перед лицом Сената и народа объявил Сеяна своим сотоварищем и сподвижником (Tac. Ann. IV. 1). В 31 году он становится

консулом. Макрон же, принявший участие в смещении Сеяна, в 33 году получил право находиться в Сенате с Тиберием (Dio. LVIII. 20, 5), а в 37 году приказал задушить императора (Tac. Ann. X. 50) и поспособствовал принятию закона о передаче власти Калигуле (Dio, 59, 1).

В 41 году, когда сенат рассматривал вопрос о восстановлении республики, но медлил с выполнением своих замыслов из-за разногласий и противоречивых мнений, преторианская гвардия провозгласила Клавдия императором и вынудила сенаторов принять это решение (Suet. Claud., 10). В 54 году преторианская гвардия присягнула на верность Нерону, который благодаря этому в том же году становится императором. Лишился власти Нерон также из-за недовольства гвардии, которое повлияло на решение сената.

Влияние преторианской гвардии усиливалось в периоды политической нестабильности. Одним из самых ярких таких событий стал год четырёх императоров (68–69 года). В это время политическая система Рима подверглась серьёзному испытанию, поэтому неудивительно, что влияние преторианской гвардии как военной силы внутри города Рима значительно возросло. Так, в начале 69 года преторианцы организовали переворот, убив Гальбу, и провозгласили императором Отона, который по оценкам некоторых исследователей был «преторианским императором» [6, с. 156]. Следующий император Вителлий набрал из своих легионов дополнительный контингент, за счёт чего преторианская гвардия стала насчитывать 16 когорт. Это увеличило популярность Вителлия в среде гвардейцев, сделав их самой надёжной частью его сторонников (Tac. Hist., III, 64–89; Suet. Vit., 15).

Значительное усиление политической роли преторианской гвардии не могло устраивать императоров. В связи с этим император Веспасиан попытался взять гвардию под контроль следующими методами: он назначил префектом претория своего сына Тита, а также распустил гвардию преторианцев Вителлия, набрав новую гвардию из собственных элитных войск (Tac. Ann., IV, 46). В правлении императора Домициана гвардия начала использоваться в качестве регулярных частей. Например, война с хаттами в 83 году и дакийская кампания, которая длилась с 85 по 87 год. Эти события подчеркивают растущее влияние и важность преторианцев в контексте как военной, так и политической сферы Римской империи.

Ещё одним примером, показывающим степень вовлеченности преторианской гвардии в политические процессы Рима в I веке нашей эры, может служить заговор против Домициана. Участниками этого заговора 96 года являлись префекты претория Норбан и Петроний Секунд. Благодаря их вмешательству к власти пришёл Нерва. А уже в 97 году большинство преторианцев выступили против императора, в результате чего Нерва был вынужден усыновить популярного в войсках Траяна, который фактически стал его преемником (Xiph., 229). В правлении Траяна и его преемников значительных выступлений преторианцев и вмешательства гвардии в политику не было вплоть до прихода к власти Коммода.

Для поддержания лояльности и дисциплины легионов императорам было важно поддерживать образ сильного и решительного командира, который заботится о благосостоянии своих солдат. Важным элементом поддержания такого образа являлся личный пример воздержанности в пище, принятие тягот и лишений армейской службы вместе с солдатами. Однако при этом сохранялась дистанция. Так, Светоний писал, что после гражданских войн Август ни в речах, ни в указах не обращался к солдатам как к «соратникам», только «солдаты». Слово «соратники», используемое во время гражданских войн, казалось императору слишком лестным для требований как военной дисциплины, так и мирного времени, а также его собственного величия и величия его дома (Suet., Aug. 25. 1).

При этом ко II в. н.э. закрепляется образ императора, как «товарища солдат». Об этом свидетельствует поведение некоторых правителей того времени. Так, например, чтобы солдаты вдохновлялись поведением императора, Адриан придерживался строгого образа жизни, ходил пешком или ездил верхом, не используя колесницу. Он не покрывал голову ни в снегах Германии, ни в песках Египта (Dio, 69. 9). Император Веспасиан предпочитал идти во главе войска, и как писал Корнелий Тацит во втором томе «Истории»: «ел, что придется, одеждой и привычками почти не отличался от рядового солдата» (Tac. Hist., 2, 5 – пер. Г.С. Кнабе). Когда после кровавой битвы (вторая битва при Тапае 101 год н.э.) кончились повязки, император

Траян не пожалел своей одежды, разрезав её на полосы. В честь погибших в битве воинов он приказал воздвигнуть алтарь и ежегодно совершать обряды (Dio, 68. 8). Септимий Север разделял тяготы солдат, используя дешёвую палатку и принимая доступную всем еду и питье, никогда не демонстрировал атрибутов императорской роскоши, всегда первым приступал к работе (Herodian, 2. 11). Похожие сведения встречаются и об императоре Каракалле. Он маршировал и бегал вместе с солдатами, не мылся и не менял одежду, выполнял всю работу и выбирал такой же рацион, как и они (Dio., 77. 13). Каракалла не скупился на прибавки к жалованью солдатам, сам молот зерно и пёк хлеб, пользовался простым столом и простой деревянной посудой, сам носил своё оружие. Более того, он создавал впечатление, что ему приятнее, когда к нему обращаются как к «боевому товарищу», а не императору (Herodian, 4. 7).

Можно сделать вывод, что армия в период Принципата была одним из фундаментальных элементов Римской империи, который, с одной стороны, обеспечивал её стабильность и расширение, а с другой – оставался фактором напряжённости во внутренней политике. Особенно это проявлялось в моменты кризисов, когда на волне солдатских выступлений выдвигаются новые императоры (например Веспасиан, Траян). В этих условиях особенно важным для императоров становилось умение поддерживать дисциплину и авторитет в глазах легионеров и преторианской гвардии. Это достигалось как за счёт щедрых вознаграждений и улучшения условий несения службы, так и с помощью личного примера, а также поддержания образа императора как успешного полководца и «товарища солдат». Таким образом, взаимодействие между императорами и армией в этот период было сложным и динамичным процессом, который играл ключевую роль в формировании и укреплении власти императоров в Римской империи.

Литература

1. Парфенов, В. Н. Император Цезарь Август : Армия. Война. Политика / В. Н. Парфенов. – СПб. : Алтея, 2001. – 278 с.
2. Паркер, Г. М. История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера / Г. М. Паркер ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2022. – 223 с.
3. Парфенов, В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории [Электронный ресурс] / В. Н. Парфенов. – Режим доступа : <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1454/>. – Дата доступа : 25.09.2023.
4. Машкин, Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н. А. Машкин. – М.–Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1949. – 688 с.
5. Махлаюк, А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность / А. В. Махлаюк. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Акра, 2006. – 440 с.
6. Егоров, А. Б. Рим от республики к империи / А. Б. Егоров. – СПб. : Наука, 2017. – 311 с.

Адлюстраванне становішча савецка-польскіх гандлёвых адносін на старонках польскага друку ў 1932–1933 гг.

В.М. БАРОЎСКАЯ

У артыкуле даследуецца становішча савецка-польскіх гандлёвых адносін на аснове матэрыялаў польскага перыядычнага друку канца ліпеня 1932 г. – сярэдзіны лістапада 1933 г. Даказваецца, што планамерная падрыхтоўка да заключэння «Дагавора аб ненападзенні» з Польшчай узняла на павесцы дня і пытанне паляпшэння савецка-польскіх гандлёвых адносін (падаўжэнне дагавора аб «Саўпольгандлі» (17 лютага 1933 г.), нармалізацыя пытання аб чыгуначных тарыфах, падпісанне канвенцыі аб сплаве лесу па памежных рэках (19 чэрвеня 1933 г.) і дамова аб экспарце драўніны).

Ключавыя словы: Рыжскі мірны дагавор, савецка-польскі гандаль, пакт аб ненападзенні, перыядычны друк.

The article examines the state of the Soviet-Polish trade relations on the basis of periodical materials from the end of July 1932 to the middle of November 1933. It is proved that the planned preparation for the conclusion of the «Non-Aggression Treaty» with Poland was also on the agenda and on the issue of improving the Soviet-Polish trade relations (extension of the agreement on «Sovietpolishtrade» (February 17, 1933), normalization of the issue of railway tariffed, signing of the convention on the rafting of timber along border rivers (June 19, 1933) and the agreement on the export of wood).

Keywords: Riga peace treaty, Soviet-Polish trade, nonaggression pact, periodicals.

Згодна з артыкулам XXI Рыжскага мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г., савецкі і польскі бок павінны былі не пазней, чым праз шэсць месяцаў з моманта ратыфікацыі дагавора пачаць перагаворы па заключэнні спецыяльнага Гандлёвага дагавора і дагавора аб кампенсатыўным тавараабмене. Артыкул XXII дагавора абавязваў бакі да моманту заключэння вышэй пералічаных міжнародных дакументаў арганізаваць бесперашкодны транзіт тавараў «па ўсім чыгуначным, водным шляхам, вольных для транзіту» [1, с. 640–641]. Усталяванне якасных гандлёвых сувязей з'яўлялася надзённым пытаннем для абодвух бакоў. Праз Польшчу праходзіла большасць гандлёвых шляхоў, якія вялі на Захад. Гэтая краіна з'яўлялася буйным суседам савецкіх рэспублік: працягласць пагранічнай лініі з ёй складала каля 1400 кіламетраў. Тым больш доўгачасовае знаходжанне часткі польскіх зямель у складзе Расійскай імперыі моцным чынам звязала эканоміку гэтых краін. Аднак па дадзеным Народнага камісарыята па знешняму гандлю, імпорт з Польшчы ў Савецкую Расію за дзевяць месяцаў 1921 г. склаў 486 тыс. руб., што складала ўсяго 0,2 % ад усяго імпарту Савецкай дзяржавы. Экспарт за адзначаны перыяд часу налічваў толькі 24 тыс. руб. [2, с. 28].

Для паляпшэння савецка-польскіх гандлёвых зносін адразу ж пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора пачаліся перагаворы паміж прадстаўнікамі Упраўлення ўпаўнаважанага Народнага камісарыята знешняга гандлю РСФСР пры СНК БССР і польскімі прадпрымальніцкімі коламі (акцыянерныя таварыствы «Брытаполь», «Паланціна», «Заходнелес», «Гратэнаў»). Іх вынікам стала заключэнне некалькіх камерцыйных дагавораў на пастаўку ў савецкую краіну сельскагаспадарчых прылад працы, некаторых відаў харчавання (рыс, рыбныя кансервы, какава-бабы і інш.), хімічных злучэнняў (берталетава соль, чырвоны фосфар, парафін) [3]. 4 жніўня 1921 г. у Польшчу прыбылі першыя дыпламатычныя і гандлёвыя дэлегацыі на чале з Л.М. Караханам. З моманту іх уладкавання ў Варшаве было адчынена паўнамоцнае прадстаўніцтва РСФСР і УССР, у іх склад былі ўключаны і гандлёвыя прадстаўніцтвы ад БССР. Са свайго боку Польшча ўвяла пасаду саветніка па гандлі пры дыпламатычнай місіі ў Маскве.

Шматлікія спробы падпісання савецка-польскага гандлёвага дагавора (сустрэчы Стэфаньскага–Ганецкага, Страсбургера–Літвінава, Нарутовіча–Чычэрына, Дароўскага–Копы) не прынеслі станоўчага выніку. Планамерная падрыхтоўка да заключэння «Дагавора аб

ненападзенні» з Польшчай узяла на павесцы дня і пытанне паляпшэння савецка-польскіх гандлёвых адносін. Падпісаны ў ліпені 1932 г. «Дагавор аб ненападзенні» СССР і Польшчай, завяршаючы адзін з этапаў савецка-польскіх адносін, мог стаць асновай для іх уздыму на новы і больш высокі ўзровень. Але ён жа мог стаць і найвышэйшай кропкай у іх развіцці. Тая ці іншая яго роля залежала ад таго, наколькі адпавядаў ён стратэгічным мэтам знешняй палітыкі абедзвюх дзяржаў. Савецкі ўрад, падпісваючы дагавор, як бы заяўляў аб тым, што ў бліжэйшы час не будзе выкарыстоўваць нацыянальны рух у Заходняй Беларусі і Украіне для спроб развалу Польскай дзяржавы, як гэта рабілася раней. З боку Польшчы было сведчаннем таго, што яе актыўная палітыка ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, уздоўж заходніх межаў СССР не мае на мэце стварэння агрэсіўнага антысавецкага блока.

Адначасова з нармалізацыяй палітычных адносін наступае вядомае ажыўленне ў эканамічных адносінах – заключэнне мытных дамоў, падаўжэнне дагавора аб «Саўпольгандлі» (17 лютага 1933 г.), некаторае павелічэнне ўзаемных таваразваротаў, нармалізацыя пытання аб чыгуначных тарыфах, падпісанне канвенцыі аб сплаве лесу па памежных рэках (19 чэрвеня 1933 г.) і дамова аб экспарце драўніны, ажыўленне ўзаемнага транзіту праз польскія і савецкія парты. У сваю чаргу, пазітыўныя змены ў двухбаковых адносінах знайшлі сваё адлюстраванне на старонках польскага друку. Ключавымі тэмамі, якія хвалявалі прэсу Польшчы (з канца ліпеня 1932 г. і да сярэдзіны лістапада 1933 г.), сталі пытанні актывізацыі гандлёвых аперацый паміж савецкім і польскім бакамі, актыўна абгаворваліся планы па заключэнні гандлёвага дагавора.

Крыніцавую базу даследавання склалі «Зводкі польскага друку» за ліпень 1932 г. – лістапад 1933 г., якія рыхтаваліся прэс-бюро Паўнамоцнага прадстаўніцтва СССР у Польшчы, іншыя матэрыялы польскага перыядычнага друку («Цодзённая газета гандлёва», «Кур’ер польскі», «Ілюстраваны кур’ер цодзённы», «Газета польска», «Газета Варшаўска»). Зводка польскага друку рыхтавалася або штодзённа, або за некалькі дзён, складалася з раздзелаў: Польшча–СССР, знешняя палітыка (звычайна падаваўся агляд польска-германскіх адносін), унутраная палітыка, эканамічнае становішча. Пры гэтым некаторыя падраздзелы маглі адсутнічаць, у залежнасці ад наяўнасці навін. Абсалютная большасць матэрыялаў утрымліваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (фонд 126 (Упраўленне ўпаўнаважанага Народнага камісарыята знешняга гандлю (НКЗГ) СССР пры СНК БССР), частка апублікавана ў зборніку дакументаў «Дакументы і матэрыялы па гісторыі савецка-польскіх адносін» [4].

Першапачатковае асэнсаванне тэмы адбываецца ў рамках публіцыстычных артыкулаў (І. Адамайціс [5], І. Тэумін [6]) і на старонках штогадовых аглядаў дзейнасці Упраўлення ўпаўнаважанага НКЗГ СССР пры СНК БССР [7]. У савецкай гістарыяграфіі варта вылучыць дысертацыю П.К. Краўчанкі [8], які знаходзіць заканамерным часовае паляпшэнне эканамічных савецка-польскіх адносін услед за падпісаннем пакта аб ненападзенні ў ліпені 1932 г. Сучасная расійская і беларуская гістарыяграфія адзначана распрацоўкамі А.В. Барыкіна [9] і Д.У. Раманоўскага [10]. У большасці сваёй у даследаваннях па праблеме ўтрымліваецца тэзіс аб узаемазалежнасці палітычных кантактаў і росту экспартна-імпортных аперацый, пашырэння навукова-культурных сувязяў паміж СССР і Польшчай.

Мэта даследавання: паказаць уплыў факта падпісання «Дагавора аб ненападзенні» 25 ліпеня 1932 г. на стан савецка-польскіх гандлёвых адносін на аснове польскага друку канца ліпеня 1932 г. – сярэдзіны лістапада 1933 г. Адзначаныя храналагічныя рамкі абмежаваны адмыслова: ад моманту падпісання «Дагавора аб ненападзенні» 25 ліпеня 1932 г. і да 16 лістапада 1933 г., часу падпісання польска-германскай канвенцыі аб ненападзенні. У даследаванні робіцца спроба прасачыць уплыў палітычнага фактару на развіццё гандлёвых адносін паміж СССР і Польшчай. Асноўнымі праблемамі, якія знаходзілі сваё адлюстраванне на старонках перыядычнага друку Польшчы, былі наступныя: уплыў «Дагавора аб ненападзенні» на стан гандлёвых адносін (планы па падпісанні гандлёвага дагавора), пытанне падаўжэння дагавора «Саўпольгандлю», накіраванне савецкай гандлёвай дэлегацыі на чале з намеснікам народнага камісара знешняга гандлю СССР Т.І. Боевым.

Напярэдадні падпісання «Дагавора аб ненападзенні», 19 ліпеня 1932 г., «Цодзённая газета гандлёва» публікуе інтэрв’ю з дырэктарам польска-савецкай гандлёвай палаты С. Яблонскім, які заявіў, што «ў гандлёвых абаротах паміж Польшчай і СССР рашаючую ролю адыгрываюць не столькі тарыфныя стаўкі, колькі агульнапалітычныя думкі». Імпарт

тавараў СССР у Польшчу складаў у 1930 г. 45,8 млн. злотых, экспарт на карысць Польшчы складаў вышэй 2 млн. злотых. У 1931 г. назіралася далейшае паляпшэнне гандлёвага баланса, які складаў 89,2 млн. злотых (імпорт) – 36, экспарт 125 млн. злотых. Вельмі адчувальным балючым месцам з’яўляецца недахоп капіталаў, неабходных для фінансавання польска-савецкіх гандлёвых абаротаў [11, арк. 139].

Падпісанне «Дагавора аб ненападзенні» 25 ліпеня 1932 г. паміж Польшчай і СССР выклікала імгненную рэакцыю з боку афіцыйных перыядычных польскіх выданняў. Так, 26 ліпеня на старонках «Газеты польскай» даецца ацэнка гэтаму дагавору, як «дамовы, якая будзе мець істотнае значэнне для развіцця ўзаемнага даверу паміж абодвума бакамі і для ўсё болей цеснага мірнага іх сужыцця. Тым самым польска-савецкі пакт аб ненападзенні становіцца фактарам буйнога значэння для мірных адносін у цэлай Еўропе» [11, арк. 121]. У гэтым жа выданні 28 ліпеня з’яўляецца грунтоўнае інтэрв’ю міністра замежных спраў Польшчы А. Залескага карэспандэнту «Чыкага Дэйлі Ньос». Ён заявіў, што падпісаны пакт з’яўляецца пашырэннем пакта Брыяна-Келага, г. зн. спробай надаць гэтаму пакту большую рэгіянальнасць, прыстасаваць да спецыяльных рэгіянальных умоў, якія пануюць на ўсходзе Еўропы. Аналагічныя пакты былі паралельна заключаны ў той жа час паміж прыбалтыйскімі дзяржавамі і СССР. Пакт адмаўляў вайну як нацыянальную палітыку [11, арк. 104].

Дастаткова яўна праступаюць чаканні польскай грамадскасці, што палітычнае савецка-польскае збліжэнне паўплывае на ўмацаванне двухбаковых гаспадарчых сувязей. 28 ліпеня 1932 г. «Ілюстраваны кур’ер цодзённы» размяшчае інтэрв’ю варшаўскага карэспандэнта з былым міністрам прамысловасці і гандлю, дырэктарам Цэнтральнага саюза польскай прамысловасці М. Шыдлоўскім, які заявіў, што «пакт аб ненападзенні валодае несумненна вялікім значэннем для нашага гаспадарчага жыцця. Сярод перашкод павелічэння ўзроўню экспартна-імпортных аперацый адзначаліся цяжкасці прадстаўлення таварных крэдытаў». У інтэрв’ю выказваліся надзеі, што палітычнае збліжэнне краін так ці іначай прывядзе да заключэння гандлёвага дагавора і да павелічэння ўзаемнага таваразварота [11, арк. 105].

У сваю чаргу, нягледзячы на пазітыўныя настроі ад «Дагавора аб ненападзенні», з’яўляюцца і негатыўныя ацэнкі. 24 жніўня 1932 г. у «Віленскім слове» быў размешчаны артыкул У. Студніцкага. Па меркаванні аўтара, «суседзі СССР не атрымалі ніякай новай гарантыі, яна не дала абавязацельстваў, якія б яе у чым-небудзь звязвалі. Наадварот, вынікам заключэння пакта з кожным з лімітрофаў па асобку СССР удалося перарваць адзіны фронт прыбалтыйскіх дзяржаў, Польшчы і Румыніі» [11, арк. 31]. 26 жніўня 1932 г. на старонках «Газеты Варшаўскай» з’яўляецца артыкул С. Рымара аб перспектывах польска-савецкага гандлю. У ім пералічваюцца асноўныя перашкоды на шляху заключэння гандлёвага дагавора паміж Польшчай і СССР. Сярод асноўных узгадваецца дзяржаўная манаполія савецкага знешняга гандлю, якая «з аднаго боку, аблягчае дамову, але, з другога боку, уносіць элемент няўпэўненасці, так як яна часта прымешвае да гандлёвых пытанняў агітацыйна-палітычныя моманты». Аўтар прыходзіць да высновы, што пасля падпісання Рыжскага мірнага дагавора, пакта аб ненападзенні эканамічнае збліжэнне Польшчы і СССР было б другім крокам наперад у накірунку поўнай пацыфікацыі Усходняй Еўропы [11, арк. 28].

Частай з’явай польскіх перадавіц адзначага перыяду было размяшчэнне не заўсёды праверанай інфармацыі. У першую чаргу гэта датычылася звестак аб пачатку савецка-польскіх перагавораў па заключэнні гандлёвага дагавора, якія пачаліся адразу ж пасля падпісання «Дагавора аб ненападзенні». Так, 29 жніўня 1932 г. у «Цодзённай газеце гандлёвай» змяшчаюцца разважанні аб карыснасці і мэтазгоднасці дагавора і падаецца не правераная інфармацыя аб «хуткім пачатку двухбаковых сустрэч па падрыхтоўцы гандлёвага пагаднення» [11, арк. 12]. 15 верасня 1932 г. на старонках адзначанага выдання ўбачыў свет артыкул прадстаўніка польскіх прамысловых колаў С. Натансона аб перспектывах польскага экспарту ў СССР у сувязі з рэалізацыяй другой пяцігодкі. Аўтар прыводзіць шэраг лічбаў, якія сведчаць аб хуткім росце прамысловай і сельскагаспадарчай вытворчасці ў СССР, пры гэтым ён падкрэслівае, што рэалізацыя другой пяцігодкі «несумненна накіроўвае гандлёвую палітыку савецкага ўрада на задавальненне ўнутранага спажывання і прадставіць таксама іншым дзяржавам магчымасць экспарту ў Расію». У супрацьвес гэтым перспектывам аўтар указвае на тое, што «як раз у першым паўгоддзі 1932 г. заўважны сур’езны спад польскага

экспарту ў СССР», так як ён зменшыўся з 72 млн. золотых у першым паўгоддзі 1931 г. да 7,3 млн. золотых у 1932 г. Аўтар даказвае, што «адсутнасць гандлёвага дагавора з нашым усходнім суседам адмоўна адбіваецца на польскіх эканамічных зносінах» [12, арк. 399]. Гэты ж аўтар 15 кастрычніка на старонках «Часу» прапаноўвае праект разлікова-кампенсцыйнага гандлю, які б склаўся на 70 % з польскага экспарту і 30 % савецкага імпарту ў крэдыт. Для гэтага ён прапаноўвае стварэнне спецыяльнай Разліковай палаты (клірынгавай) і стварэнне сіндыката з польскіх фінансавых устаноў з капіталам у 30 млн. золотых. Памеры польскага экспарту ў СССР С. Натансон прадугледжвае ў 250 млн. золотых, а імпарту ў Польшчу з СССР – у 170 млн. золотых у год [12, арк. 141].

Адной з праблем, на якія звярталі ўвагу польскія газеты, стала падзенне ўзроўню польска-савецкага таваразвароту ў другім паўгоддзі 1932 г. у параўнанні з першым паўгоддзем і аналагічным перыядам 1931 г. 11 лістапада 1932 г. «Газета польска» робіць спробу знайсці прычыну гэтай з’явы. Сярод перадумоў адзначаюцца «празмерная залежнасць польскага і савецкага імпарту ад германскага рынку», жаданне савецкага боку па прадастаўленні доўгатэрміновага крэдытавання і «адсутнасць у савецкім экспарце ў Польшчу такіх артыкулаў, збыт якіх у Польшчы быў бы пастаянна забяспечаны» [12, арк. 144]. 29 лістапада 1932 г. «Газета польска гаспадарча» таксама адзначае «катастрафічнае падзенне польска-савецкага таваразвароту, які склаў за 9 месяцаў 1932 г. усяго каля 30 млн. золотых супраць 161 млн. у мінулым годзе». Пры гэтым адзначаецца, што «скарачэнне савецкага экспарту ў Польшчу адпавядае ў агульным скарачэнню ўсяго савецкага экспарту. У той жа час польскі экспарт у СССР у апошні час скараціўся непараўнальна мацней, чым польскі экспарт у цэлым. У выніку надзвычайнай беднасці наменклатуры польскага экспарту, апошні вельмі моцна адчувае розныя абмежаванні савецкіх заказаў». Пры гэтым указваецца, што значная частка віны падае на саміх жа прадстаўнікоў польскай прамысловасці, якія яўна недастаткова ацанілі значэнне СССР як рынку сбыту, пачаўшы перагаворы аб размяшчэнні сваёй прадукцыі на савецкім рынку толькі пад націскам рэзкай кан’юнктурнай дэпрэсіі [12, арк. 79].

Для двухбаковага абмеркавання гандлёвых праблем у канцы лістапада 1932 г. пачаў выходзіць у Варшаве часопіс «СССР і Польшча», які размяшчаў артыкулы на рускай і польскай мовах. Рэдакцыя вызначае мэту выдання «жаданнем садзейнічаць узнаўленню супрацоўніцтва Польшчы і СССР у галіне гаспадарчых адносін», праграмай жа свайго часопіса лічыць «дзелавую дыскусію на тэмы практычнай гандлёвай палітыкі і практычнай інфармацыі» для дзелавых колаў. Часопіс складаецца з шэрагу артыкулаў савецкіх і польскіх гандлёвых і прамысловых дзеячоў і некалькіх старонак рэкламных аб’яў. 7 снежня 1932 г. у гэтым часопісе з’яўляецца артыкул Ф. Аселя, прадстаўніка «Саўпольгандлю», у якім выразна падкрэслены ўсе цяжкасці, якія сустракае савецкі гандаль у Польшчы, пасіўнасць савецкага гандлёвага балансу па таваразвароту з Польшчай і даецца адказ польскаму друку, у якім абвінавачваецца СССР у празмерных патрабаваннях у галіне крэдыту. Артыкул сцвярджае поўную залежнасць далейшага развіцця савецка-польскага гандлю ад польскай гандлёвай палітыкі. Разглядалася магчымасць заключэння новай дамовы на пастаўкі ў СССР на аснове таварных кампенсаций і патрабуе вырашэння перш за ўсё пытання аб увозных кантынгентнах для савецкіх тавараў у Польшчу на 1933 г. і аб фінансаванні заказаў у Польшчы [12, арк. 130].

Значным інфармацыйным повадам сталі перагаворы паміж польскімі і савецкімі прадстаўнікамі па падаўжэнні дагавора з «Саўпольгандлем». 31 снежня 1932 г. «Цодзённая газета гандлёва» адзначала, што польскія гаспадарчыя колы праяўляюць павышаную цікавасць да гэтых двухбаковых сустрэч з-за таго, што «падчас гэтых перагавораў абмяркоўваюцца адначасова магчымасці ажыўлення і паглыблення прамыслова-гандлёвых адносін паміж Польшчай і СССР». Па меркаванні газеты, гэтыя магчымасці вельмі значныя і да гэтага часу вельмі мала выкарыстаны. Аднак газета выказвае апасенне, каб «у сваім памкненні да павелічэння польскага экспарту, польскі бок не пайшоў бы на вельмі далёка ідучыя ўступкі, якія заключаюцца ў ліберальнай трактоўцы савецкага імпарту», што магло б выклікаць «дэмпінгавую палітыку коштаў з боку Саветаў», адбілася неспрыяльным чынам на некаторых галінах польскай прамысловасці, «напрыклад на польскай хімічнай прамысловасці, якая знаходзіцца перад пагрозай савецкага імпарту». Таму газета заклікае да таго, каб «перагаворы з Саветамі вяліся б з вялікай асцярожнасцю» [13, арк. 454]. Гэта

пытанне закралася на старонках «Цодзённай газеты гандлёвай» 6 і 11 студзеня 1933 г. [13, арк. 434, 428]. У сваю чаргу, 18 студзеня 1933 г. «Газета варшаўска» адзначала цяжкасці, якія ўзніклі на перагаворах паміж прадстаўнікамі «Польраса» і «Саўпольгандлю». Галоўным праблемным момантам, па версіі выдання, стала вызначэнне плана гаспадарчага абмену паміж Польшчай і Саветаў у рамках дзейнасці Змешанага імпартна-экспартнага таварыства «Саўпольгандаль». Савецкая дэлегацыя выступіла з шэрагам прапановаў, якія датычацца прызнання савецкім бокам мытных ільгот пры імпарце савецкіх тавараў у Польшчу. Польскі бок выразіў згоду і задаволіў некаторыя з гэтых патрабаванняў. Адначасова польскія прадстаўнікі пагадзіліся на змяншэнне ў 1933 г. экспарту з Польшчы ў СССР у памеры 500 млн. злотых. Перашкодай для завяршэння перагавораў з'яўлялася галоўным чынам пытанне фінансавага крэдыту ў памеры 250 тыс. долараў. Гэта польская прапанова сустрэла рашучае супраціўленне ў савецкага боку і ў выніку выклікала за сабой перапынак у перагаворах [13, арк. 356]. Адначасова, 20 студзеня 1933 г., «Газета варшаўска» адносна прычын зрыву перагавораў па падаўжэнні дагавора «Саўпольгандлю» адзначала «розніцу ў пунктах погляду паміж польскай і савецкай дэлегацыямі на аснове патрабаванняў савецкіх прадстаўнікоў па захаванні фінансавага крэдыту ў былых памерах» [13, арк. 349]. 30 студзеня 1933 г. «Нова Трыбуна» змяшчае інтэрв'ю намесніка гандлёвага прадстаўніка СССР у Польшчы М.І. Нюмберга, які адзначае, што паміж польскім і савецкім бакамі была дасягнута дамоўленасць, зняты ўсе спрэчныя моманты, «ствараецца глеба для ўзнаўлення перагавораў. Яны павінны пачацца ў бліжэйшы час у Маскве» [13, арк. 310]. У выніку 17 лютага дагавор з «Саўпольгандлем» быў падоўжаны на 5 год.

Галоўны змест інтэрв'ю старшыні дэлегацыі польскіх прамыслоўцаў Е. Іваноўскага агентству «Іскра» адносна імпартна-экспартнага плана «Саўпольгандлю» на 1933 г. заключаецца ў вызначэнні колькасці і наменклатуры тавараў, якія павінны будучы вывозіцца з Польшчы ў СССР, і наадварот з СССР у Польшчу. «У бягучым годзе перагаворы аб падаўжэнні дагавора аб “Саўпольгандлі” шлі дастаткова доўга, каля чатырох месяцаў, што трэба патлумачыць галоўным чынам неабходнасцю ўвядзення ва ўзаемны абмен новых тавараў. Калі размова ідзе аб вывазе з Польшчы ў СССР, то ў 1933 г., згодна з імпартным планам, польскі бок зможа вывезці тавараў на суму прыблізна 20 млн. злотых, пры гэтым у першым паўгоддзі ўпершыню будучы ўключаны ў наменклатуру тэкстыльныя тавары, а таксама прадукты сельскай гаспадаркі. Што датычыцца імпарту з СССР у Польшчу, то ён прадугледжвае ўвоз тавараў савецкага паходжання на суму каля 10 млн. злотых, пры гэтым у наменклатуры пералічаны рыба, скуры, рыззё, грыбы і ўпершыню аўтамабільныя шыны» [4, с. 27].

Важнай інфармацыйнай навіной стаў візіт савецкай гандлёвай дэлегацыі з 1 па 19 мая 1933 г. у Польшчу. У яе склад уваходзілі намеснік народнага камісара знешняга гандлю СССР Т.І. Боеў, члены калегіі НКЗГ А.М. Тамарын, М.І. Фірсаў, старшыні «Тэхнапраімпарту», «Саюзметімпарту», «Станкаімпарту». У ходзе гэтага візіту адбыліся сустрэчы з дырэктарам «Саўпольгандлю» Ю. Зябіцкім, дырэктарам Гандлёвай палаты Польшчы і СССР С. Яблонскім, наведванне шэрагу польскіх металургічных прадпрыемстваў. Члены савецкай дэлегацыі (М.І. Фірсаў, Т.І. Боеў) далі вялікае інтэрв'ю на старонках «Кур'ера польскага», «Цодзённай газеты гандлёвай» [4, с. 41, 50, 54].

Нармалізацыя двухбаковых адносін, якая наступіла пасля падпісання «Дагавора аб ненападзенні», стала дадатковым штуршком да паляпшэння савецка-польскіх гандлёвых адносін. Аднак нельга перабольшваць палітычнага фактару, акрамя пашырэння наменклатуры тавараў (за кошт прадукцыі металургічнай, хімічнай, тэкстыльнай прамысловасці), вызначэння памераў крэдытных ільгот для савецкага боку, падаўжэння тэрміну дзеяння дагавора для «Саўпольгандлю» не назіраецца рэзкага росту таваразвароту паміж бакамі, наадварот, праступае яўнае падзенне яго ўзроўню ў другім паўгоддзі 1932 г. у параўнанні з першым паўгоддзем і аналагічным перыядам 1931 г. Гэта яскрава заўважна па матэрыялах перыядычнага друку Польшчы канца ліпеня 1932 г. – сярэдзіны лістапада 1933 г. Асноўнай прычынай такога стану рэчаў была адсутнасць неабходных сродкаў для фінансавання польска-савецкіх гандлёвых абаротаў, агульны спад сусветнай эканомікі (рэзкая кан'юнктурная дэпрэсія), дзяржаўная манаполія савецкага знешняга гандлю.

Літаратура

1. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / редкол.: Г. А. Белов [и др.]. – М., 1959. – Т. 3 : 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 723 с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 126. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 15 ; Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918–1937 гг. Статистический справочник. – М., 1939. – 123 с.
3. НАРБ. Ф. 126. Воп. 1. Спр. 74. Арк. 108.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т истории польско-советских отношений Польской АН ; отв. ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. – М. : Наука, 1969. – Т. 6 : 1933–1938 гг. – 434 с.
5. Адамайтис, И. Наш экспорт и внешний рынок (По материалам заграничной командировки) / И. Адамайтис // Савецкае будаўніцтва. – 1928. – № 5. – С. 2–5.
6. Теумин, И. Объединение Западной области с точки зрения внешней торговли / И. Теумин // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 2–3. – С. 42–47.
7. Внешняя торговля Белоруссии в 1923–1924 хоз. Году : Очерк деятельности Управления уполномоченного Наркомвнешторга при СНК БССР и Государственной экспортно-импортной конторы «Госторгбел». – Минск, 1925. – 74 с.
8. Кравченко, П. К. Экономические и культурные связи БССР с зарубежными странами (1921–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. К. Кравченко. – Минск, 1976. – 31 с.
9. Барыкин, А. В. Польша во внешнеполитической стратегии Советской России (1918–1919 гг.) : автореферат на дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / А. В. Барыкин. – СПб., 2013. – 54 с.
10. Романовский, Д. В. Внешнеэкономические связи БССР с зарубежными странами (на примере работы Госторгбела в 1922–1931 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. В. Романовский. – Минск, 2003. – 37 с.
11. НАРБ. Ф. 126. Воп. 1. Спр. 227.
12. НАРБ. Ф. 126. Воп. 1. Спр. 228.
13. НАРБ. Ф. 126. Воп. 1. Спр. 177.

«Восточное Локарно», Великобритания и политика Польши в Восточной Прибалтике во второй половине 1920-х гг.

Е.Н. ДУБРОВКО

В статье исследуется позиция Великобритании в отношении политики Польши в Восточной Прибалтике в контексте реализации проектов «Восточного Локарно» во второй половине 1920-х гг. Показано, что к концу 1920-х поиски приемлемого для непосредственных и закулисных участников проекта «Восточного Локарно» не увенчались успехом, при этом по оценкам британских дипломатов, роль Польши как фактора международных отношений в регионе несколько выросла.

Ключевые слова: «Восточное Локарно», Великобритания, Польша, Восточная Прибалтика, международные отношения.

The article examines the position of Great Britain in relation to Poland's policy in the Eastern Baltic region in the context of «Eastern Locarno» projects implementation in the second half of the 1920s. It is shown that by the end of the 1920s, the search for a project of the Eastern Locarno acceptable for the direct and behind-the-scenes participants was unsuccessful, while according to British diplomats, the role of Poland as a factor of international relations in the region increased somewhat.

Keywords: «Eastern Locarno», Great Britain, Poland, Eastern Baltic States, international relations.

В 1925 г. был подписан комплекс Локарнских соглашений. При том, что причины и последствия этого исторического события по-разному оцениваются в историографии, представление об их значимости для дальнейшего развития отношений между странами Европы, несомненно, усиливается. Формулируется тезис о том, что Локарно заменило по сути Версальскую систему в роли механизма международных отношений в Европе [1, с. 157–195]¹. Решения конференции дали образец локальной системы безопасности, попытки реализации которого в разных регионах будут осуществляться во второй половине 1920-х гг. [2, с. 3–30]. Среди них были проекты «Восточного Локарно», которые, на наш взгляд, представляют особый интерес для белорусских исследователей и в целом белорусского общества в силу того, что они предполагались к реализации в рамках географического региона, включавшего территорию современной Республики Беларусь. Принимая во внимание сохраняющуюся остроту проблемы поддержания региональной безопасности, исторический анализ этих проектов сохраняет свою актуальность. Тем более, что многие их аспекты пока не нашли достаточного освещения в научных исследованиях. В частности, учитывая ведущую роль Великобритании в реализации «духа Локарно» в международных отношениях и активную политику Польши, направленную на закрепление её постверсальских границ во второй половине 1920-х гг., в качестве актуальной цели исследования представляется выявление позиции Великобритании в отношении политики Польши в Восточной Прибалтике в контексте реализации проектов «Восточного Локарно» во второй половине 1920-х гг.

В историографии получила освещение политика Великобритании в отношении стран балтийского региона и Польши в 1920-х гг. Значительное внимание этому уделялось советскими историками – выходцами из стран Прибалтики. В их работах господствовал тезис о том, что в середине 1920-х гг. Англия создавала блок балтийских государств [3, с. 8], что с приходом к власти консервативной партии она стала на путь подготовки новой интервенции в отношении СССР [4, с. 120]. В связи с ростом британских экономических интересов в Польше делается ставка на включение и её в эту антисоветскую группировку [5, с. 94]. Тем самым продолжалась линия Локарно, направленная на изоляцию СССР и подготовку интер-

¹Тезис о «локарнской системе», однако с несколько иным содержанием, также существовал в белорусской советской исторической науке (см. Климовский, Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений (Из истории зарождения Второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 288 с.).

венции [6, с. 103]. В этой связи в польско-литовском конфликте Великобритания оказывала нажим на Литву, а с разрывом англо-советских отношений он усилился [5, с. 183]. Однако планы «сколотить антисоветский блок и привлечь к нему Литву» к концу 1920-х гг. провалились [7, с. 110]. В современной историографии стран Балтии акцентируется внимание на экономических интересах Великобритании – рассмотрении их как моста к российскому рынку и в качестве самостоятельных рынков [8].

По сравнению с советской историографией современные российские авторы несколько меняют оценки. Появился тезис, что английские планы создания Балтийского союза в 1920-е гг. были связаны с обеспокоенностью английского Адмиралтейства господством на Балтике советского флота [9]. Больше уделяется внимания влиянию англо-германских отношений на балтийский вектор британской политики [10, с. 272]. В частности, Великобритания, заинтересованная в сближении с Германией ради сохранения мира в Западной Европе, особенно в условиях разрыва отношений с СССР, и не готовая к активному вовлечению в решение проблем на востоке Европы, демонстрировала определённую готовность к поддержке германской политики в регионе. Германия же стремилась не допустить на востоке такого режима границ, который бы исключал их ревизию в будущем. Великобритания демонстрировала готовность пожертвовать интересами безопасности стран региона ради сохранения англо-германского партнёрства по иным вопросам [2, с. 18, 22, 25].

В исследованиях английских историков конца 20 века находит поддержку мнение о том, что Британия в годы после Первой мировой войны фактически управляла Прибалтикой [11]. Отмечается «поддержка Лондоном народов Прибалтики» и при этом выражение недовольства «вмешательством Москвы в дела прибалтийских стран», особенно после ухудшения англо-советских отношений в 1927 г. Присутствует концепция «треугольника» Великобритания-Прибалтика-Германия: Лондон был ведущим покупателем балтийского сельскохозяйственного и другого экспорта, а за полученные средства эти страны могли закупать немецкие промышленные товары [12].

Отдельно, учитывая предмет нашего исследования, следует отметить наработки польских исследователей. В польской историографии оформились тезисы о том, что балтийская политика Польши в 1920-х гг. имела следующие цели: изоляция Литвы и склонение её к изменению позиции в отношении Польши, создание балтийского блока под собственным началом с антисоветской направленностью [13, с. 136]. Великобритания поддерживала идею Балтийского союза в моменты, когда обострялись англо-советские отношения [14, с. 280]. В частности, в 1927 г. Великобритания видела в польско-литовской федерации преграду на пути распространения влияния СССР. В 1928–1929 гг. в центре внимания Великобритании лежал вопрос создания системы безопасности. Её основой должна была стать совместная с Францией и Италией нормализация отношений с Германией [15, с. 195–201]. Интерес Великобритании к Литве уменьшался, немецкая пропаганда превращала Литву в предмет торга с Польшей за Гданьск и Поморье [16, с. 321–323].

Источниковая база нашего исследования – документы делопроизводства британского внешнеполитического ведомства и Кабинета второй половины 1920-х гг. В них нашли отражение тесно связанные проблемы: реализация проекта «Восточного Локарно» с участием Польши и стран Восточной Балтии и польско-литовские отношения.

Обсуждение первого из двух обозначенных аспектов активно инициировала немецкая дипломатия. 26 февраля 1926 г. в Лондон пришло сообщение от британских дипломатов в Риге об инициированном советником немецкой миссии обсуждении проекта «Восточного Локарно». Немецкий дипломат проявлял большой интерес к попыткам Польши реализовать такой проект, включив в него Советскую Россию, страны Балтии, Швецию, Финляндию. Он подчеркнул, что целью политики Германии было не допустить успеха попыток Польши сформировать подобный союз, так как он будет враждебен Германии. Он видел «восточное Локарно» лишь с участием Германии, Советской России и балтийских стран. Английская сторона обозначила свою позицию, указав, что Великобритания заинтересована в любых предложениях по поддержанию безопасности во всех регионах, но не готова давать рекомендации о форме восточноевропейского пакта. При этом английские дипломаты заметили, что реализация немецкой формулы является политикой «окружения Польши» и в Западной Европе её не поддержат. Немецкий же дипломат подчеркнул, что соглашение между Польшей

и Германией невозможно при текущей линии границы [17, р. 471–473] Таким образом, в начале 1926 г. Великобритания, декларируя отказ от рекомендаций о форме восточноевропейского пакта, всё же обозначила критерий: поддержка в Западной Европе, что на тот момент означало и поддержку со стороны союзной Польше Франции.

В течение 1926 г. в международных отношениях произошёл ряд перемен, в результате которых Германия укрепила свои позиции: в апреле был подписан германо-советский договор о нейтралитете, а в сентябре Германия стала членом Совета Лиги Наций. В мае в Польше к власти пришёл Ю. Пилсудский, что вызывало опасения обострения польско-литовского конфликта (в 1922 г. Польша фактически присоединила территорию Виленщины, что не получило признания в Литве – Е.Д.). СССР активизировал переговоры о заключении договоров о ненападении с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, в результате которых 28 сентября был подписан договор о ненападении и нейтралитете между Литовской республикой и СССР. В это же время начали обостряться англо-советские отношения.

В январе 1927 г. по запросу Кабинета в Форин оффис был подготовлен меморандум с анализом международных последствий разрыва англо-советских отношений. В нём отмечалось «очень тревожное воздействие на Германию и всю Восточную Европу. Польша под руководством маршала Пилсудского проявляет большое беспокойство <...> Любые беспорядки в этих краях должны серьезно сказаться на странах Балтии. Литва, вероятно, будет полностью брошена в руки советского правительства» [18, р. 203]. Со своей стороны в начале февраля 1927 г. министр иностранных дел Германии Г. Штреземан выразил свою озабоченность английскому представителю в Берлине развитием событий в балтийском регионе. Он высказал подозрения, что Варшава концентрирует вооружение силы, намереваясь установить протекторат над Литвой, и заявил, что это чревато «войной без границ», сославшись на предупреждения, прозвучавшие в беседе с наркомом СССР Г. Чичериным. Последний, по его словам, подозревал Великобританию в намерении «окружить Россию», а Германию – в намерении обменять Мемель (Клайпеда – Е.Д.) и Литву на «коридор» (территория Польши с выходом к морю, отделявшая восточную часть Германии от западной по решению Парижской мирной конференции – Е.Д.). Г. Чичерин допускал, что слабое государство «типа Литвы» следует поместить между СССР и Германией, но его страна будет сражаться против занятия этой роли Польшей, так как при условии доступа к морю и возможности помощи из Западной Европы та станет почти «первоклассной державой» [19, р. 16–17]. 16 февраля немецкая дипломатия вновь интересовалась позицией Великобритании, подчеркнув, что и Франция, и Италия не рассматривают никакой формы протектората Польши над Литвой [19, р. 36–39]. То есть, Германия опасалась, что Польша усилится и окружит Восточную Пруссию, потому использовала ссылку на позиции Франции и Италии, а также фактор «угрозы со стороны СССР», чтобы склонить Великобританию к давлению на Польшу с целью сдерживания последней и не допуска в регион стран Балтии в любой форме. Дж.О. Чемберлен пытался нивелировать нарастающее напряжение в связи с польской политикой в балтийском регионе [19, р. 39]. Однако в письме к своей сестре он характеризовал Германию, Польшу и Литву как «крайне раздражённые и раздражающие друг друга в текущий момент» [20, р. 309].

В течение нескольких последующих месяцев в условиях обострения англо-советских отношений значимость событий, происходивших в балтийском регионе, возрастала. По мнению многих политиков этот разрыв ставил балтийские страны в ситуацию выбора внешнеполитической ориентации, хоть британский представитель в Риге и заверял своего советского коллегу в отсутствии попыток со стороны его государства создать антисоветский блок в регионе [19, р. 118–120]. Уровень подозрительности со стороны Великобритании также повысился. В частности, в условиях сохранявшего остроту польско-литовского конфликта Дж.О. Чемберлен инициировал беседу с немецким послом на соответствующую тему. В ходе беседы он высказал подозрение, что Литву поощряют к непримиримой позиции по отношению к Польше агенты Советской России, а также, признавая исчерпанность средств со стороны Великобритании, интересовался, может ли Германия оказать давление на Литву. Основную причину своей озабоченности он связывал с угрозой использования Польшей механизма Лиги Наций в случае развития конфликта, что может повлечь масштабную войну

[21, р. 157]. Параллельно летом 1927 г. британские дипломаты отслеживали обсуждение проектов «Восточного Локарно» и реакцию на них в Германии. 13 июля в донесении из Варшавы Дж.О. Чемберлену сообщали, что в немецких газетах подчёркивалась «невозможность для Германии согласиться на такого рода расширение гарантии, признанной в отношении её западной границы». Польские же издания писали, что их немецкие коллеги неправильно интерпретировали эту идею. Она относится к соглашению между Польшей, СССР и его «пограничными государствами», а не к польско-германской границе. «Gazeta Warszawska Poranna» писала, что «Восточное Локарно» будет бесполезно без гарантий со стороны Великобритании, Италии, Франции [22, р. 249–251].

В сентябре 1927 г. Польша озвучила на восьмой сессии Ассамблеи Лиги Наций проект призыва от имени Лиги к заключению пактов о ненападении. Он в прессе получил название «Восточное Локарно». Однако принятая резолюция содержала лишь рекомендацию задействовать мирные средства для решения возникающих споров [23, с. 108–116].

То есть к осени 1927 г. Польше не удалось реализовать в каком-либо формате проект «Восточного Локарно», а Великобритания заняла очень сдержанную позицию в этом отношении, рассматривая в качестве главных факторов развития ситуации позиции Германии и СССР, не желавших усиления роли Польши в восточнобалтийском регионе, а также Франции, не желавшей ослабления позиций своего польского союзника.

С середины осени обозначился виток обострения польско-литовских отношений, осложнивший реализацию проекта «Восточного Локарно». В октябре А. Залеский приехал обсудить с Дж.О. Чемберленом состояние «технической войны» в литовско-польских отношениях. Он обращался с просьбой повлиять на литовское правительство, чтобы то выполнило просьбу об издании декларации о состоянии мира с Польшей. Глава Форин оффис обещал вникнуть в эту ситуацию, но поспешил предупредить польского коллегу, что любая попытка поляков добиться сатисфакции от Литвы силой настроит британцев против Польши: «Справедливо или нет – не имеет значения – Польша рассматривается многими кругами как достаточно беспокоящее государство, источник опасности для мира в Европе. Польскому правительству нужно более, чем любому другому, проводить политику величайшего терпения и умеренности. Эпизод с Вильно (занятие города отрядами Л. Желиговского с последующим присоединением Виленщины к Польше в 1922 г. – Е.Д.) не был забыт, и хоть его результат был санкционирован Конференцией послов и навязан нам, он не был полностью прощён. И если сейчас действия польского правительства вызовут новые беспорядки, немедленные последствия будут мрачными <...> более серьёзные последствия Польша ощутит в тот день, когда она может оказаться в состоянии настоящей опасности, поддержка Лиги, симпатия других государств будут иметь большое значение для неё» [24, р. 47–49]. 12 октября глава Форин оффис информировал коллег по британскому Кабинету о своей беседе с А. Залеским, обозначив, что премьер-министр Франции занимал аналогичную британской позицию [25, р. 291]. В ноябре он выразил надежду, что благодаря сотрудничеству с Францией и Германией удастся добиться разрядки в этом вопросе [25, р. 352]. В канун предстоящего в декабре заседания Совета Лиги Дж.О. Чемберлен снова обращал внимание на риски, связанные с литовско-польскими отношениями. Он указал, что, если Литва будет настаивать на «выдумке (!), что Вильно является конституционно и по закону столицей Литвы», и Лига будет не в состоянии изменить эту ситуацию, никто не может предсказать, какие действия предпримет Ю. Пилсудский [25, р. 417].

В то же время польско-литовские отношения были частой темой в беседах британских дипломатов с их коллегами из других стран. Так, британский посол в Берлине в конце октября 1927 г. инициировал беседу с министром иностранных дел Германии о Литве. Последний признавал необходимость Литвы для Германии, которая не могла позволить Польше иметь выход к морю между ней и Россией. Также глава немецкой дипломатии высказал опасения по поводу литовско-польских отношений, отметив, что какое-то решение лучше найти закулисно до вынесения вопроса на заседание Совета Лиги в декабре [24, р. 55–57]. Со своей стороны 24 октября французский посол в Лондоне предложил организовать совместно с Италией демарш в Ковно, чтобы добиться взаимного признания польского и литовского правительств [24, р. 72]. Не получив ответа, 28 октября французский посол вновь обратился с

вопросом о «литовской ситуации», на что был получен ответ, что планируется создать специальную комиссию трёх (представитель Дании, А. Бриан и Г. Штреземан) для предварительной выработки рекомендаций ввиду обращения Литвы к Лиге. Английские дипломаты рекомендовали и Польше обратиться в Лигу [24, р. 72–73]. Схема, предложенная Дж.О. Чемберленом, вызывала недовольство у польских политиков. Как прокомментировал её А. Залеский «Великие державы выводят из компетенции Совета споры, которые касаются их, но не возражают, чтобы великие державы решали споры между двумя меньшими государствами» [24, р. 78–79]. Свою оценку ситуации сообщил главе Форин оффис английский посол в Варшаве: существование Литвы в интересах Германии, она будет поддерживать мирное урегулирование спора между Польшей и Литвой, чтобы не дать первой повода начать наступление, остановить которое ни у России, ни у Германии сейчас недостаточно сил. Потому, возможно, влияние Германии и России будет использовано, чтобы подтолкнуть Литву прийти к разумному соглашению с Польшей [24, р. 133–135].

Опасения, что польско-литовский конфликт спровоцирует более масштабную войну, подогревались сообщениями о настроениях в Москве. Одно из таких сообщений Дж.О. Чемберлен представил в Кабинет в декабре 1927 г. Речь шла о содержании бесед с «большевиками, и даже с самим мистером Чичериным» по вопросам международных отношений. В ходе них у информаторов сформировалось впечатление, что Россия не готовит наступательной войны, но озабочена возможностью войны в ближайшем будущем. В России существовали подозрения, что у поляков есть враждебные намерения по отношению к Литве, есть опасность мятежа в Ковно, подобного тому, что был в Вильно. Эта ситуация будет поводом для вмешательства со стороны СССР «всеми силами» [26, р. 87–88].

То есть урегулирование отношений между Польшей и Литвой рассматривалось в Великобритании как крайне желательное, так как их обострение могло посредством механизмов Лиги Наций затронуть саму Великобританию. При этом у английских дипломатов сохранялся взгляд на Польшу и Литву как, соответственно, профранцузское и пронемецкое государства, схему урегулирования отношений между которыми должны выработать их «патроны».

7–10 декабря 1927 г. прошли заседания Совета Лиги, в ходе которых было достигнуто польско-литовское соглашение: Польша обязалась уважать независимость и территориальную целостность Литвы, а Литва заявила, что не считает себя в состоянии войны с Польшей. Великобритания добилась в Совете создания специальной комиссии по наблюдению за ходом польско-литовских переговоров [10, с. 299–301].

Итоги декабрьских решений были прокомментированы Дж.О. Чемберленом как «удовлетворительное решение польско-литовского спора» и «иллюстрация того, как многое может быть достигнуто, когда Берлин, Париж и Лондон находятся в согласии» [24, р. 180]. После сглаживания остроты литовско-польских отношений в дипломатических беседах вновь стала подниматься тема «Восточного Локарно». 10 декабря Дж.О. Чемберлен в беседе с Г. Штреземаном передавал тому слова А. Бриана о возможной необходимости после урегулирования польско-литовского конфликта подписать пакт о ненападении между Балтийскими странами, Россией, Германией, Польшей, Румынией. Он предлагал поразмышлять об этом. Г. Штреземан назвал помимо проблемы Бессарабии, на которую указал и Дж.О. Чемберлен, также проблему «Данцигского коридора». В ходе беседы выяснилось, что А. Бриан поднимал эту же тему в разговоре с Г. Штреземаном и предположил, что, если бы Польше гарантировали транзит, владение свободным портом Данциг и, «возможно, Мемелем», названную проблему можно было урегулировать. Оба политика проявляли склонность предполагать, что непосредственно в переговорах с Ю. Пилсудским удастся достичь урегулирования вопроса о коридоре [24, р. 180–182]. Здесь отметим, что 22 декабря Англия и Франция сообщили Литве, что считают решение 1923 г. по Виленскому вопросу окончательным [10, с. 299]. Таким образом, роль «разменной монеты» при решении вопроса о реализации проекта восточноевропейского пакта Великобританией отводилась Литве, Польша выступила как государство, позиция которого подлежала учёту и обсуждению, но позиция Германии оставалась приоритетным по сравнению с ней фактором.

Однако скорой реализации проекта восточноевропейского пакта не последовало. Начало польско-литовских переговоров о полной нормализации отношений затягивалось и в те-

чении весны 1928 г. у британских политиков сохранялось представление об остроте польско-литовских отношений [27]. Глава Форин оффис оказывал нажим на литовскую сторону [21, р. 47]. В ответ Литва предприняла попытки укрепить свои позиции. 24 сентября она обменялась нотами с СССР, предоставлявшими режим наибольшего благоприятствования в торговых взаимоотношениях, а 30 октября был подписан германо-литовский торговый договор [10, р. 304]. Также позиция Германии не способствовала скорой реализации такого проекта. Летом 1928 г. в Лондон приходили сообщения, что в немецкой прессе в ответ на предполагаемые претензии Польши на гарантии её границ путём подписания «Восточного Локарно» утверждалось, что ни одно немецкое правительство не поддержит эту идею [28, р. 123–124]. В Польше, в свою очередь, имелись опасения, небезосновательные по мнению английского посланника в Варшаве, что после урегулирования проблем на западных границах Германия может обратить внимание на незащищённую польскую границу. Потому Германия стремилась поддерживать неопределённость на северных границах Польши, чтобы при случае поднять вопрос о пересмотре её западных границ. Этим, равно как и стремлением сохранять возможность прямого контакта с Россией через территорию Литвы, обусловлена поддержка Германией Литвы в её претензиях на Виленщину [21, р. 599–600]. Английский посол в Берлине, правда, опровергал такое мнение, приводя содержание беседы с Г. Штреземаном, в которой тот уверял в слабости рейхсвера [29, р. 14–16].

3 января 1929 г. У. Эрскин, новый английский посланник в Польше, сообщал в Лондон, что в Варшаву поступило предложение от СССР подписать дополнительный протокол к пакту Бриана-Келлога, не дожидаясь ратификации всеми подписантами. Британский дипломат считал, что это предложение вызвано сложным финансовым положением СССР, с одной стороны, и укреплением положения Польши, с другой. В таких условиях, по мнению У. Эрскина, СССР опасался Польши и действительно проявлял стремление к подписанию мирного пакта [29, р. 25–26]. Как известно, Польша отнеслась к этому предложению положительно и 9 февраля 1929 г. в Москве Эстония, Латвия, Польша, Румыния и СССР подписали «протокол Литвинова».

Таким образом, к концу 1920-х поиски приемлемого для непосредственных и закулисных участников проекта «Восточного Локарно» не увенчались успехом, при этом для британских дипломатов роль Польши как фактора международных отношений в регионе несколько выросла, хоть и не достигла уровня ключевых акторов – Германии и СССР.

Литература

1. Хахалкина, Е. В. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации версальской системы: взгляд из Лондона / Е. В. Хахалкина, В. С. Дзюба. // Вестник Московского ун-та. Сер. 25 : Международные отношения и мировая политика. – 2021. – № 1 – С. 157–195.
2. Родин, Д. В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов : автореф. дис. ... канд.ист.наук : 07.00.03 / Д. В. Родин. – М. : МГУ, 2021. – 30 с.
3. Арумяэ, Х. За кулисами «Балтийского союза» (из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920–1925 гг.) / Х. Арумяэ. – Таллин : Изд-во «Ээсти Раамат», 1966. – 282 с.
4. Сиполс, В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919–1940 гг. / В. Сиполс. – Рига : Изд-во «Лиесма», 1968. – 348 с.
5. Варславан, А. Я. Английский империализм и буржуазная Латвия. Политико-дипломатические взаимоотношения (1924–1929 гг.) / А. Я. Варславан. – Рига : Зинантне, 1975. – 288 с.
6. Почс, К. Я. «Санитарный кордон» : Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.) / К. Я. Почс. – Рига : Зинантне, 1985. – 176 с.
7. Žiugžda, R. Lithuania and Western Powers 1917–1940 / R. Žiugžda. – Vilnius, 1987. – 254 s.
8. Sundbäck, E. The Baltic states, Finland, and British economic expectations in the early 1920s / E. Sundbäck // Journal of Baltic Studies. – 2002. – Vol. 33, № 3. – S. 307–321.
9. Пруцкова, А. В. Политика Великобритании в Прибалтике в период между мировыми войнами : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / А. В. Пруцкова ; СПбГУ. – СПб., 2000. – 344 л.
10. Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.) / М. И. Мельтюхов. – М. : Алгоритм, 2015. – 608 с.
11. Goldstein, E. Winning the peace. British diplomatic strategy, peace planning, and the Paris peace conference, 1916–1920 / E. Goldstein. – Oxford : Clarendon press, 1991. – 307 p.

12. Hiden, J. British policy towards the Baltic states : 1939–1945 / J. Hiden // *Lithuanian historical studies*. – 2004. – № 9. – P. 75–87.
13. Batowski, H. Między dwiema wojnami. 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Kraków : Wydawnictwo literackie, 2001. – 574 s.
14. Skrzypek, A. Związek Bałtycki. Litwa, Łotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSRR w latach 1919–1925 / A. Skrzypek. – Warszawa : Książka i wiedza, 1972. – 310 s.
15. Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 587 s.
16. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.
17. Documents on British foreign policy 1919–1939 (далее DBFP – Е.Д.) 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London, 1966. – Vol. 1 : The Aftermath of Locarno 1925–1926. – 881 p.
18. Cabinet Papers. № 1 (27)–50 (27) [Electronic resource] // The National Archives. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-184.pdf>. – Date of access : 17.08.2023.
19. DBFP. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London, 1970. – Vol. 3 : European and naval questions. 1927. – 802 p.
20. The Austen Chamberlain diary letters. The correspondence of sir Austin Chamberlain with his sisters Hilda and Ida, 1916–1927. – Cambridge : University Press, 1995. – 548 p.
21. DBFP. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London, 1973. – Vol. 5 : European and security questions. 1928. – 928 p.
22. British documents on foreign affairs : reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. From the First to the Second World War. Ser. F. Europe, 1919–1939. – Vol. 38. Germany, 1927 / ed. J. Noaks. – University Publications of America, 1993. – 410 p.
23. Родин, Д. В. Дискуссия вокруг польского проекта «Восточного Локарно» на VIII сессии ассамблеи Лиги Наций (сентябрь 1927 г) / Д. В. Родин // *Вестник Брянского гос. ун-та*. – 2019. – № 1. – С. 108–116.
24. DBFP. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London, 1971. – Vol. 4 : European and security questions. 1927–1928. – 668 p.
25. Cabinet Papers [Electronic resource] // The National Archives. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-55.pdf>. – Date of access : 17.08.2023.
26. Cabinet Papers. № 301 (27)–327 (27) [Electronic resource] // The National Archives. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-190.pdf>. – Date of access : 18.09.2023.
27. Poland (military preparations) [Electronic resource] // House of Commons Debates. 25, April. 1928. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1928/apr/25/poland-military-preparations>. – Date of access : 18.10.2023.
28. British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. From the First to the Second World War. Ser. F. Europe, 1919–1939. – Vol. 39. Germany, 1928 / ed. J. Noaks. – University Publications of America, 1993. – 308 p.
29. DBFP. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London, 1975. – Vol. 6. – 880 p.

Участие партийных и комсомольских организаций в комплектовании личного состава органов внутренних дел БССР в 1943–1991 гг.: к постановке проблемы

А.В. КАЩЕЕВ

В статье исследуется роль и место партийных и комсомольских организаций в кадровом обеспечении органов внутренних дел БССР в 1943–1991 гг. Определено, что в указанный период происходило постепенное расширение роли КПСС / КПБ в комплектовании личного состава ОВД. При этом особое внимание уделялось увеличению количества сотрудников, имеющих среднее специальное и высшее образование. В свою очередь, рост количества членов партии и комсомола среди сотрудников ОВД, в том числе путем приема их на службу, отражал стремление КПСС/КПБ получить дополнительное влияние на правоохранительную сферу государства.

Ключевые слова: Коммунистическая партия, комсомол, кадровое обеспечение, органы внутренних дел, БССР.

The article examines the role and place of party and Komsomol organizations in the staffing the internal affairs bodies of the BSSR in 1943–1991. It is determined that there was a gradual increase of the role of the Communist Party of the Soviet Union / the Communist Party of Belarus in the recruitment of the internal affairs personnel during that period of time. Special attention was paid to increasing the number of officers with secondary professional and higher education. The growth of the number of party and Komsomol members among internal affairs officers, also by their recruitment, in its turn reflected the desire of the Communist Party of the Soviet Union / The Communist Party of Belarus to gain additional influence on the law enforcement sphere of the state.

Keywords: Communist Party, Komsomol, staffing, internal affairs bodies, BSSR.

Эффективная работа органов внутренних дел (далее – ОВД) определяется в первую очередь профессионализмом сотрудников. По-прежнему сохраняют актуальность слова, произнесенные И.В. Сталиным в 1935 г. на встрече с выпускниками военных академий – «Кадры решают все!». При этом работа с личным составом является одной из самых сложных, так как требует учета не только интересов службы, но и установления баланса между личными, профессиональными, а также психофизическими качествами каждого отдельного сотрудника. В этой связи изучение вопросов кадрового обеспечения ОВД всегда вызывало интерес «ведомственных исследователей» и сохраняет свою актуальность сегодня. Перспективным оно представляется и с учетом расширения методологического аппарата исследований, в том числе исторических, на что указывает достаточно обширная историография, представленная в первую очередь работами, охватывающими советский период истории ОВД.

Цель настоящей статьи – определить роль и место партийных и комсомольских организаций в кадровом обеспечении органов внутренних дел БССР в 1943–1991 гг. Анализ историографии свидетельствует, что вопросы кадрового обеспечения ОВД БССР на системной основе стали изучаться с конца 60-х гг. XX в. Особых успехов в данном направлении достигли В.А. Ананич [1], [2], К.И. Барвинок [3], [4], Н.И. Ильинский [5], И.А. Сороковик [6], [7], М.Г. Ромашко [8] и др.

Так, одним из первых крупных исследований по истории кадрового обеспечения ОВД БССР стала диссертация М.Г. Ромашко «Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по подготовке кадров и политическому воспитанию личного состава органов МВД (1961–1968 гг.)», защищенная в 1971 г. В этой работе на системной основе рассмотрено одно из направлений кадрового обеспечения ОВД БССР через призму деятельности КПБ – подготовка кадров, а также воспитательная работа с ними [8]. Продолжателем данной тематики стал К.И. Барвинок, который в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность Компартии Белоруссии по подбору, подготовке и воспитанию сотрудников органов внутренних дел, 1971–1980 гг.» [3]. Ряд положений данного исследования нашли отражение в его монографии «Кадровая политика в органах внутренних дел Беларуси в последней трети XX в.»,

изданной в 2004 г. [4] Вопросы кадрового обеспечения в той либо иной степени находили отражение в диссертационных исследованиях по истории деятельности ОВД БССР (В.А. Ананич [1], Н.И. Ильинский [5] и др.). Ведь эффективность такой деятельности непосредственно связана с подготовленностью и укомплектованностью личного состава. После распада СССР проблема кадрового обеспечения ОВД БССР за исключением учебного пособия В.А. Ананича «Организация работы с кадрами милиции в Белоруссии (1971–1985 гг.)», изданного в 1992 г., и указанной монографии К.И. Барвинка на системном уровне не исследовалась. Несмотря на учебный вид издания, В.А. Ананич реализует в своей работе широкий спектр возможностей просопографии на основе анализа уникального статистического материала [2]. Необходимо учитывать, что большинство исследований по истории ОВД, подготовленных в советский период, имели ограничительный гриф и были недоступны для широкой общественности.

В постсоветский период отсутствие новых исследований по истории кадрового обеспечения ОВД БССР связано, в первую очередь, с ограниченными возможностями использования архивных источников и целого ряда исследований, сохраняющих ограничительный гриф. Фактически исследователям доступны сегодня материалы по истории ОВД довоенного периода, при этом архивные документы за период с 1930 г. по 1941 г. в достаточно ограниченном объеме. Среди современных работ, в которых вопросы кадрового обеспечения ОВД БССР в послевоенный период нашли свое отражение, можно назвать монографию И.А. Сороковика «Міліцыя ў механізме савецкай дзяржавы. 1964–1991 гг. На матэрыялах БССР». Ценность данной работы заключается в том, что автор при ее подготовке привлек значительный объем материалов, хранящихся в архиве МВД [6], [7]. Особого внимания заслуживает и ряд учебных пособий по истории ОВД, подготовленных сотрудниками Академии МВД, одно из которых было издано в 2021 г. под редакцией А.И. Мурашко [9]. Последним в 2022 г. была опубликована научная статья, в которой рассматривается историографический аспект изучения кадрового обеспечения подразделений ОВД БССР в 1953–1968 гг. [10].

Следует отметить, что в рамках изучения кадрового обеспечения ОВД БССР необходимо учитывать и общесоюзные тенденции в данном вопросе. Проблемы кадрового обеспечения и политико-воспитательной работы в ОВД на общесоюзном уровне также представлены как в советской, так и в современной, в первую очередь, российской историографии. В частности, данную тематику разрабатывали Р.С. Мулукаев [11], С.Ф. Зыбин [12], А.А. Резников [13], Е.Д. Проценко [14] и др.

В годы Великой Отечественной войны вся территория БССР была оккупированной, в связи с чем после ее освобождения в 1943–1944 гг. проходил постепенный процесс восстановления всей вертикали власти, в том числе и ОВД. Таким образом, для БССР вопросы кадрового обеспечения ОВД в первые послевоенные годы являлись первостепенными. Как указывает большинство исследователей, основную массу поступивших на службу в первые послевоенные годы сотрудников ОВД составляли бывшие партизаны, а также демобилизованные военнослужащие. Фактически в этот период для решения кадровых вопросов активно использовался тот человеческий ресурс, который был и мог в той либо иной мере выполнять возложенные на ОВД задачи. Российский исследователь А.А. Резников указывает, что для преодоления некомплекта повсеместно отходили от «обязательных условий и правил комплектования кадров» [13, с. 126]. Для ОВД БССР в указанные годы просто не было иной возможности для восстановления своей работоспособности. Одновременно с восстановлением деятельности советских органов, восстанавливалась работа партийных и комсомольских организаций как в целом по стране, так и в ОВД. По данным профессора Н.И. Ильинского в 1946 г. «партийно-комсомольская прослойка» в органах милиции БССР составляла 23 % [5, с. 20]. В свою очередь, российский исследователь С.Ф. Зыбин указывает, что в послевоенный период политические органы и партийные организации ОВД помимо политико-воспитательной работы осуществляли, в том числе подбор кадров [12, с. 106]. Однако комплектование личного состава в послевоенный восстановительный период было делом достаточно непростым. Принимаемые на службу в ОВД проходили обязательную специальную проверку, их деловые и моральные качества также изучались. Вполне логично, что наиболее проверенными с точки зрения политической благонадежности представлялись члены КПСС/КПБ и ВЛКСМ.

После смерти И.В. Сталина и укрепления позиций Н.С. Хрущева в управлении Советским государством наблюдается постепенный процесс установления полного контроля КПСС над ОВД. В условиях расширения влияния партийных организаций на деятельность ОВД 5 июня 1956 г. в ОВД были упразднены политорганы и должности заместителей начальников по политчасти, которые сохранялись только в строевых подразделениях. Уже 25 октября 1956 г. принимается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР», в котором особое внимание уделяется усилению влияния советских и партийных органов на подбор, расстановку и воспитание кадров милиции. Этим же постановлением был восстановлен принцип двойного подчинения ОВД – местным Советам и вышестоящим органам МВД. Как отмечает доктор юридических наук профессор Е.Д. Проценко, в рамках реализации указанного постановления партийные организации направили в ОВД СССР свыше 3 тыс. человек, а на должности министров, начальников УВД и их заместителей было выдвинуто более 100 опытных партийных работников, имеющих высшее и среднее образование [14, с. 40]. Так, в 1956 г. Министром внутренних дел СССР был назначен Николай Павлович Дудоров, занимавший ответственный пост в ЦК КПСС и никак не связанный с ОВД. В БССР в 1958 г. пост Министра внутренних дел также занял ответственный партийный работник, не имевший опыта службы в ОВД, член ЦК КПБ и глава Могилевского обкома КПБ Сергей Иванович Сикорский.

Однако указанная численность, даже в условиях оптимизации организационно-штатной структуры системы МВД, инициированной руководством страны, не могла удовлетворить реальные потребности ОВД. Следует отметить, что с середины 1950-х гг. особое внимание уделялось «качественной» составляющей будущих сотрудников ОВД, приоритет отдавался гражданам, имеющим высшее или среднее специальное образование. Непродуманные реформы ОВД, инициированные С.Н. Хрущевым (ликвидация в 1960 г. МВД СССР, преобразование республиканских МВД в 1962 г. в Министерства охраны общественного порядка (МООП)), еще больше обострили кадровый вопрос [11, с. 267–268]. В результате 17 августа 1962 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», в рамках реализации которого к началу 1964 г. в ОВД было направлено свыше 12 тыс. коммунистов [15]. За этот же период в ОВД БССР партийными и комсомольскими организациями было направлено более 500 человек, имеющих высшее или среднее специальное образование [8].

Приход к власти Л.И. Брежнева ознаменован свертыванием «хрущевской» реформы ОВД, уже в 1966 г. создано МООП СССР, преобразованное в 1968 г. в МВД СССР. Фактически Н.А. Щёлоковым была развернута программа по организационному и кадровому укреплению ОВД. В рамках ее реализации 19 ноября 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции». Этим постановлением предусматривалось комплектование ОВД путем тщательного отбора лучших представителей трудящихся, подготовленных и грамотных людей, включая прием на службу по рекомендациям трудовых коллективов. В результате в течение 1969 г. около 20 тыс. коммунистов и комсомольцев были направлены на службу в ОВД СССР [16], из которых более 2,5 тыс. в ОВД БССР [2, с. 6]. Роль трудовых коллективов, а фактически партийных и комсомольских организаций, в комплектовании ОВД была закреплена в статье 14 Положения о советской милиции, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. № 385 [17]. С 70-х гг. XX в. кадровая работа в МВД БССР стала вестись на плановой основе. Более того, в рамках реализации комплексных планов по предупреждению правонарушений кадровое обеспечение на такой же основе стали вести местные партийные организации КПБ (обкомы, горкомы и райкомы). Показательным в данной связи является Минский горком КПБ, который планировал в 1971–1975 гг. направить в ОВД 880 коммунистов и комсомольцев [4, с. 22]. В 1975 г. Бюро ЦК КПБ приняло решение направить в ОВД 1,5 тыс. коммунистов и комсомольцев. В итоге партийными и комсомольскими организациями всех уровней были предприняты соответствующие меры по реализации этого решения. В 1980–1982 гг. Бюро ЦК КПБ планировало направить на службу в ОВД еще 3 тыс. коммунистов и комсомольцев [4, с. 25]. Интерес представляют данные, содержащиеся в работе

профессора В.А. Ананича, которые отражают источники комплектования ОВД БССР. В частности, им показан рост в процентном соотношении числа сотрудников ОВД, рекомендованных партийными и комсомольскими организациями с 20,4 % в 1971 г. до 55,6 % в 1985 г. [2, с. 17]. Как указывает в своей монографии К.И. Барвинок, благодаря предпринятым ЦК КПБ мерам, несмотря на рост численности ОВД с 16244 до 30020 аттестованных сотрудников за период с 1970 по 1980 г., некомплект за указанный период сократился с 3,8 до 1,8 % [4, с. 26].

В рамках реализации положений Конституции СССР 1977 г. о признании КПСС руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций, решением ЦК КПСС в 1983 г. в системе МВД СССР восстанавливаются политорганы, которые действовали на всех уровнях управления ОВД [12, с. 111]. На политические органы возлагалось проведение в ОВД партийно-политической работы совместно с местными партийными организациями, а при участии кадровых подразделений – также решение вопросов кадрового обеспечения. В результате в 1984–1985 гг. на службу в ОВД СССР по направлению партийных организаций пришло более 55 тыс. коммунистов [16]. В 1988 г. была осуществлена реорганизация политических органов, которые в условиях демократизации и департизации политической системы СССР в конце 1990 г. были упразднены. При этом по данным И.А. Сороковика вплоть до конца 1990 г. роль партийных и комсомольских организаций в комплектовании ОВД БССР являлась существенной и не опускалась менее 43 % от общего числа принятых на службу сотрудников [7, с. 125]. Только после приостановки деятельности КПСС/КПБ практика комплектования ОВД коммунистами и комсомольцами по объективным причинам была прекращена.

Таким образом, в послевоенный период в кадровом обеспечении ОВД БССР прослеживается планомерное усиление роли КПСС/КПБ и увеличение числа коммунистов и комсомольцев среди впервые принимаемых на службу. Помимо борьбы с некомплектом, с начала 1960-х гг. при комплектовании личного состава ОВД особое внимание уделялось «качественной» характеристике будущих сотрудников, в первую очередь их образованию. Фактически реализуется целенаправленная программа по повышению образовательного уровня сотрудников ОВД, в том числе через подбор и направление на службу граждан, имеющих среднее специальное или высшее образование. Реализация данной программы, которая формируется совместными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, проводится партийными организациями на всех уровнях. А восстановление в 1956 г. принципа двойного подчинения активизирует деятельность местных советов народных депутатов, полностью контролируемых коммунистической партией, в кадровом обеспечении ОВД. В целом можно отметить, что расширение числа коммунистов среди личного состава ОВД через прием на службу, состоящих в рядах партии, или активизацию вступления в партию действующих сотрудников являлось отражением внутриполитического курса Советского государства, его идеологической основы и еще больше усиливало контроль КПСС/КПБ над ОВД.

Литература

1. Ананич, В. А. Деятельность милиции Белорусской ССР по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью (1971–1985 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В. А. Ананич ; Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1991. – 48 с.
2. Ананич, В. А. Организация работы с кадрами милиции в Белоруссии (1971–1985 гг.) : учеб. пособие / В. А. Ананич. – Минск : Академия милиции МВД, 1992. – 57 с.
3. Барвинок, К. И. Деятельность Компартии Белоруссии по подбору, подготовке и воспитанию сотрудников органов внутренних дел, 1971–1980 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / К. И. Барвинок ; Бел. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1987. – 27 с.
4. Барвинок, К. И. Кадровая политика в органах внутренних дел Беларуси в последней трети XX в. / К. И. Барвинок. – Минск : Академия МВД, 2004. – 264 с.
5. Ильинский, Н. И. Деятельность милиции Белорусской ССР по охране общественного порядка и борьбе с преступностью (1946–1960 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. И. Ильинский ; Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1984. – 39 с.
6. Саракавік, І. А. Мiлiцыя ў механiзме савецкай дзяржавы : 1964–1991 гг. : на матэрыялах БССР : у 2-х ч. / І. А. Саракавік. – Мiнск : А.М. Вараксiн, 2018. – Ч. 1. – 266 с.

7. Саракавік, І. А. Міліцыя ў механізме савецкай дзяржавы : 1964–1991 г. : на матэрыялах БССР : у 2-х ч. / І. А. Саракавік. – Мінск : А.М. Вараксін, 2019. – Ч. 2. – 390 с.
8. Ромашко, М. Г. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по подготовке кадров и политическому воспитанию личного состава органов МВД (1961–1968 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.570 / М. Г. Ромашко ; Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск, 1971. – 19 с.
9. История органов внутренних дел / А. И. Мурашко [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2021. – 175 с.
10. Мурашко, А. И. Кадровое обеспечение подразделений МВД – МООП – МВД БССР в 1953–1968 гг. : историографический аспект / А. И. Мурашко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 210–218.
11. История отечественных органов внутренних дел : учебник / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов. – М. : NOTA BENE, 2005. – 336 с.
12. Зыбин, С. Ф. Избранные труды / С. Ф. Зыбин. – СПб. : Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2012. – Т. I. – 476 с.
13. Резников, А. А. Кадровая политика органов внутренних дел СССР в послевоенные годы (1945–1946) / А. А. Резников // Вестник Московского университета. Сер. 21 : Управление (государство и общество). – 2011. – № 2. – С. 124–132.
14. Проценко, Е. Д. Правовые основы развития профессионального образования в системе МВД в послевоенный период / Е. Д. Проценко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 1. – С. 37–45.
15. Бондаренко, Т. А. Формирование престижа органов внутренних дел СССР в 50–60-е годы XX века / Т. А. Бондаренко // История государства и права. – 2006. – № 4. – С. 42–44.
16. Бюллетень управления по кадровой и воспитательной политике МВД Карелии. Выпуск 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://10.мвд.рф/upload/site14/document_file/Bulleten_-_2002_-_5.pdf. – Дата доступа : 30.03.2023.
17. О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции : постановление Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. № 385 [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/9044424>. – Дата доступа : 30.03.2023.

Научно-атеистическая пропаганда в музеях БССР в годы антирелигиозной кампании (1958–1964 гг.)

О.И. СЕВНИЦКАЯ

В статье на основании годовых отчетов музеев БССР, находящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, рассматривается проведение научно-атеистической пропаганды музеями БССР в период антирелигиозной кампании, пик которой пришелся на 1958–1964 гг. Использование архивного материала позволяет раскрыть основные формы работы музеев с посетителями, которые реализовывались с помощью постоянных экспозиций, выставок-передвижек, лекций, кабинетов атеизма, экскурсий и др., целью которых являлось преодоление религиозных предрассудков и проведение научно-атеистического воспитания граждан.

Ключевые слова: религия, музеи, лекции, выставки, антирелигиозная пропаганда, атеистическое воспитание, научный атеизм.

The article, based on the annual reports of the museums of the BSSR, located in the National Archive of the Republic of Belarus, examines the scientific and atheistic propaganda held by the museums of the BSSR during the period of the anti-religious campaign of N.S. Khrushchev, the peak of which was in 1958–1964. The use of archival material allows us to reveal the main forms of work of museums with visitors, such as expositions, travelling exhibitions, atheism classrooms, lectures, excursions, etc., the purpose of which was to overcome religious prejudices and conduct scientific and atheistic education of the citizens.

Keywords: religion, museums, lectures, traveling exhibitions, anti-religious propaganda, atheistic education, scientific atheism.

Введение. Период «воинствующего атеизма» (1920–1930-е гг.) в СССР был ознаменован широкомасштабными гонениями на церковь и направлен на физическое истребление наиболее активных верующих. Во время Великой Отечественной войны и первые годы после ее окончания отмечалось некоторое ослабление давления на религию, однако с приходом к власти Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.) отношения государства и религии постепенно стали обостряться [1, с. 42–46].

Началом антирелигиозной кампании считается принятие 7 июля 1954 г. постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в котором партийным, комсомольским организациям, Министерству просвещения СССР и профсоюзам предписывалось проводить антирелигиозную работу «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям» [2, с. 428–432].

10 ноября 1954 г. было принято новое постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», которое указывало, что «допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды. В ряде районов <...> допущены случаи <...> грубого отношения к духовенству. К выступлениям <...> допускаются невежественные люди, а подчас и халтурщики». Ноябрьское постановление делало акцент на научности антирелигиозной политики [2, с. 446–450].

С новой силой наступление на религию начато после XX съезда КПСС и укрепления власти Н.С. Хрущева. Так, 4 октября 1958 г. вышло секретное постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», которое обязывало различные государственные учреждения вести активную антирелигиозную пропаганду [3, с. 35]. На XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. была принята новая программа, провозгласившая построение коммунистического общества в СССР к началу 1980-х гг. Она обязывала партийные, советские и комсомольские организации «систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, опираясь на достижения современной науки». Решения съезда способствовали активизации атеистической пропаганды [4, с. 412].

Наконец, 12 мая 1964 г. Центральным комитетом КПСС было принято постановление «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся», в котором музеям предлагалось расширить массово-просветительскую и атеистическую работу, особенно на селе, посредством организации передвижных экспозиций, встреч со знаменитыми людьми и т. д. Особенностью кампании был ее небывалый размах, так как антирелигиозную борьбу вели не только правоохранительные и партийные органы, но и коллективы предприятий, профсоюзы, комсомол, общественные организации, учреждения культуры, в том числе музеи. Большое значение в гонениях на религию отводили пропагандистской работе, частью которой были лекции, произведения кино и литературы, публикации в газетах и журналах, музейные экспозиции, передвижные выставки и т. д. [5 с. 56].

В историографии научно-атеистическая пропаганда в музеях как самостоятельный объект исследования не рассматривалась, в основном исследователями внимание уделялось изучению антирелигиозной пропаганды в литературе, кинематографе, театре, СМИ и т. д.

Цель статьи – раскрыть роль музеев БССР в осуществлении пропагандистской работы в ходе антирелигиозной кампании в 1958–1964 гг.

Основная часть. С целью осуществления пропагандистской деятельности музеями использовались в основном нетрадиционные формы культурно-просветительной работы, одной из которых были антирелигиозные выставки-«передвижки». Они направлялись на фабрики, заводы, колхозы, учреждения образования и др. по заранее разработанным маршрутам, которые проходили по различным областям и районам республики. Этим расширялась география деятельности музеев. Так, например, организованная в 1962 г. Брестским областным краеведческим музеем выставка «Совместима ли наука и религия?» перемещалась по клубам и библиотекам Каменецкого района Брестской области [6, л. 82], а в 1963 г. пять передвижных фотовыставок «Наука и религия», оформленных сотрудниками Полоцкого краеведческого музея, были направлены на предприятия и учреждения г. Полоцка [7, л. 204].

Основным материалом таких выставок были фотодокументы, брошюры, лозунги и плакаты. Чаще всего они имели однотипные названия, такие как: «Наука и религия», «Совместима ли наука и религия?» и т. д. Они создавались во многих краеведческих и даже военно-исторических музеях БССР. Например, в 1961 г. выставки-передвижки под названием «Наука и религия» функционировали в Лепельском районном краеведческом [8, л. 59], Гомельском областном краеведческом музеях [8, л. 140], Кобринском военно-историческом музее имени А.В. Суворова [8, л. 166] и др. В 1963 г. в Слонимском краеведческом музее были оформлены две выставки «Наука и религия» и «По путям развития жизни» [7, л. 72].

В период хрущевской антирелигиозной кампании в СССР появился новый термин – «научный атеизм» (в противовес «воинствующему атеизму» 1920–1930-х гг.), так как предполагалось, что распространение научных знаний среди населения будет способствовать воспитанию граждан в духе научно-материалистического миропонимания и преодолению религиозных предрассудков, не оскорбляя при этом чувств верующих. Так, в 1961 г. в Брестском областном краеведческом музее была открыта выставка «Происхождение религии», целью которой являлось показать достижения науки, раскрывающие картину мира и увеличивающую власть человека над природой [8, л. 207].

На передний план научно-атеистической пропаганды было выдвинуто эволюционное учение Ч. Дарвина, дававшее ответы на вопрос о появлении человека на Земле в противовес религиозным представлениям. На эту тему в Гродненском государственном историко-археологическом музее функционировали следующие выставки: в 1961 г. – «Происхождение человека» [8, л. 191], 1963 г. – «Из истории развития жизни на Земле» [7, л. 247] и 1964 г. – «По путям развития жизни на Земле» [9, л. 6]. Подобные выставки организовывались во многих краеведческих музеях БССР. Так, в 1961 г. была создана выставка «Наука о происхождении человека» в Туровском районном краеведческом музее [8, л. 251].

Отделом природы Государственного музея БССР в 1964 г. принято решение об изменении способа представления публике тем «Охрана природы» и «Эволюционное учение Дарвина» путем распределения их по другим темам отдела природы. В освободившемся зале было решено показать борьбу науки и религии в вопросах происхождения Земли, появления жизни на Земле и

человека. В ходе разработки тематического плана состоявшей из трех разделов («Происхождение Солнечной системы и планеты Земля», «Происхождение жизни на Земле», «Происхождение человека») экспозиции «Наука и религия о происхождении Земли, жизни на земле и человеке» проводились консультации на географическом факультете БГУ, а также в отделе «Наука и религия» Государственного музея истории религии и атеизма в Ленинграде [9, л. 35].

Отличительной чертой хрущевской антирелигиозной кампании, пик которой пришелся на 1958–1964 гг., считается тот факт, что, несмотря на ее направленность против всех религий и конфессий СССР, она носила ярко выраженный протестантский характер. В 1961 г. Советом министров СССР была принята «Инструкция по применению законодательства о культах», в которой говорилось, что «Не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно православные христиане, истинно православная церковь, адвентисты-реформисты, мурашковцы и т. п.» [10].

Распространению «сектантства» на белорусских землях в XX в. способствовало участие белорусов, призванных в российскую армию, в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. Часть из них попала в немецкий плен, в том числе в протестантские земли Германии. В 1920-е гг. проповедники христиан веры евангельской, среди которых выделялись бывшие военнопленные, активно действовали на территории современных Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской областей. В Западной Беларуси протестантское движение распространялось еще быстрее вследствие трехлетней оккупации германской армией в период Первой мировой войны. Регионом наибольшего распространения протестантских общин стало Западное Полесье [11, с. 211–213].

После окончания Советско-польской войны (1919–1921 гг.) по Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. Западная Беларусь вошла в состав Польши, что значительно повлияло на ее религиозное развитие. Польское правительство способствовало распространению протестантизма, так как организационная структура белорусского протестантизма в 1920–1930-х гг. формировалась в контексте создания общепольской структуры протестантизма. Противоположная ситуация сложилась в Восточной Беларуси, которая была в составе СССР, где проводилась политика «воинствующего атеизма» (1920–1930 гг.). Объединение Западной Беларуси с Восточной в 1939 г. привело к тому, что Западную Беларусь затронула вторая, менее жесткая волна антирелигиозной политики [12, с. 2].

Разоблачению протестантов было посвящено значительное количество антирелигиозных публикаций в СМИ, литературных произведений и кинофильмов. Так, в 1960 г. в прокат вышел фильм «Правда о сектантах-пятидесятниках», снятый годом ранее на киностудии «Беларусьфильм». В нем рассказывалось о деятельности запрещенной пинской общины христиан веры евангельской и о состоявшемся в 1959 г. показательном суде над христианами-пятидесятниками, на котором были осуждены П.М. Полховский, И.И. Полховский и С.Я. Антонович.

В ходе проведения научно-атеистической пропаганды в Пинском краеведческом музее в 1962 г. были организованы две выставки. Первая фотовыставка «Нам не по пути с изуверами-сектантами» создана на основе местных материалов, разоблачавших деятельность «сектантов» в Пинске и экспонировалась на протяжении месяца у здания музея, а затем перемещалась по всем колхозам Пинского района, где сопровождалась чтением лекций соответствующей тематики.

Вторая фотовыставка «Порвем паутину мракобесов-сектантов! За что судили главарей секты пятидесятников в д. Сошно Пинского района» состояла из 24-х документов и демонстрировалась около четырех месяцев у здания музея. Материалы этой выставки переданы областному обществу политических и научных знаний для издания типографским способом в виде плаката с целью распространения ее по культурно-просветительским учреждениям Брестской области.

В отчете Пинского краеведческого музея за 1962 г. отмечалось, что при проведении проверки работы музея по атеистическому воспитанию представителями Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) был дан положительный отзыв о качестве атеистических выставок, организованных музеем. В результате одна из них была взята для показа в здании ВЦСПС [6, л. 205, 206]. В 1964 г. была оборудована еще одна антире-

лигиозная передвижная выставка «Они порвали с религией» в двух вариантах. В отчете о работе музея отмечалось, что «...выставки “Они порвали с религией” пользуются большой популярностью и построены на местных материалах» [9, л. 233].

С целью обеспечения выставочной деятельности эмпирическим материалом на атеистическую тематику происходило активное комплектование фондовых собраний музеев. Согласно отчету Пинского краеведческого музея за 1962 г., «в ходе работы отдела природы большое внимание было уделено атеистической пропаганде, в связи с чем проведен сбор материалов для организации атеистических выставок. Материалы и фотодокументы были частично изготовлены своими силами, путем фотографирования судебных процессов над пятидесятниками и т. п., и приобретены в киностудии документальных фильмов, КГБ и горкоме партии» [6, л. 152]. В 1963 г. в экспозиции Витебского областного краеведческого музея были представлены документы, «...разоблачающие реакционную сущность религии. В документах 1847–1848 гг. имелись предписания церковникам о проведении проповедей с целью принуждения крестьян к повиновению помещикам. Научно-экспозиционная работа музея была представлена, в том числе аннотированием фотодокументов о реакционной сущности религии, полученных из Центрального государственного исторического архива БССР в г. Могилеве» [7, л. 151, 152].

В 1963 г. основное внимание отдела истории досоветского периода Гродненского государственного историко-археологического музея было сконцентрировано «на сборе материалов, характеризующих реакционный характер католической и православной церквей, о жестокой расправе инквизиции над крепостными крестьянами, принадлежавшими Бригитскому монастырю в г. Гродно» [7, л. 240]. А в 1964 г. строились планы об открытии в одном из залов музея экспозиции по истории религии и атеизма [9, л. 174].

Для усиления идеологической борьбы в некоторых белорусских музеях создавались уголки атеизма и научно-атеистические кабинеты. Так, в Мозырском краеведческом музее в 1961 г. был оформлен уголок атеизма, состоявший из четырех разделов: 1) «История борьбы науки и религии»; 2) «Наука опровергает религиозные легенды»; 3) «Человек переделывает природу»; 4) «Марксизм-ленинизм о религии» [8, л. 111, 112].

В Речицком районном краеведческом музее, расположенном в помещении городского дома культуры, в 1961 г. был создан научно-атеистический кабинет, состоявший из следующих выставок: а) «Происхождение жизни на земле»; б) «Происхождение человека»; в) «Выдающиеся люди о религии»; г) «Наука и религия» [8, л. 181].

Особую роль в реализации идеологических задач партии играли постоянные музейные экспозиции, созданные на атеистическую проблематику. В 1963 г. постоянная экспозиция отдела природы Слонимского районного краеведческого музея была дополнена темой «По путям развития жизни», которая стала продолжением раздела экспозиции под названием «Развитие жизни на земле». Как следует из отчета Слонимского районного краеведческого музея за 1963 г. тема создана с целью усиления атеистической пропаганды в ходе проведения экскурсий [7, л. 71].

Задачи атеистического воспитания советских граждан решались не только в ходе пропагандистской деятельности музеев, они также рассматривались на методических семинарах музейных работников. Так, в 1962 г. на семинаре музейных работников Витебской области в Оршанском музее среди прочих вопросов обсуждалась тема «Вопросы научно-атеистической пропаганды в музеях» [6, л. 104, 105]. В 1964 г. в работе семинара-совещания работников исторических и краеведческих музеев в Ленинграде на тему: «О повышении роли музеев в атеистическом воспитании населения» приняли участие заведующая отделом природы Государственного музея БССР И.И. Лукашевич [9, л. 36] и старший научный сотрудник Гродненского государственного историко-археологического музея И.П. Балицкая, которая выступила с сообщением на тему «Атеистическая пропаганда на материалах экспозиции Гродненского музея по истории советского общества» [9, л. 176].

Воинственное отношение к религии проявлялось также во время проведения лекций, экскурсий и других форм культурно-просветительной работы музеев. В отчете Бобруйского краеведческого музея за 1961 г. читаем: «...во время чтения лекций в музее и при проведении экскурсий ведется работа по атеистической пропаганде. В частности, широко пропагандируется советский творческий дарвинизм. Указывается на то, что большое количество церквей, костелов, синагог, молитвенных домов и питейных заведений, которые существовали в горо-

де и районе до революции являлись средством одурманивания масс. Особо подчеркивается роль церкви, которую она играла в годы Гражданской войны, помогая немецким кайзеровским войскам и белопольским оккупантам и др.» [8, л. 177]. Барановичский краеведческий музей в 1963 г. сообщал: «...Проводя экскурсию в отделе природы, стремимся активно помочь посетителям усвоить марксистско-ленинские взгляды на развитие природы, познакомиться с основами современного дарвинизма. На основе имеющихся экспозиционных комплексов проводилась научно-атеистическая пропаганда, таким образом велась борьба с религиозными пережитками» [7, л. 91]. В 1963 г. работники Минского областного краеведческого музея принимали участие в вечерах вопросов и ответов по атеизму, проводимых городским комитетом КПБ и Обществом по распространению политических и научных знаний на швейной фабрике, в кинотеатрах «Родина» и «Спутник» [7, л. 145].

Для большей эффективности научно-атеистической пропаганды музейные экскурсии дополнялись выездными лекциями. В 1961 г. лекции на атеистические темы на предприятиях города и в крупнейших колхозах района читались сотрудниками Мозырского краеведческого музея [7, л. 112]. Увеличилось количество лекций на антирелигиозные темы в Витебском областном краеведческом музее. Сотрудники музея приняли также участие в поездке агитбригады Областного дома народного творчества по районам области, где в шести колхозах была прочитана лекция «Возникновение религии» [7, л. 247]. В 1963 г. сотрудники отдела изобразительного искусства Витебского областного краеведческого музея подготовили лекцию на тему «Разоблачение ореола святости церкви и ее слуг в творчестве русских художников» [7, л. 160]. В 1964 г. в Пинском краеведческом музее читались лекции на темы: «Миф об умершем и воскресшем боге» / Христе /, «Происхождение человека и возникновение религии» [9, л. 235].

В 1962 г. ЦК КПСС принял решение о необходимости более экономного расходования средств на социально-культурные нужды. Исполняя это решение, одновременно с сокращением финансирования издательств, театров, концертных организаций, Совет Министров БССР подготовил план сокращения расходов на содержание сети краеведческих музеев. Поступили соответствующие предложения также из Министерства культуры. В результате данного решения в 1962 г. Ошмянский, Березовский, Кричевский, Лепельский, Речицкий, Слуцкий, Столинский и Туровский государственные районные краеведческие музеи были преобразованы в народные с сокращением всех штатных единиц. Таким образом, вышеперечисленные музеи оказались в тяжелом материальном положении, что не позволяло, в числе прочего, на должном уровне проводить научно-атеистическую пропаганду среди населения [5, с. 55].

Так, в соответствии с приказом Управления культуры Гомельского облисполкома от 22 декабря 1962 г. упразднен Туровский краеведческий музей. Его фондовое собрание должно было быть передано на баланс школы № 11 г. Турова, однако в ходе осмотра коллекций комиссией, возглавляемой секретарем Житковичского райкома КПБ В. Беликовым, было принято решение разместить их в фойе местного Дома культуры. Штат музея составлял один научный сотрудник – энтузиаст-краевед П. Щекотович, благодаря которому работа музея продолжалась. Так, в 1963 г. им была прочитана атеистическая лекция «О происхождении человека». Музейную деятельность П. Щекотович вынужден совмещать с работой в колхозе, во время которой коллекции охраняли члены его семьи. Причем и во время выполнения сельскохозяйственных работ он не забывал и о своем основном занятии. Например, работая на сенокосе летом 1963 г. во время перерывов П. Щекотович проводил с колхозниками политмассовую работу, которая включала беседы на антирелигиозные темы [7, л. 48, 49].

В отчете о работе Минского областного краеведческого музея за 1964 г. отмечалось, что «...в связи с тем, что помещение нашего музея небольшое, нельзя было выделить отдельно тему научно-атеистического характера, однако, во всей экспозиции есть ряд документов, показывающих реакционную роль религии и церковников в разные периоды истории». Таким образом, недостаточное финансирование и слабая материально-техническая база приводили к ограниченному выполнению задач научно-атеистической пропаганды [9, л. 265].

Антирелигиозная кампания конца 1950-х – первой половине 1960-х гг. нанесла значительный ущерб историко-культурному наследию Беларуси. Большое количество храмов было закрыто, часть из них снесена. Часто бывшие культовые здания использовались под склады, мастерские и

тому подобные хозяйственные объекты, однако в ряде случаев в них были открыты клубы, кинотеатры, музеи [13, л. 101]. Так, решением Брестского горисполкома областному краеведческому музею в 1948 г. было передано здание Крестовоздвиженского костела, построенного в 1856 г. В 1950–1957 гг. костел был капитально перестроен (сняты две башни на главном фасаде, внутри обустроены этажи), что позволило функционировать в нем музею вплоть до 1990 г. [5, с. 68].

Лидский краеведческий музей открыт 24 апреля 1959 г. и размещен в здании бывшего костела св. Иосифа постройки начала XIX в. Общая площадь здания составляла примерно 600 кв. м., из которых в 1963 г. экспозиция занимала неф, разделенный на пять залов общей площадью 300 кв. м. В остальной части помещения проживало две семьи, еще одна комната площадью около 18 кв. м. была занята филиалом областной проектной конторы. Во время осмотра музея первый секретарь ЦК КПБ К.Т. Мазуров предложил открыть в городе планетарий, и в конце октября 1963 г. в купольной части музейного здания начаты работы по его оборудованию.

Согласно отчету Лидского краеведческого музея за 1963 г., по просьбе Гродненской областной организации общества «Знание» планетарию были переданы еще три комнаты общей площадью около 40 кв. м. В них размещались предметы экспозиции музея, свернутой по указанию Лидского горисполкома в начале ноября того года. По словам директора музея Н.И. Иванова, для осуществления полноценной работы и размещения экспозиции в оставшейся части здания необходимо было освободить его от жильцов и провести капитальный ремонт с переоборудованием некоторых частей здания. Тем не менее, и в последующие годы Лидский краеведческий музей вел атеистическую пропаганду в тесной пристройке костела, площадь которой не позволяла представить даже все уникальные предметы из фондового собрания [7, л. 96].

Заключение. В СССР атеистическое воспитание рассматривалось как составная часть общей задачи построения коммунистического общества. В ходе антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. роль музеев заключалась в распространении и утверждении в массовом сознании идеологически обусловленных атеистических взглядов и представлений, составлявших основу мировоззренческих позиций советского человека.

Сотрудниками музеев проводилась организация выставок-передвижек, атеистических кабинетов в различных культурных учреждениях и рабочих клубах, целью которых являлась критика и высмеивание религиозных обрядов. Акцентировалось внимание на безнравственном поведении священников, глупости и неграмотности верующих. Вместе с тем, большое внимание придавалось научному объяснению появления человека и жизни на Земле. Проведение антирелигиозных лекций, выезд представителей музеев с выставками на фабрики, заводы и колхозы стали первоочередной задачей музеев при проведении антирелигиозной пропаганды.

Недостаточное финансирование и слабая материально-техническая база музеев не способствовали качественному выполнению задач, поставленных в период антирелигиозной кампании. Так, в 1962 г. в результате сокращения финансирования Ошмянский, Березовский, Кричевский, Лепельский, Речицкий, Слуцкий, Столинский и Туровский государственные районные краеведческие музеи были преобразованы в народные с сокращением всех штатных единиц. Недостаток экспозиционных площадей в сравнительно небольших зданиях многих краеведческих музеев препятствовал созданию полноценных антирелигиозных экспозиций. В ряде случаев размещение музеев в имевших важное историко-культурное значение закрываемых культовых зданиях спасло их от последующего разрушения.

Литература

1. Митрохин, Л. Н. Баптизм : история и современность (философско-социологические очерки) / Л. Н. Митрохин. – СПб. : РХГИ, 1997. – 480 с.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т./ Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1983–1990. – Т. 8 : 1946–1955. – 1985. – 542 с.
3. Русская Православная церковь и право / А. И. Масляев [и др.]. – М. : Бек, 1999. – 464 с.
4. Материалы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М. : Политиздат, 1961. – 464 с.

5. Гужаловский, А. А. Музеи Беларуси (1941–1991 гг.) / А. А. Гужаловский. – Минск : НАРБ, 2004. – 218 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 974. Оп. 2. Д. 136.
7. НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 215.
8. НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72.
9. НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 284.
10. Панченко, А. А. «Трясуны» : дисциплинарное общество, политическая полиция и судьбы пятидесятничества в России [Электронный ресурс] / А. А. Панченко. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tryasuny-distiplinarnoe-obschestvo-politicheskaya-politsiya-i-sudby-pyatidesyatnichestva-v-rossii>. – Дата доступа : 14.02.2024.
11. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 337 с.
12. Шавель, А. Н. Исторические предпосылки развития протестантизма в Беларуси [Электронный ресурс] / А. Н. Шавель. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/bitstream/>. – Дата доступа : 13.02.2024.
13. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 21.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 14.02.2024

Молодежь в составе населения БССР в 1920–1930-е годы (этнокультурный аспект)

М.И. СТАРОВОЙТОВ

В статье впервые в белорусской историографии на основе значительной части новых архивных источников рассматриваются количественные и качественные изменения в составе молодежи, которая составляла около трети всего населения БССР. Мобилизационное повышение уровня грамотности и образования молодежи, особенно девушек, явилось важнейшим фактором изменения социокультурного облика этой части населения, как города, так и деревни. Автор, выделяя белорусскую специфику, приходит к выводу, что эти процессы в сложный межвоенный период существенно изменили социокультурный облик молодежи титульного этноса. Однако из-за медленных темпов урбанизации три четверти из них еще проживали в сельской местности. Это существенно сдерживало влияние этой активной части титульного этноса на общие социокультурные процессы в БССР.

Ключевые слова: молодежь, численность, грамотность, образование, титульный этнос, национальные меньшинства.

For the first time in Belarusian historiography, the article considers quantitative and qualitative changes in the composition of young people, which made up about a third of the total population of the BSSR, based on a significant part of new archival sources. The mobilization increase in the level of literacy and education of young people, especially girls, was the most important factor in changing the socio-cultural appearance of this part of the population, both in the city and in the countryside. The author, highlighting the Belarusian specifics, comes to the conclusion that these processes in the difficult interwar period significantly changed the sociocultural appearance of the youth of the titular ethnic group. However, due to the slow pace of urbanization, three-quarters of them still lived in rural areas. This significantly restrained the influence of this active part of the titular ethnic group on the general socio-cultural processes in the BSSR.

Keywords: youth, number, literacy, education, titular ethnos, national minorities.

Адекватная характеристика демографических, социальных, национальных и культурных изменений в составе населения в сложный межвоенный период, с множеством рисков и перемен, невозможна без анализа этносоциокультурного облика молодежи. Она занимала значительную долю в составе населения. Для корректности сравнения рассматриваются данные переписей 1926 и 1939 гг. о лицах в возрасте 15–29 лет. При этом обращается внимание на городскую и сельскую молодежь, на ее состав по национальному признаку, на гендерный фактор, а не на общие среднестатистические показатели. В значительной степени повышает достоверность и научность исследования компаративный метод сравнения аналогичных изменений в составе населения не только в целом по БССР, но и в отдельных ее административных единицах, который позволяет установить некоторую специфику в региональном разрезе.

Такое сравнение корректно, потому что эти территории не имеют резко выраженных различий ни в природно-географическом плане, ни историко-культурном, но отличались уровнем экономического развития, что влияло на социально-профессиональный состав населения и, прежде всего, молодежи, которая всегда социально мобильна. Цели и задачи социально-экономического, политического и культурного развития были обусловлены советской мобилизационной модернизацией 1920–1930-х гг. и способствовали выравниванию уровня социально-экономического и культурного развития союзных республик, регионов. Огромный вклад в это развитие вносила молодежь. Сравнение титульной белорусской молодежи с их одногодками среди представителей других национальностей / национальных меньшинств позволяет сделать достоверные выводы и установить общее и особенное в развитии этнодемографического и социокультурного облика белорусов в исследуемый период, что и является целью данной статьи (таблицы составлены, численность и % подсчитаны автором). Исследование такой проблемы имеет актуальное и научно-практическое значение. В белорусской историографии данная проблема практически не изучалась. В монографии В.В. Даниловича есть некоторые данные по обозначенной проблеме, но в целом автор ставил иную цель и задачи в своем исследовании [см. 1].

Советские социокультурные преобразования проводились в сложнейших экономических и политических условиях. Крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения, как всей страны, так и БССР, представляло собой малограмотную, малокультурную массу, которую большевики повели к новой жизни. За короткий промежуток времени крестьянская молодежь, особенно девушки, в условиях советской мобилизационной модернизации (*особенно мобилизационной эта модернизация была в сфере образования и культуры – М.С.*) меняла свой социокультурный облик и социокультурный облик всей страны. Прежде всего, это касается восточнославянского населения, которое было абсолютным по численности и в абсолютном большинстве аграрным этносом. Только во второй половине 1930-х гг. в условиях нарастающей индустриализации они включились в урбанизационный переход. Это касалось и белорусов. Белорусы, которые захотели «людьми зваться», становились людьми. Из состояния «этнографического материала» (Г. Горецкий) к концу 1930-х гг. их вывели в люди. Большинство из них и, прежде всего молодежь, кардинально изменили свой социокультурный облик.

В таблице 1 [2, с. 26–29, 32–37, 66–77] представлены общие данные, которые свидетельствуют, что молодежь в составе всего населения БССР в 1926 г. составляла примерно третью часть населения. При этом по гендерному признаку существенной разницы не было. В территориальном плане показатели свидетельствуют, что в городах доля мужчин была на 5 пунктов выше, а в сельской местности на 2,3 пункта ниже, чем доля женщин. Относительная численность молодежи этнических белорусов по гендерному признаку имела следующие различия. Среди всего населения и среди сельской молодежи белорусок было примерно на 2 % больше, а в городах, наоборот, меньше, чем белорусских мужчин. Имелись гендерные отличия и по другим национальностям.

Из таблицы 1 видно, что в составе всего населения данных возрастных групп, кроме русских мужчин, абсолютная численность уменьшается с возрастной группы 15–19 лет к возрастной группе 25–29 лет. Эта тенденция зафиксирована переписью 1926 г. среди всего мужского и женского населения данных возрастных групп, а также среди указанных в таблице национальностей, проживавших в сельской местности. Отличительная особенность имела в городах. В возрастной группе 20–24 года численность мужчин как в составе всего населения, так и в городских поселениях была значительно выше численности двух других возрастных групп. Значительно количественные показатели отличались у русских мужчин в городах. Так, русских мужчин в возрасте 20–24 года было в 2,9 раза больше, чем в возрастных группах 15–19 и 25–29 лет. Такое количественное различие повлияло на общий показатель и, прежде всего, на показатель в составе всего городского населения возрастной группы 20–24 года. Отличительные количественные показатели нами установлены в возрастной группе 20–24 года у русских мужчин и в 1939 г., но только среди проживавших в сельской местности. Это связано с тем, что дислокация частей РККА со второй половины 1930-х гг. размещалась преимущественно в сельской местности. Как в 1920-е, так и в 1930-е гг. большинство военнослужащих РККА Белорусского военного округа составляли русские. В 1926 г. из 58 905 человек военнослужащих на русских приходилось 62,3 % [3, с. 2, 3]. Значительные изменения в их национальном составе произошли в 1930-е гг. Подробнее об этом автор писал в специальной статье [см. 4].

Среди белорусской молодежи лиц в возрасте 20–24 года в городских поселениях было примерно столько же сколько и в возрастных группах 15–19 и 25–29 лет вместе взятых. Это также связано со службой в РККА, где в частях белорусы по численности были на втором месте после русских. Из таблицы 1 видно, что небольшое отличие по численности возрастной группы 20–24 года было у польских мужчин. Эта тенденция не затронула еврейских мужчин. Еврейская молодежь (в основном мужчины) в большом количестве выбывала в 1920–1930-е гг. за пределы БССР на учебу в ведущие вузы Москвы, Ленинграда и других городов СССР. Обстоятельно этот процесс изложен в монографии В. Константинова [см. 5].

В таблице 1 наглядно представлены данные об уровне грамотности всей молодежи и молодежи наиболее численно представленных национальностей (в документах они обозначались «выделенные национальности» – М.И.). Наиболее часто в документах переписей 1926 и 1939 гг. к ним отнесены три национальности: белорусы, евреи и русские или пять, когда еще указывают украинцев и поляков. Эти пять национальностей представляли в рассматриваемый период абсолютное большинство полиэтничного населения республики. Мы это учитываем при этнокультурной характеристике молодежи БССР межвоенного периода.

Мобилизационные мероприятия (работали даже особые / чрезвычайные комиссии) по ликвидации неграмотности дали положительные результаты. Из таблицы 1 видно, что в возрастной группе населения до 30 лет значительно ниже уровень грамотности был у сельских девушек и женщин. Это объясняется еще прочно существовавшими патриархальными семейными традициями и религиозным фактором, которые еще сдерживали социокультурный рост девушек и женщин.

Таблица 1 – Численность и уровень грамотности молодежи в 1926 г.

Возрастные группы. В населении*	Все население				Городское				Сельское			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Всего	%**	Всего	%**	Всего	%**	Всего	%**	Всего	%**	Всего	%**
Все население												
15–19 лет	282059	82,2	319398	53,4	42 703	92,9	50 652	90,4	239356	80,3	268746	46,5
20–24года	247962	88,5	233641	53,2	85 108	94,5	46 604	87,4	162854	85,4	187037	44,8
25–29 лет	179923	85,9	210444	40,2	36 202	94,5	42 259	80,2	143721	83,7	168185	30,1
Всего15–29	709944	85,5	763483	48,9	164013	94,0	139515	86,0	545931	83,1	623968	40,5
В населении	29,1	–	30,0		38,3		33,3		27,1		29,4	
Белорусы***												
15–19 лет	231955	81,1	260791	47,9	17 827	91,2	20 142	85,0	214128	80,2	240649	44,8
20–24года	171423	86,5	184813	46,7	31 347	93,0	17 910	81,3	140076	85,0	166903	42,5
25–29 лет	143204	84,5	165424	31,8	14 605	94,0	15 547	70,3	128599	83,4	149877	27,3
Всего15–29	546582	84,0	611028	42,1	63 779	92,7	53 599	78,9	482803	82,9	557429	38,2
% к насел-ю	22,4	–	24,0	–	14,9		12,8		24,0		26,2	
Евреи***												
15–19 лет	22 739	95,1	27 000	96,4	18 745	94,9	22 475	96,2	3 994	95,8	4 525	96,5
20–24года	17 061	95,6	23 276	93,8	14 286	95,4	19 863	93,7	2 775	96,4	3 413	94,2
25–29 лет	14 785	94,3	20 451	88,9	12 551	94,2	17 762	89,0	2 234	95,0	2 689	88,3
Всего15–29	54 585		70 727		45 582		60 100		9 003		10 627	
% к насел-ю	2,2	–	2,8	–	10,6	–	14,3	–	0,4	–	0,5	–
Русские***												
15–19 лет	18 648	81,5	21 536	59,8	4 667	92,3	6 035	86,8	13 981	77,9	15 501	49,3
20–24года	47 039	93,4	17 420	61,6	33 172	95,7	6 652	85,0	13 867	87,7	10 768	47,2
25–29 лет	15 329	90,1	16 655	53,3	6 721	96,7	6 553	79,2	8 608	84,9	10 102	36,5
Всего15–29	81 016		55 611		44 560		19 240		36 456		36 371	
% к насел-ю	3,3	–	2,2	–	10,4	–	4,6	–	1,8	–	1,7	–
Поляки***												
15–19 лет	5 274	81,8	6 295	72,6	854	91,3	1 232	90,4	4 420	79,9	5 063	68,2
20–24года	4 021	86,1	4 788	71,9	1 033	93,7	1 151	87,5	2 988	83,5	3 637	66,9
25–29 лет	2 966	87,2	4 441	64,5	764	94,6	1 273	82,2	2 202	84,6	3 168	57,3
Всего15–29	12 261		15 524		2 651		3 656		9 610		11 868	
% к насел-ю	0,5	–	0,6	–	0,6	–	0,9	–	0,5	–	0,6	–

Примечание: *) – доля возрастной группы 15–29 лет в составе всего населения; **) – процент грамотных в составе конкретной возрастной группы; ***) – порядок перечня национальностей сохранен по документу.

Доля лиц в возрасте 15–29 лет в составе населения к концу 1930-х гг. уменьшилась по сравнению с 1926 г. Часть из них родилась в период Первой мировой войны, в революционное время, в период гражданской войны и интервенции, когда рождаемость снизилась, а смертность возросла. Индустриализация и коллективизация, переезд на работу и учебу молодежи в города внутри и за пределы республики (юношей служба в РККА), изменения демографической ситуации / естественного прироста внесли существенные коррективы в половозрастную структуру молодежи городских поселений и сельской местности. В целом по БССР доля молодежи в составе всего населения составляла 27,3 % (28,4 % мужчин и 26,1 % женщин). В составе городского населения ее доля составляла соответственно 35,3 % (36,2 % и 34,5 %), а в составе сельского населения – 24,7 % (25,9 % и 23,5 %) [6, л. 4], [7, л. 3]. Как видим, в целом молодежь в конце 1930-х гг. уже составляла примерно четвертую часть всего населения. Это свидетельствует о наметившейся устойчивой тенденции перемещения молодежи в городские поселения, вызванной нарастающим урбанизационным процессом, который был разным в областном разрезе. В 1939 г. в Витебской области 36,3 % мужчин и 35,8 % женщин в городах составляла молодежь. В сельской местности молодежь составляла соответственно 26,5 % и 23,3 % [8, л. 1], [9, л. 1]. В Гомельской области эти показатели равнялись соответственно: 35,5 % и 32,5 %, 25,8 % и 24,0 %

[10, л. 1], [11, л. 1], в Могилевской области – 35,7 % и 34,5 %, 25,1 % и 23,1 % [12, л. 1], [13, л. 1], в Полесской области – 33,4 % и 30,8 %, 27,9 % и 25,0 % [14, л. 1], [15, л. 1]. Как видим, в возрастной пирамиде в белорусских областях заметна разница в доле молодежи в составе городского и сельского населения, что отражало уровень их индустриального развития, а также уровень индустриального и культурного развития областных центров. В крупных городах численность населения увеличивалась и за счет притока сюда сельской молодежи.

Так, на данные показатели по Минской области оказывал влияние тот факт, что г. Минск являлся и областным центром, и столицей, в которую закономерно стремилась молодежь. В области в городских поселениях доля мужской части молодежи составляла 37,5 %, а женской – 35,3 %, соответственно в сельской местности – 25,5 % и 22,6 % [16, л. 1], [17, л. 1]. В общей численности населения г. Минска (238 948 человек) на молодежь приходилось 90 451 человек или 37,9 % от общей численности населения города (39,7 % мужчин и 36,0 % женщин) [18, л. 1], [19, л. 1]. Национальный состав молодежи столицы был следующий: белорусов насчитывалось 50 016 человек (55,3 %), евреев – 20 396 человек (22,5 %), русских – 13 336 человек 14,7 %, представителей других национальностей – 6 703 человека (7,5 %) [16, л. 1].

БССР в конце 1930-х гг. оставалась преимущественно аграрной республикой. Как в середине 1920-х, так и в конце 1930-х гг. абсолютное большинство молодежи проживало в сельской местности. В 1939 г. ее численность составляла 1 032 687 человек или 24,7 % всего сельского населения. Из всего количество молодежи, а ее насчитывалось 1 518 115 человек, на селе проживало 68,0 %, т. е. более двух третей ее общей численности [6, л. 4], [7, л. 3]. Медленные темпы урбанизации БССР не способствовали интенсивному перемещению белорусской молодежи в города. По нашим подсчетам она и в конце 1930-х гг. в абсолютном большинстве проживала в сельской местности. В городах проживало только 25,4 % мужчин в возрасте 15–29 лет и 24,8 % женщин. У еврейской молодежи был самый высокий уровень урбанизированности в республике. Жителями городов являлись 85,9 % мужчин и 90,5 % женщин еврейской национальности [7, л. 36]. Высокая концентрация русских молодых мужчин в сельской местности связана со службой в РККА. Большинство воинских частей дислоцировалось вне городов. Русских мужчин в возрасте 20–29 лет среди сельских жителей было 89 364, а женщин – 9 408, т. е. в 9,5 раз больше. Этим объясняется резкое различие в гендерных показателях степени урбанизированности у русских в БССР. Мужчин в возрасте 15–29 лет в городах было 35,9 %, а женщин – 67,9 % от общей численности данной возрастной группы [7, л. 36].

С учетом возможного объема публикации на примере Витебской области, которая в 1939 г. после Минской области имела достаточно высокий уровень индустриального и культурного развития, а г. Витебск был вторым после г. Минска по численности населения городом БССР (167 299 человек), рассмотрим грамотность, образование и количество учащиеся среди молодежи пяти наиболее численно представленных национальностей.

Впервые вводимые в научный оборот данные таблицы 2 [20, лл. 1, 1об, 5, 5об, 8, 8об, 9, 9 об, 10, 10об] дают нам представление не только об уровне грамотности и образования многонациональной молодежи, но и об охвате молодежи различными формами учебы: школа, техникумы, вузы, профтехобразование в различных школах и на курсах. Это подтверждает тот факт, что в рассматриваемый период достаточно успешно проводилась целенаправленная государственная политика, которая дала значительные положительные результаты в решении вопросов грамотности и образования, как для всей белорусской молодежи, так и для представителей других национальностей.

Таблица 2 – Грамотность, образование, учащиеся среди молодежи Витебской области (1939 г.)

Белорусы			Русские			Евреи			Украинцы			Поляки		
15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29
Неграмотные														
1618	3289	8814	100	302	468	44	38	70	7	25	52	19	29	73
Грамотные														
53576	50901	70727	2619	20724	7144	1077	1478	2853	382	3470	1508	554	614	813
Среднее образование														
10827	11648	5842	1179	8318	3232	907	2380	2156	265	1743	591	142	280	182
Высшее образование														
6	386	585	–	104	320	5	151	325	–	31	56	2	6	10

Окончание таблицы 2

Учащиеся 1–4 классов														
1684	–	–	89	–	–	81	–	–	17	–	–	21	–	–
Учащиеся 5–7 классов														
19436	37	–	798	4	–	1326	6	–	120	–	–	188		
Учащиеся 8–10 классов														
9125	87	–	572	2	–	2262	13	–	57	–	–	82	1	–
Учащиеся техникумов														
7259	1026	80	421	110	35	444	148	33	41	19	5	94	13	2
Учащиеся высших учебных заведений (с 17 лет)														
549	892	320	70	128	68	310	367	110	41	33	8	17	27	7
Учащиеся прочих учебных заведений со средним образованием														
3030	2043	777	191	199	104	515	272	145	31	37	46	37	39	15
Учащиеся прочих учебных заведений без образования														
4342	1837	1371	320	284	275	515	83	119	65	24	44	55	25	19
Общеобразовательные школы взрослых														
2349	836	581	228	147	174	755	153	81	55	24	27	41	14	9
Школы неграмотных и малограмотных														
637	340	330	44	48	65	13	8	14	6	8	4	5	9	6
Школы ФЗУ и типа ФЗУ														
1440	24	4	4	112	1	2	2	–	14	–	–	21	–	–
Заочное обучение среднее														
148	684	204	3	9	10	8	30	15	–	9	2	1	14	3
Заочное обучение высшее														
130	675	416	4	31	35	15	85	89	–	6	8	3	9	6
Курсы, школы руководящих работников и специалистов														
508	390	171	42	162	56	15	49	35	11	19	20	5	11	5
Курсы, школы мастеров соцтруда														
136	200	77	17	23	15	24	24	37	1	2	2	2	3	1
Курсы, школы комбайнеров, трактористов														
1039	298	133	11	4	4	–	–	–	2	2	–	8	1	3
Курсы, школы квалифицированных кадров сельского хозяйства														
611	168	102	3	1	4	1	1	1	2	2	–	5	–	–
Курсы, школы массовых профессий рабочих														
342	272	154	42	56	21	14	7	1	5	10	5	1	3	1
Курсы, школы прочие														
31	18	12	4	3	1	7	3	1	–	1	–	–	1	–

Как в таблице 2, так и в таблице 3 [20, л. 1, 5, 8, 9, 10] мы видим, что абсолютная и относительная численность заметно отличается в возрастной группе 20–24 года у русских и украинцев. Это подтверждает вышеизложенную информацию о службе мужчин этих национальностей в РККА. На Витебщине дислоцировалось значительное количество частей Белорусского военного округа. Это в определенной мере повлияло на показатели грамотности и образования не только этих национальностей, но и на показатели по Витебской области. Такая тенденция наблюдалась во всех областях и в целом по БССР, так как в РККА в 1930-е гг. призывались только грамотные мужчины [см. 4]. Так, например, русских мужчин в возрасте 20–29 лет со средним образованием было 15 116 человек, что составляло 62,9 % от всех мужчин этой национальности, имеющих среднее образование в городе. В сельской местности соответственно – 25 924 человека или 78,9 % [6, л. 19]. В эту возрастную группу входили, прежде всего, военнослужащие 20–24 лет.

Таблица 3 – Молодежь основных национальностей Витебской области в 1939 г.

Белорусы			Русские			Евреи			Украинцы			Поляки		
15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29	15/19	20/24	25/29
11452	72196	88566	6429	30245	11651	7486	4936	5811	1026	5404	2288	1211	1034	1121
Доля в составе своей национальности данной возрастной группы														
10,5	6,8	8,3	6,4	29,9	11,5	9,7	6,4	7,5	6,6	34,5	14,6	10,5	9,0	9,7

Если в двадцатые годы в основном речь шла об элементарной грамотности, то к концу 1930-х гг. главным показателем становилось образование. Его росту, особенно среди молодежи, способствовало начавшееся развитие сети семилетних и средних школ, увеличение количества техникумов и вузов. Об уровне образования молодежи в составе населения своей национальности со средним (*от 7 классов до незаконченного высшего – М.С.*) и высшим образованием свидетельствуют данные таблицы 4 [8, л. 9–11]. Из них (порядок перечисления и количество национальностей сохранен по документам) видно, что среди всех мужчин и женщин городов и сел со средним образованием на долю лиц в возрасте до 30 лет приходилось от 67 % до 92 %, а с высшим образованием – от 25,0 % до 78,3 %.

Таблица 4 – Доля молодежи с образованием в составе населения** Витебской области и БССР, 1939 г.

Национальность	Образование	Городское население				Сельское население			
		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
		Всего	До 30*	Всего	До 30	Всего	До 30	Всего	До 30
Витебская область									
Белорусы	Среднее	17403	78,1	18128	85,8	16741	85,1	11962	92,0
	Высшее	968	32,3	440	50,2	624	54,3	159	65,4
Русские	Среднее	6345	77,0	4322	66,9	7562	84,2	866	71,9
	Высшее	565	25,7	231	46,8	407	34,6	45	66,7
Евреи	Среднее	5267	71,1	7575	71,6	735	76,6	567	85,7
	Высшее	528	31,3	520	43,5	126	38,1	59	71,2
Украинцы	Среднее	1232	73,5	470	78,7	1723	87,0	150	84,7
	Высшее	111	28,8	34	55,9	78	42,3	4	75,0
Поляки	Среднее	332	75,9	515	82,5	164	82,9	153	83,7
	Высшее	14	28,6	20	50,0	5	–	6	66,7
БССР									
Белорусы	Среднее	72448	77,1	69579	84,4	70358	84,6	45258	91,8
	Высшее	5075	27,7	2275	46,6	2493	51,6	549	65,2
Евреи	Среднее	26234	69,6	36777	73,1	3692	77,5	3132	86,1
	Высшее	3447	28,7	3199	43,1	548	47,4	221	69,7
Русские	Среднее	24033	76,1	15354	67,5	32838	84,8	2726	74,1
	Высшее	2445	25,1	1023	47,7	1772	36,6	139	57,6
Украинцы	Среднее	6483	73,2	2892	77,2	8222	86,5	892	88,3
	Высшее	637	26,1	167	52,1	356	46,1	32	71,9
Поляки	Среднее	1568	77,8	2094	81,4	851	89,5	799	91,1
	Высшее	100	37,0	77	62,3	36	63,9	23	78,3

Примечания: до 30*) – это данные о молодежи 15–29 лет; **) в % – это доля молодежи среди всех лиц указанных национальностей с данным образованием.

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что абсолютное большинство городской и сельской молодежи среднее образование получило уже в советское время. От четверти до двух третей молодежи в это время получили высшее образование. Показатели по высшему образованию в женской молодежной среде оказались выше, чем у мужчин. Это означает, что девушки и женщины всех национальностей активно вовлекались в процесс обучения в вузах. Прежде всего это касалось этнической белорусской молодежи, когда в условиях белорусизации шла подготовка национальных кадров для различных отраслей народного хозяйства. Изменения в социально-профессиональной структуре молодежи должны стать темой специального исследования.

Даже такой краткий анализ оригинальных архивных данных свидетельствует о том, что рост грамотности и образования, общей культуры, профессиональной подготовки в условиях мобилизационной советской модернизации коренным образом изменили социокультурный облик молодежи, особенно женщин-белорусок. В БССР, как и во всей стране, осуществили настоящую культурную революцию. Это существенным образом отразилось на общем социокультурном облике всего населения республики и, прежде всего, белорусов, которые формировались как нация на советской основе. Главнейшую роль здесь играли грамотность и образование, которые стали инструментом развития индивидуального человеческого потенциала и общества в целом.

Статья подготовлена в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы «12. ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 годы» Подпрограмма «12.1. подпрограмма «История». Проект НИР. Задание 1,03. «Изменения социальной структуры населения и государственной социальной политики в Беларуси в условиях советской модернизации 1921–1991 годов».

Литература

1. Даніловіч, В. В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.) / В. В. Даніловіч ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – 730 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – Т. X. – 289 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – Т. XXVII. – 156 с.
4. Старовойтов, М. И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 8–15.
5. Константинов, В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ) / В. Константинов. – Иерусалим, 2007. – 307 с.
6. Белорусская ССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
7. Белорусская ССР // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 429.
8. Витебская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 375.
9. Витебская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 547.
10. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
11. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 548.
12. Могилевская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
13. Могилевская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 551.
14. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.
15. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 552.
16. Минская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 377.
17. Минская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 549.
18. Минск // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 378.
19. Минск // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 550.
20. Грамотность, образование и обучение по возрастным группам, число состоящих в браке (по выделенным национальностям) // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 744.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 01.03.2024

К вопросу о некоторых особенностях перевода поэтических произведений Ли Цинчжао на русский язык

А.А. АКСЁНЧИКОВА-БИРЮКОВА

В статье выявляется специфика развития переводческого процесса китайской классической поэзии в России. На примере переводов на русский язык стихотворений поэтессы Ли Цинчжао поэтами М.И. Басмановым, А. Алексеевой, С.А. Торопцевым, Ю.М. Ключниковым определяются различные подходы к решению данного вопроса. Переводчики большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, биографии Ли Цинчжао, эпохе, в которую она творила, но в работах каждого из них отражены особенности их мировоззрения.

Ключевые слова: литературный перевод, китайская классическая поэзия, китайский язык, Ли Цинчжао.

The article reveals the specifics of the development of the translation process of Chinese classical poetry in Russia. Using M.I. Basmanov's, A. Alekseeva's, S.A. Toroptsev's, Yu.M. Klyuchnikov's translations of Li Qingzhao's poems into Russian, various approaches to solving this issue are determined. The translators paid great attention to understanding the images of Chinese classical poetry, the biography of Li Qingzhao, the era in which she worked, but each translation reflects the peculiarities of their own worldview.

Keywords: literary translation, Chinese classical poetry, Chinese language, Li Qingzhao.

Литературный перевод в настоящее время играет значительную роль во взаимодействии различных культур, являясь мощным стимулом для развития литературы, воплощая в себе сочетание традиций местных литературных произведений с творениями авторов других стран. В то же время национальная лингвокультурная специфика поэтического текста, заключающаяся в своеобразии лексики, грамматики, культурном контексте, стихотворной форме произведения, создает определенные трудности для художественного перевода.

Создание литературного перевода сопоставимо с самостоятельным поэтическим творчеством. Поэт, работая над переводом поэтического текста, не только подбирает эквиваленты слов и выражений, но и выражает эмоции автора, его мысли, в какой-то степени пишет новое произведение. В России на протяжении долгого времени стихотворные переводы входили в русскую поэзию как произведения, являющиеся в большей мере достоянием переводчика, а не переводимого автора, их целью при этом являлось самовыражение переводчика. Во второй половине 20-х гг. XIX в. начали формироваться переводческие принципы, которые предполагали сознательное подчинение переводчика художественной системе другого автора [1].

К концу XX в. сформировалось несколько стратегий переводческого процесса поэтического текста – от буквального, формального перевода до вольного, свободного. По утверждению академика М.Л. Гаспарова, нет «переводов плохих и хороших, равно как и переводов идеальных или канонических, так как ни один перевод не способен передать полностью оригинал. При переводе каждый выбирает в подлиннике только то, что считает главным, подчиняя ему второстепенное и опуская при этом третьестепенное. Переводчик полагается на свой вкус, взгляды своей литературной школы и исторической эпохи в целом» [2]. У каждого из них различная социальная и культурная среда, структура личных знаний, мировоззрения. Разница в понимании поэтического текста является основным фактором, вызывающим различные виды переводов.

Перевод китайской классической поэзии на русский язык сопряжен со значительными трудностями, что связано не только с тем, что китайский язык имеет иероглифическое письмо, но и с особой образностью, метафоричностью и смысловой насыщенностью поэтических

произведений. Поэт, работающий над художественным переводом, должен учитывать культурные особенности стихотворения, время его написания, биографию автора, иметь опыт литературной стилизации и способности литературоведа.

Сюй Юаньчун (1921–2021) – известный китайский переводчик, важнейший представитель школы, выступающей за точный и рифмованный перевод поэзии, выдвинул «Теорию трех красот», согласно которой переводная поэзия должна быть основана на передаче красоты оригинала – красоты смысла, звука и формы. В книге 《文学与翻译》 [Wénxué yǔ fānyì] «Литература и перевод» Сюй Юаньчунь пишет: 译诗要像原诗一样能感动读者的心, 这是意美; 像原诗一样有悦耳的韵律, 这是音美; 还要尽可能保持原诗的形式, 这是形美 [Yì shī yào xiàng yuán shī yīyàng néng gǎndòng dúzhě de xīn, zhè shì yì měi; xiàng yuán shī yīyàng yǒu yuè'ěr de yùnlǜ, zhè shì yīn měi; hái yào jǐn kěnéng bǎochí yuán shī de xíngshì, zhè shì xíng měi] – Переводное стихотворение должно согревать душу читателя, как и оригинальное, в чем красота смысла; в переводе необходимо сохранить приятный ритм оригинала, в чем заключается красота звука; оно также должно сохранить, насколько это возможно, его структуру, в чем заключается красота формы [3].

Предметом данной работы являются особенности перевода стихотворений Ли Цинчжао (1084–1151) на русский язык. Материалом исследования послужили переводные поэтические тексты, авторами которых являются М.И. Басманов, А. Алексеева, С.А. Торопцев, Ю.М. Ключников.

Рассмотрим различные подходы к переводу на русский язык китайской классической поэзии на примере произведений поэтессы эпохи Сун Ли Цинчжао. Язык ее стихотворений необычен, изящен, метафоричен и эмоционален.

Представителями первого направления можно назвать переводчиков М.И. Басманова и А. Алексееву, которых отличает стремление к точности перевода. Объем переводных стихотворений по сравнению с оригиналом увеличен, что позволяет авторам очень тонко передать все эмоции, которые эксплицитно и имплицитно выражала в своих поэтических творениях Ли Цинчжао.

Поэт и переводчик М.И. Басманов (1918–2006) первым познакомил русского читателя с творчеством Ли Цинчжао. В 1970 г. вышла его книга «Строфы из граненой яшмы» [4], в которой были представлены переведенные на русский язык стихотворения поэтессы. М.И. Басманов очень бережно относился к тому, чтобы его перевод точно передавал оригинальный текст произведения. Прекрасное владение русским и китайским языками позволило переводчику точно воссоздать поэтическое содержание и музыкальность стихотворений Ли Цинчжао.

Переводческая стратегия М.А. Басманова состоит в выделении таких образов-символов, которые актуализируют процесс познания через диалог русского читателя с китайской поэтессой. К ним, в частности, относятся *мэйхуа*, *хризантема*, *дикий гусь*, *западная башня*, *лотос*, *флейта*:

Печальный голос слышен мне: / «Наш старый друг, прощай!» / То гуси где-то в вышине / Летят в далекий край. / Здесь было много хризантем, Цвели – и отцвели. О них не вспомнят... и зачем? / Валяются в пыли (《寻寻觅觅》 [Xún xúnmì mǐ] «Грусть в сердце и смятение дум...»);

Ушел он, кто только что пробовал флейту, / Зияет покинутой башни пролет. / И страшно подумать, что вместе со мною / На верх этой башни никто не взойдет (《藤床紙帳朝眠起》 [Téng chuáng zhǐ zhàng cháo mián qǐ] «На ложе из тэна за пологом тонким...»);

Свет лунный над западной башней / И туч поредевшая стая. / Не гусь ли доставит / Письмо мне? Кричит он, В ночи пролетая... (《红藕香残玉簫秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Не радуется лотос увядший...»);

Падал снег. А в саду мэйхуа, / Как всегда, в эту пору цвела. / Помню, веточку алых цветов, / Захмелев, я в прическу вплела (《年年雪裏》 [Nián nián xuě lǐ] «Падал снег. А в саду мэйхуа, как всегда, в эту пору цвела...»).

Употребляя номинации *заколка для волос*, *подушка*, *курильница*, *халат*, *клепидра*, переводчик значительное внимание уделяет описанию предметного мира, который окружает героиню:

Из яшмы курильница за ночь остыла, / Дымок ароматный исчез без следа. / Так чувствва мои, что бурлили когда-то, / Теперь словно в заводи тихой вода. (《藤床紙帳朝眠起》 [Téng chuáng zhǐ zhàng cháo mián qǐ] «На ложе из тэна за пологом тонким...»);

Я надела расшитый халат, / Что носила прошлой весной... / Головою к подушке прильнув, / Я сломала феникс резной (《暖雨晴风初破冻》 [Nuǎn yǔqíng fēng chū pò dòng] «Ветер ласковый, теплый дождь растопили последний лед...»).

М.И. Басманов дополнительно вводит в текст эпитеты, пояснения, метафоры, не отражающие культуру Китая, которые несколько русифицируют его, делают стихотворения ближе для восприятия русским читателем: *горько рыдает, как на беду, паутина грусти, горечь разлуки, сметено временем, таинство, ни жива ни мертва, смятенье дум*:

Всюду в доме моем тишина, / И душа паутиною грусти / Крепко-крепко оплетена (《寂寞深閨》 [Jì mò shēnguī] «Всюду в доме моем тишина...»);

Где-то, но где – я не знаю, / Горько рыдает свирель. / Голос ее то затихнет, / То донесется в окно (《小閣藏春》 [Xiǎo gé cáng chūn] «В маленький терем проникла и притаилась Весна...»);

Дымятся ветки опушенной ивы, / И звуки флейты грустные слышны, / Поет она про увяданье сливы – О, таинства извечные весны! (《落日熔金》 [Luò rì róng jīn] «Расплавленное золото заката...»);

Грусть в сердце и смятенье дум, / Тревожит каждый звук. / Холодный мир вокруг угрюм, / И пусто все вокруг (《寻觅觅》 [Xún mì mì] «Грусть в сердце и смятенье дум...»);

Проснулась я за полночь вдруг, / Лежу ни жива ни мертва – / Из вазы, что подле меня / В глаза мои смотрит весна (《春到長門春草青》 [Chūn dào cháng mén chūncǎo qīng] «Весна по Чанмыню идет...»).

Переводчик дает небольшие пояснения в конце некоторых стихотворений. Это касается используемых в тексте топонимов (*Чанъань, Молин, Цзянкан* – древние столицы Китая, *Улин, Чанмынь*), названий некоторых праздников (Праздник поминовения усопших – *Цинмин*, Праздник середины осени – *Чжунцзю*), а также названий растений (*мэйхуа, мусихуа*).

Переводчица Алена Алексеева является приверженцем поэтической концепции перевода профессора Л.Н. Меньшикова. В своей работе она руководствуется такими принципами, как сохранение рифмы, благозвучие, исключительная точность в передаче подлинника.

В 2019 г. вышла книга «Яшмой звенящие цы» [5], в которой представлены стихотворения Ли Цинчжао в переводах А. Алексеевой. Поэтесса избегает в переводах лишних деталей и не перегружает их дополнительными образами.

В то же время следует отметить яркую эмоциональность переводов А. Алексеевой, которая акцентирует внимание душевных переживаниях героини и на причинах, переполнявших ее чувства:

Иссякло куренье, угасло куренье, / сердце болит от утрат, / Западный ветер, теплее оденусь, / листья утуна летят (《臨高閣》 [Lín gāogé] «С башни я вижу вдали...»);

Печалюсь о том, что весна позади, / Цветы мэйхуа / срывают, терзают дожди (《寂寞深閨》 [Jì mò shēnguī] «В покоях моих я скучаю одна...»);

И боль расставанья терзает меня, / заполнила сердце тоска, / Разлуку мне вынести хватит ли сил? (《昌樂館寄姊妹》 [Chāng lè guǎn jì zǐmèi] «Расставание двух любящих на постоялом дворе»);

И волны весенние катит река, / как сердцу покой обрести? / Не чувствую – шелковый влажен халат, / и плачу о прошлом опять, / Гуменник один меня сможет понять (《帘外五更风》 [Lián wài wǔ gēng fēng] «На пятую стражу вдруг ветер холодный подул...»).

Переводы многих произведений Ли Цинчжао А. Алексеева снабжает комментариями, чтобы читатель мог глубже понять эпоху, в которую жила и творила поэтесса, культурные и исторические реалии того времени. Переводчица выявляет в стихотворениях аллюзии на поэтические тексты великих предшественников: Ли Бо (*в молчанье за чаркой вина*), Лю Фанпина (*дождем обрывает на груше цветы*), Тао Юаньмина (*восточный плетень*), Бо Цзюйи (*и длится и длится печаль*), которые позволяют ей передать эмоции героини:

Вино за восточным плетнем в этот день / мы пили с тобой год назад, / Хранят рукава и нынче цветов аромат (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Туман, облака, долгий пасмурный день...»);

Прохладно, и руки согреть у огня, / светильник зажгу я теперь, / Дождем обрывает на груше цветы, закрою тяжёлую дверь (《枝上流莺和泪闻》 [Zhī shàngliú yīng hé lèi wén] «Я слушала пение иволги той...»);

Стемнело, не видно гусей и следа. / Но кто же письмо передаст? / На башне стою, глядя вдаль, / И длится, и длится печаль (《春暮》 [Chūn mù] «Весна в Императорский город пришла...»).

Переводчица большое внимание уделяет пояснению древних китайских праздников (*Ханьши* – праздник холодной пищи, *Цинмин* – день поминовения предков, *Чунъян* – праздник двойной девятки, *Юаньсяо* – праздник фонарей), топонимов (*Чанъань*, *Пурпурная гора* – небольшая гора у города Нанкин, с которой связано много исторических событий, *Наньпу* – название переправы), известных личностей (*Чжун Сюань* – китайский император династии Тан) и мифологических персонажей и реалий (*Ткачиха и Пастух*, *птица Пэн*, *Пэнлай* – одна из трех священных гор в китайской мифологии, *Священные горы*), время с трех до пяти часов утра (*пятая стража*), названия цветов (*кинмокусей*, *гуйхуа*), упоминаемых в стихах Ли Цинчжао. Все это помогает читателям, которые не владеют китайским языком и не знают исторических и культурных нюансов, лучше понять смысл поэтических произведений Ли Цинчжао.

Несколько иной взгляд на переводческий процесс имеет востоковед, переводчик С.А. Торопцев (род. 1940). По его мнению, переводчику необходимо сотрудничать с ученым-энциклопедистом, однако в первую очередь он должен сам проникнуться эмоциями, музыкой оригинала, увидеть мир глазами автора переводимого стихотворения и пытаться найти всему соответствия в своей душе.

Сборник «Я – птица» [6], изданный в 2020 г., содержит лирические произведения Ли Цинчжао. Переводчик не стремится к словарной точности и правильной расстановке знаков препинания, тем более что по его утверждению, в разных оригинальных изданиях они могут находиться в разных местах [7].

Как считает С.А. Торопцев, обширные комментарии отвлекают читателя от целостного восприятия поэтического текста, однако дают ему возможность понять замысел автора переводимого стихотворения. Переводчик дает небольшие пояснения, касающиеся китайских праздников (*Праздник фонарей*, *Чунъян*), имен (*Хэ Мунь*, поэты – *Цюй*, *Тао*), аллюзий (*Ван Цанева печаль*, *парчовое письмо*, *Цзянкан*, *Молин*, *западная застава*, *Улин*, *восточный плетень*), мифологический реалий (*Холмы бессмертных*, *Пэнлай*), имеющиеся в оригинальных поэтических текстах Ли Цинчжао.

Отличительной чертой переводов С.А. Торопцева является их глубина, высокая степень сконцентрированности и лаконичность, что соответствует основным принципам китайской классической поэзии и произведениям Ли Цинчжао, в частности. Поэт передает смысл переводимого стихотворения, эмоции, которые испытывал автор, не увеличивая при этом количество строк и сохраняя графический рисунок.

При переводе стихотворений поэтессы он использует слова возвышенной лексики: *нега*, *завывал ветрило*, *доселе*, *стучится у врат*, *ложе*, *одр стыл*, *думою полна*, *полночный хлад*, для того чтобы воссоздать атмосферу древней эпохи:

Всю ночь лил ливень, завывал ветрило, / забылась сном, не распростившись с хмелем (《其二 昨夜雨疏风骤》 [Qí èr zuóyè yǔ shū fēng zhòu] «Всю ночь лил ливень, завывал ветрило»);

Дух лотоса иссяк, и одр мой стыл, / пора сменить одежды лета. / На ложе я опять одна, / парчовый стих не получил ответа (《红藕香残玉簟秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Дух лотоса иссяк, и одр мой стыл»);

Так трижды в два года Владыка весны / приходит в наш сад – / и нынче он снова стучится у врат (《春到長門春草青》 [Chūn dào cháng mén chūncǎo qīng] «Весна у высоких ворот...»);

Опять чунъяново веселье, / а под моей москитной сеткой – / полночный хлад нещадно резкий (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Насуспен день и тягостно немерен»).

Переводя названия растений, С.А. Торопцев использует греческое название хризантемы – *хрисанф* ‘златоцветный’, и общеизвестное название мифологического дерева утун – *платан*;

С вином к плетню пойду, уж день потух, пронзит меня хризанфа тонкий дух (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Насушлен день и тягостно немерен»).

В то же время поэт стремится приблизить дух стихотворения к менталитету русского читателя, вводя в текст стихотворения элементы, передающие христианское мировоззрение – *горний престол, тварный мир*:

Душа моя сблизилась с горним престолом, / и было мне Слово: / чего, спросил Он, достичь я готова (《天接云涛连晓雾》 [Tiān jiē yún tāo lián xiǎo wù] «С земными смешались небесные волны»).

Переводы поэта Ю.М. Ключникова (род. 1930) сам автор относит к категории так называемых вольных переводов, свободных переложений, стихов по мотивам, поэтических откликов на стихотворения китайских авторов. В 2018 г. вышел сборник переложений стихотворений китайских авторов «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» [9]. Поэт, не владея китайским языком, пишет поэтические произведения с использованием подстрочников.

Автор не ставит перед собой цели добиться буквальной точности, но в то же время стремится передать национальный дух стихотворений. Для поэта важно, чтобы при переводе рождались хорошие русские стихи, близкие и понятные читателю. По мнению Ю.М. Ключникова, русификация китайской поэзии неизбежна [8]. Он стремится китайскую поэтическую форму сделать близкой русской. Одним из принципов, которым поэт руководствовался в своей работе, является обязательное использование рифмы, помогающее читателю воспринимать поэтический текст.

Ю.М. Ключников сохраняет значимые для китайской поэзии образы – *хризантема, лотос, гусь, западный ветер, башня, восточный плетень, цветы груши*:

Гусь одинокий надо мною / С тревожным криком пролетает (《红藕香残玉簟秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Цветок не радуется увядший...»);

Мне вспомнились закатные мгновенья – / Мы вместе у восточного плетня... (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Уходит день, и туча серой птицей клюет во тьме Девятую Луну...»);

И ветер западный бесчинствует в окне!.. / Ты видел бы, как вянет хризантема, / Когда бы заглянул в окно ко мне (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Уходит день, и туча серой птицей клюет во тьме Девятую Луну...»).

В то же время поэт старался не утяжелять свои переводы китайскими терминами, топонимами, именами, чтобы избежать комментариев и пояснений, которые, по его мнению, отвлекали бы читателя от постижения духа стихотворения, его сути.

Ю.М. Ключников использует образы, уточнения, эпитеты и метафоры не характерные для китайской классической поэзии, но понятные русскому читателю (*полузакрытые глаза, счастья пушинки, древнее преданье, туча-птица, кувшинки, простор голубой, вешняя капель, весны приметы, туча серой птицей*):

Сели в лодку. Поплыли назад, / Раздвигая в дороге кувшинки. / В наших полузакрытых глазах / Тихо таяли счастья пушинки (《其一 常记溪亭日暮》 [Qí yī cháng jì xī tíng rì mù] «Мы с тобою в хмельном забыты...»);

Какую весть несет, – не знаю, / На север с южной стороны? / Быть может, древнее преданье, / Иль предстоящее свиданье... (《红藕香残玉簟秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Цветок не радуется увядший...»);

Видно, душа захотела / Вырваться вдруг к свободе, / На вечный простор голубой (《天接云涛连晓雾》 [Tiān jiē yún tāo lián xiǎo wù] «Сон мне приснился недавно...»);

Уходит день, и туча серой птицей / Клюет во тьме Девятую Луну (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Уходит день, и туча серой птицей клюет во тьме Девятую Луну...»).

Кроме того, для создания вольного перевода поэт мог использовать часть оригинального стихотворения. Таковы его стихи по мотивам «В саду коснулась веточки сирени...», «За горизонтом скрылась туча-птица...», отсылающие к произведению Ли Цинчжао 《藤床紙帳朝眠起》 [Téng chuáng zhǐ zhàng cháo mián qǐ] «На ложе плетеное утренний свет...» и стихотворение

«Уж нет того, кто вдохновлял мою свирель...», являющееся откликом на произведение 《梦断漏悄》 [Mèng duàn lòu qiāo] «Проснулась, клепсида почти не слышна...».

Однако необходимо отметить, что все подобные «вольности» переводчика позволяют ввести стихотворения китайской поэтессы в русский литературный контекст, сохранив при этом эмоциональное настроение оригинала, соединяя русскую и китайскую поэтические традиции.

По утверждению В.М. Алексеева, для китайских стихотворений не существует каких-либо стабилизированных принципов перевода: каждый из них отвечает своему читателю и назначению, и мастерство переводчика индивидуально. М.И. Басманов, А. Алексеева, С.А. Торопцев, Ю.М. Ключников большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, биографии Ли Цинчжао, эпохе, в которую она творила, но каждый из переведенных текстов отражает особенности мировоззрения самих переводчиков.

Литература

1. Гаспаров, М. Л. Брюсов и буквализм / М. Л. Гаспаров // Поэтика перевода. – Москва, 1988. – С. 51.
2. Левин, Ю. Д. В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии / Ю. Д. Левин // Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л. : Наука, 1985. – С. 8–26.
3. 许渊冲. 文学与翻译. 北京: 北京大学出版社, 2003 年. 84 页. = Сюй, Юаньчунь. Литература и перевод / Сюй Юаньчунь. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2003. – 84 с.
4. Цин-чжао, Ли. Строфы из граненой яшмы / Ли Цин-чжао ; пер. с кит. М. Басманова. – М., Изд-во «Художественная литература», 1974. – 104 с.
5. Цин-чжао, Л. Яшмой звенящие цы. В переводах А. Алексеевой / Л. Цинчжао. – Екатеринбург : «Издательские решения», 2019. – 37 с.
6. Я – птица. Лирика Ли Цинчжао / пер. с кит. С. А. Торопцева. – СПб. : Нестор-История, 2020. – 116 с.
7. Торопцев, С. А. Перевод китайской классической поэзии : калька или сотворчество? / С. А. Торопцев // Проблемы литератур Дальнего Востока : VIII Международная научная конференция, Санкт-Петербург, 24–28 августа 2018 г. : сб. материалов ; отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. – СПб. : ИПК «НП-Принт», 2018. – Т. 1. – С. 203–121.
8. Ключников, Ю. М. Поднебесная хризантема : 30 веков китайской поэзии. Вольные переводы. Свободные переложения. Стихи по мотивам / Ю. М. Ключников ; Союз писателей России. – М. : Беловодье, 2018. – 688 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 26.02.2024

Типологические и лексико-стилистические особенности заголовков областных сетевых изданий Zarya.by, Vitvesti.by и Gr.by

И.В. БЕЛЯЕВА

В статье рассмотрены основные типологические и лексико-стилистические особенности заголовков областных сетевых изданий Республики Беларусь. Уделено внимание характеристикам заголовков, а также определено соответствие типологии заголовков с тематикой материалов. Автор приходит к выводу, что преобладающими типами заголовков в областных сетевых изданиях выступают повествовательные заголовки-сообщения и заголовки-констатации, а лексико-стилистические особенности заголовков представлены использованием лексики официально-деловой речи и специальной лексики.

Ключевые слова: средства массовой информации, сетевое издание, заголовки, типологические и лексико-стилистические особенности.

The article considers the main typological and lexical-stylistic features of the headlines in regional network media of the Republic of Belarus. The attention is paid to the characteristics of the headlines, the correspondence of the typology of the headlines with the topic of the articles is determined as well. The author comes to the conclusion that the predominant types of headlines in regional network media are narrative headlines-messages and headlines-statements, and the lexical and stylistic features of the headlines are represented by the use of official and special vocabulary.

Keywords: mass media; network media; headlines, typological and lexical-stylistic features.

Предметом нашего исследования стали заголовки сетевых изданий Брестской области – Zarya.by, Витебской области – Vitvesti.by и Гомельской области – Gr.by. Цель данной работы заключается в выявлении типологических и лексико-стилистических особенностей заголовков областных сетевых изданий Республики Беларусь.

Исследователь белорусской веб-журналистики А.А. Градюшко отмечает, что «в Интернете есть только заголовок и всего несколько секунд на его прочтение» [1, с. 74]. В связи с этим заголовок в интернет-издании должен быть максимально информативными, обобщать основное, о чем говорится в материале. Схожее предположение выносит Н.С. Авдоница и отмечает, что «пользователь пролистывает ленту новостей в своей социальной сети и за три секунды решает, будет ли кликать на заголовок или прокрутит дальше» [2, с. 16]. Вместе с тем, А.А. Амзин подчеркивает, что «в целом, интернет-издания взяли свои заголовки из бумажных газет» [3, с. 11].

А.В. Колесниченко называет два вида заголовков – номинативные и предикативные. «Номинативный заголовок представляет собой неполное предложение, как правило, фразу из двух существительных или существительного и прилагательного» [4]. Согласно исследователю, предикативный заголовок имеет вид полного предложения и используется в небольших материалах.

Для нашего исследования мы обратимся к более подробной классификации заголовков, предложенной М.И. Шостак. Исследователь подразделяет их на такие типы, как:

1. повествовательный заголовок-сообщение используется для общего информирования и имеет вид прямой подачи. Разновидность данного заголовка – заголовок-констатация, который «выглядит как исчерпывающая фраза» [5, с. 78];

2. заголовок-резюме, или комментирующий заголовок, для которого типичны безличные и неопределенно-личные формы («относящиеся ко всем, фиксирующие ситуацию как характерную, чуть ли не закономерную») [5, с. 78];

3. заголовок-парадокс, «пробуждает любопытство, шокирует читателя или искусственно усиливает значимость сообщения не особенно оперативного или не выглядящего важным» [5, с. 79];

4. заголовок-цитата с указанием источника и без, а также с использованием частичного цитирования;

5. заголовок-обращение и заголовок-призыв;

б. заголовки с использованием знаков пунктуации: заголовок-восклицание, заголовок-вопрос, заголовок с «продолжением» (многоточие), комбинированные варианты, заголовок с двоеточием;

7. игровой заголовок: перефразировка, а также приемы повышения экспрессии – аллегория, каламбур, звуковая инструментовка-аллитерация. «Игровой заголовок особенно ярко демонстрирует творческий характер работы над новостью. Он предполагает активное участие фантазии читателя» [5, с. 82–83].

Рассмотрим главные страницы областных сетевых изданий Zarya.by, Vitvesti.by и Gr.by. Нами были проанализированы заголовки материалов, размещенных на главных страницах сетевых изданий за период с 10.07.2023 по 14.07.2023. Отметим, что на этих страницах располагаются и архивные материалы в различных рубриках. Зачастую издания размещают один и тот же материал в разных рубриках на главной странице, в такой ситуации повторяющийся заголовок нами был классифицирован единожды.

На момент исследования на главной странице сетевого издания Брестской области Zarya.by было размещено 50 материалов [6]. Подчеркнем, что заголовки, размещенные на фотографиях, не полностью отображаются и обрываются на части слов, что в значительной мере затрудняет восприятие информации.

Обратимся к классификации заголовков сетевого издания Zarya.by. В результате анализа мы выявили, что значительная часть заголовков – 18, или 35 % от общего числа размещенных на главной странице материалов на момент анализа – **повествовательные заголовки-сообщения**. Приведем некоторые примеры: «*Правительственная делегация во главе с Романом Головченко вылетает в Екатеринбург*», 10.07.2023; «*Прямая телефонная линия с Дмитрием Казаком состоится 8 июля*», 07.07.2023; «*Минстройархитектуры внесло изменения в систему ценообразования в строительстве*», 08.07.2023; «*На юго-востоке Ирана более 1 тысячи пострадавших от песчаных бурь*», 07.07.2023; «*Компанией OceanGate приостановлены все исследовательские операции после крушения “Титана”*», 07.07.2023.

Журналисты используют другую разновидность повествовательных заголовков – **заголовки-констатации**. На момент исследования на главной странице сетевого издания было опубликовано 16 материалов под заголовками-констатациями, или 33 % от общего числа: «*Озимый ячмень в Беларуси убран более чем на 40 % площадей*», 10.07.2023; «*В Бресте нашли тело мужчины в реке*», 10.07.2023; «*Холидей* – заслуженный коллектив», 08.07.2023; «*Хлеборобская страда в Барановичском районе*», 08.07.2023; «*Роман Головченко сегодня посещает Брест*» 07.07.2023.

В сетевом здании Zarya.by пользуются популярностью заголовки с использованием знаков пунктуации. Самыми распространенными являются **заголовки с двоеточием** (семь материалов, или 14 %): «*Человек года: Жанна Парфеевец*», 07.07.2023; «*Сделать драники на колоде и подружиться с пилой “Дружба”: Горки принимают финал проекта “Властелин села – 2023”*», 07.07.2023; «*Зажженный олимпийский огонь и символический мишка: в Глубоком дали старт “Вытокам”*», 23.06.2023; «*“Иннопром-2023”: Дмитрий Городецкий принял участие в конференции торгово-экономического сотрудничества и встретился с китайской делегацией*», 10.07.2023.

Журналисты используют и другие знаки пунктуации, но в меньшей степени. На момент исследования на главной странице Брестского областного сетевого издания было размещено два материала, или 4 % от их общего числа, под **заголовком-вопросом** («*Как реализовано сотрудничество между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью?*», 10.07.2023; «*Какие правила и ответственность за содержание собаки?*», 09.07.2023), и два (4 %) – под **заголовком с комбинированными вариантами знаков пунктуации**: «*Эпоха. Событие. Личность: братья Исполатовы*», 09.07.2023; «*Фотofакт. День Независимости в Березе*», 04.07.2023.

На главной странице можно найти **игровые заголовки** – два материала (4 %). Заголовок «*Выход из тупика*», 06.06.2023 – игровой заголовок с использованием устойчивого выражения, а также заголовок «*За чей счет банкет?*», 10.05.2023 – с интертекстуальностью. Подчеркнем, что интертекстуальность – элемент выразительности в изданиях, а именно в заголовках. Интертекстуальность, или «текст в тексте», отражает «соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечиваю-

щее приращение смысла произведения» [7]. Чаще всего интертекстуальные элементы в заголовках имеют отсылки к кинофильмам, литературным произведениям, песням. В заголовке «За чей счет банкет?» идет отсылка к фильму Л.И. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию».

Заголовок-цитата представлен двумя материалами (4 %) «*Роман Головченко: “Белорусы готовы к конкуренции с другими производителями”*», 07.07.2023; «*Лазаревич: диалог местных органов власти и бизнеса должен вестись на постоянной основе*», 08.07.2023.

Вместе с тем есть ряд заголовков, которые выходят за рамки предложенной классификации или объединяют в себе элементы из разных видов. В нашем случае таким примером является заголовок «*На каких участках дорог области 10 июля установлены датчики контроля скорости*», 10.07.2023 (2 %), который является вопросом, но не имеет в конце вопросительного знака. М.И. Шостак определяет такие заголовки как «разъясняющий вопрос – промежуточная форма между вопросом и констатацией» [5, с. 81].

Проводя анализ 90 заголовков на главной странице сетевого издания Витебской области *Vitvesti.by*, мы пришли к выводу, что самым распространенным видом заголовков является **заголовок-констатация** [8]. На момент анализа на главной странице было опубликовано 42 материала под заголовками-констатациями, или 47 % от общего числа размещенных материалов. Проиллюстрируем заголовки-констатации: «*Александр Лукашенко проинспектировал экспериментальные поля на малой родине*», 12.07.2023; «*Руководство Витебской области приветствует и поздравляет гостей и жителей области, организаторов и участников с открытием XXXII Международного фестиваля искусств “Славянский базар в Витебске”*», 13.07.2023; «*У Глыбокім падвялі вынікі конкурсу дзіцячай і маладзёжнай творчасці, прысвечанага Году міру і стварэння*», 12.07.2023; «*Энергетики Витебска обеспечат надежное энергоснабжение “Славянского базара”*», 12.07.2023; «*В Оршанском районе ребенок получил ожоги 40 % тела*», 09.07.2023.

Повествовательный заголовок-сообщение представлен 23 материалами (26 %): «*Александр Субботин встретился с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Бразилия в Республике Беларусь*», 12.07.2023; «*Зрелищной церемонией поднятия флага “Славянского базара в Витебске” начался новый фестиваль день*», 13.07.2023; «*Беларусь стала лидером в ЕАЭС по росту промпроизводства в январе–мае потребительские кредиты*», 13.07.2023; «*МАРТ утвердил порядок предоставления стимулирующих выплат для торговли*», 13.07.2023; «*План по развитию академических и научных обменов между Беларусью и Китаем планируется утвердить осенью*», 12.07.2023.

На главной странице сетевого издания Витебской области *Vitvesti.by* десять заголовков (12 %) определены как **заголовки с двоеточием**. Покажем наглядно данный тип заголовков: «*Погода в Витебске на 13 июля: без существенных осадков и до +27°C*», 13.07.2023; «*ГПК: польские силовики за сутки вытеснили в Беларусь две группы беженцев*», 12.07.2023; «*Вкус России: в Москве пройдет масштабный гастрономический фестиваль*», 11.07.2023; «*“Теремок” в Поставах: чем придорожное кафе удивляет посетителей*», 14.04.2023; «*В “Буме”: новый кафетерий в Глубоком приобрел популярность у детей и их родителей*», 10.04.2023.

Пять заголовков (6 %) были определены как **заголовки-цитаты с указанием источника**: «*Лукашенко: Беларусь рассчитывает на продолжение диалога с Черногорией, несмотря на сложную геополитическую ситуацию*», 13.07.2023; «*Кочанова: Беларусь заинтересована в создании совместных производств и предприятий с Кыргызстаном*», 12.07.2023; «*Александр Лукашенко об АПК: не сырье надо вывозить, а готовую продукцию*», 11.07.2023; «*Александр Лукашенко: наша задача – за пятилетку уйти от этих диких ферм и построить технологичные комплексы*», 11.07.2023; «*Глеб Лапицкий: “Участники DREAM DANCE FEST связали свою жизнь с самой субъективной материей в мире – творчеством”*», 12.07.2023.

Заголовки с использованием знаков пунктуации представлены двумя материалами (2 %) «*МТС Опрос – новый SMS-сервис для коммуникации бизнеса с клиентами*», 12.07.2023; «*“Витебск” победил “Оршу”, “Маклайн” упустил победу над лидером. Итоги очередного футбольного тура в первой лиге*», 10.07.2023. Также по два заголовка относятся к такому типу как **заголовок-вопрос** (2 %) – «*В Витебской области выросло количество медведей. Как вести себя при встрече с диким животным?*», 06.07.2023; «*Как бороться с золотарником? Рассказала эколог*», 22.06.2023 и **заголовок с комбинированными вариантами**

знаков пунктуации (2 %) – «Производство – уникальное, продукция – инновационная. Как работает ОАО “Амкодор-КЭЗ” в Коханово», 06.07.2023, «Борздовка: чем живет деревня будущего в Оршанском районе?», 07.12.2021.

Один заголовок (1 %) «Витебский Художественный музей приглашает на “Свидание с Бразилией”», 12.07.2023 – **заголовок-призыв**, один заголовок (1 %) отнесен к категории **заголовок-восклицание** – «Добро пожаловать в санаторий “Лётцы”!!!», 07.07.2023, а также **игровой заголовок** (1 %) с использованием устойчивого выражения – «История оживает на улицах Москвы», 15.06.2023.

Отметим, что на главной странице сетевого издания также располагался один материал под заголовком «Как хоккейные команды Витебской области начали подготовку к новому сезону», 12.07.2023, который является разъясняющим вопросом, который, как и в примере заголовка из сетевого издания Брестской области Zabya.by, определяется как промежуточная форма между вопросом и констатацией.

На главной странице сетевого издания Гомельской области Gr.by было опубликовано 45 материалов [9]. Проведя их анализ, мы определили, что большая часть заголовков, а именно 20, или 45 % от общего числа размещенных на главной странице, относятся к **повествовательным заголовкам-сообщениям**. Так, например, «Лукашенко подписал закон о присоединении Беларуси к 22 международным договорам в рамках ШОС», 13.07.2023; «Теперь и в Гомеле проезд в общественном транспорте можно оплатить по QR-коду в М-банкинге», 13.07.2023; «Артисты из Казахстана на открытии “Славянского базара” спют песню на белорусском языке», 13.04.2023; «В приемное отделение детской больницы Гомеля в сутки обращается более 80 пациентов», 13.04.2023; «В Гомеле улучшат оформление расписания общественного транспорта на остановках», 13.04.2023.

Заголовок-констатация представлен 9 материалами (20 %) на главной странице сетевого издания: «Лукашенко проинспектировал экспериментальные поля на малой родине», 12.07.2023; «Арина Соболенко вышла в полуфинал Уимблдона», 12.07.2023; «Минское “Динамо” объявило о новых подписаниях», 12.07.2023; «Хлеборобы колхоза “50 лет Октября” дали старт уборочной кампании в Речицком районе», 12.07.2023; «В Беларуси намолотили почти 400 тыс. тонн озимого ячменя», 13.07.2023.

Кроме того, на главной странице Gr.by размещено 2 материала (4 %) под **заголовками-резюме** «Красивая заграничная жизнь в реальности может быть гораздо прозаичнее», 14.04.2023; «Абитуриентам медицинских вузов и училищ стоит проходить тесты, определяющие способность к эмпатии», 08.07.2023. Подчеркнем, что это единственное сетевое издание из проанализированных, которое использовало данный тип заголовков.

На главной странице журналисты публикуют материалы с **заголовками с использованием знаков пунктуации** (2 заголовка или 4 %): «У нас депрессивных регионов нет. В Гомеле прошло расширенное заседание коллегии комитета экономики облисполкома», 12.07.2023; «Стопкач. Почему поход в спортзал после долгого перерыва не всегда лучшее решение», 26.05.2023. Три заголовка (7 %) были отнесены к типу **заголовок с двоеточием**: «Заявка на долгую прописку: административное здание “МИРТЕК-Инжиниринг” открыли в Гомеле», 12.07.2023; «Планировал подорвать железную дорогу: 22-летнему жителю Светлогорска вынесли приговор», 13.07.2023; «РИКЗ: сертификаты ЦТ начнут выдавать с 14 июля», 12.07.2023; **заголовок-вопрос** (1 заголовок, 2 %) – «В объявлении на столбе обещают зарплату 2000 рублей. И кто-то в это верит?», 21.05.2023; **заголовок с комбинированными вариантами знаков пунктуации** (1 заголовок, 2 %) – «CoffeeMap из Наровли: все только начинается. Инициативный и предприимчивый Дмитрий Назарчук поделился секретом успеха ведения бизнеса в небольшом городе», 13.07.2023.

Заголовок-цитата с указанием источника представлен тремя материалами (7 %) – «Артур Гаврус: “После победы хотелось просто отдохнуть”», 12.07.2023; «Первый секретарь ЦК БРСМ Александр Лукьянов: важно быть не только профессионалом, но и гражданином-патриотом», 12.07.2023; «“Хочу работать только в сфере образования”. Вице-губернатор Дмитрий Алейников провел прием граждан», 13.07.2023.

Три заголовка (7 %) определены как **игровые заголовки**. Так, в заголовке *«Капитан дальнего плавания пришевартовался у белорусского берега. Индиец и мозырянка счастливы в полесской глубинке»* от 13.07.2023 используется профессиональная лексика из жаргона моряков, но в метафоричном значении «остаться жить в Беларуси». Заголовок *«Вечная память нетрезвым купальщикам»* от 13.07.2023 построен на устойчивом выражении из религиозной лексики. В заголовке *«Про волков и овец»* от 13.05.2023 идет отсылка к притче.

Один заголовок (2 %) *«“Это не хобби, а любимое дело”. Мастер из Светлогорска представила свои работы на выставке “Ее рук дело”»*, 12.07.2023, объединяют в себе элементы различных типов заголовков: **заголовок с использованием знаков пунктуации и заголовка-цитаты**.

На момент исследования нами проанализировано и классифицировано 185 заголовков на главных страницах трех областных сетевых изданий. С учетом результатов проанализированного эмпирического материала предпочтительной представляется точка зрения, согласно которой в сетевых изданиях широко применяется такой тип заголовков, как **заголовок-констатация** (67 заголовков, или 36 % от общего числа проанализированных заголовков из шести областных сетевых изданий). Информативную функцию также выполняют **повествовательные заголовки-сообщения**, которые представлены 61 примером, или 33 %. Отметим, что чаще всего повествовательные заголовки-сообщения относились к материалам на социальную (*«Хирурги Витебской области впервые выполнили лапароскопическую sleeve-резекцию желудка»*, Vitvesti.by, 29.06.2023) и экономическую (*«МАРТ утвердил порядок предоставления стимулирующих выплат для торговли»*, Vitvesti.by, 13.07.2023) тематику; заголовки-констатации – новости экономики (*«Хлеборобы колхоза “50 лет Октября” дали старт уборочной кампании в Речицком районе»*, Gr.by, 12.07.2023), спорта (*«Брестский спортивный клуб по хоккею на траве “Строитель” выиграл Кубок Беларуси»*, Zarya.by, 28.06.2023) и криминальные новости (*«В Оршанском районе ребенок получил ожоги 40 % тела»*, Vitvesti.by, 09.07.2023).

Заголовки-цитаты (10 заголовков, или 5 %) чаще всего были с указанием источника и применялись к материалам на политическую (*«Лукашенко: Беларусь рассчитывает на продолжение диалога с Черногорией, несмотря на сложную геополитическую ситуацию»*, Vitvesti.by, 13.07.2023) и экономическую тематику (*«Кочанова: Беларусь заинтересована в создании совместных производств и предприятий с Кыргызстаном»*, Vitvesti.by, 12.07.2023).

Заголовки с использованием знаков пунктуации представлены 4 примерами (2 %), **заголовки с двоеточием** – 20, или 11 %, **заголовки с комбинированными вариантами знаков пунктуации** – 5, или 3 %, **заголовки-вопросы** – 5, или 3 % и **заголовки-восклицания** – 1, или 0,5 %.

Игровой заголовок незначительно представлен на главных страницах рассмотренных областных сетевых изданий – 6, или 3 %. Чаще всего игровые заголовки используются при названии авторских материалов журналистов или материалов с мнением экспертов.

Обращаясь к лексико-стилистическим особенностям заголовков областных сетевых изданий, отметим широкое применение **лексики официально-деловой речи**: *«Минстройархитектуры внесло изменения в систему ценообразования в строительстве»*, Zarya.by, 08.07.2023; *«В Государственных природоохранных учреждениях Витебской области прошли Дни открытых дверей»*, Vitvesti.by 21.06.2023; *«15 июля прямую телефонную линию проведет первый заместитель начальника главного управления идеологической работы, культуры и по делам молодежи облисполкома Завгородняя Инга Сергеевна»*, Gr.by, 13.07.2023.

Существенная часть лексики заголовков является **специальной** и, в первую очередь, относится к сфере экономики: *«Инвестиционный потенциал СЭЗ “Брест” и региона презентуют на ИННОПРОМе в Екатеринбурге»*, Zarya.by, 10.07.2023; *«Кочанова: Беларусь заинтересована в создании совместных производств и предприятий с Кыргызстаном»*, Vitvesti.by, 12.07.2023. Приведем пример слов специальной лексики, относящихся к медицине: *«Белорусские ученые разрабатывают клеточные продукты для лечения аутоиммунных и онкозаболеваний»*, Vitvesti.by, 02.05.2023, *«Хирурги Витебской области впервые выполнили лапароскопическую sleeve-резекцию желудка»*, Vitvesti.by, 29.06.2023. Встречаются **профес-**

сиональные выражения: «*В Витебске частное предприятие использовало схему уклонения от налогообложения*», Vitvesti.by, 12.07.2023.

Аббревиация и сокращения используются в заголовках на главных страницах областных сетевых изданий. Проиллюстрируем данный языковой прием: «*Столтенберг заявил, что НАТО развернет в Европе 300 тыс. военных в высокой степени готовности*», Zarya.by, 07.07.2023; «*ЦТ по физике на 100 баллов написали 68 абитуриентов*», Zarya.by, 07.07.2023; «*МАРТ утвердил порядок предоставления стимулирующих выплат для торговли*», Vitvesti.by, 13.07.2023; «*Интерактивные площадки ЮНИСЕФ открылись на “Славянском базаре”*», Vitvesti.by, 12.07.2023; «*Лукашенко подписал закон о присоединении Беларуси к 22 международным договорам в рамках ШОС*», Gr.by, 13.07.2023.

Метафорические средства в заголовках сетевых изданий зачастую не оригинальны и общеизвестны: «*Foreign Affairs заявило, что США следует закрыть двери НАТО перед Украиной*», Zarya.by, 08.07.2023; «*Сборная Беларуси проиграла в Сочи суровым уральским парням*», Mlyn.by, 14.07.2023; «*Фруктовое импортозамещение: мнение врача-диетолога*», Vitvesti.by, 10.07.2023; «*В Государственных природоохранных учреждениях Витебской области прошли Дни открытых дверей*», Vitvesti.by, 21.06.2023; «*Команды Новополоцка пробились в четверку лучших республиканской детско-юношеской гандбольной лиги*», Vitvesti.by, 06.07.2023; «*Белорусский производитель дверей сообщил об утечке персональных данных*», Gr.by 10.07.2023. Самой распространенной метафорической единицей выступает словосочетание «прямая линия» – «*Прямая телефонная линия с Олегом Коноваловым состоится 11 июля*», Zarya.by, 10.07.2023; «*15 июля прямую телефонную линию проведет первый заместитель начальника главного управления идеологической работы, культуры и по делам молодежи облисполкома Завгородняя Инга Сергеевна*», Gr.by 13.07.2023.

Для повышения экспрессии журналисты используют **оценочные слова**, но довольно ограничено: «*Загляните в мир азиатского кино: удивительная и неповторимая эстетика в сервисе МТС ТВ*», Zarya.by, 07.07.2023; «*Зрелищной церемонией поднятия флага “Славянского базара в Витебске” начался новый фестивальный день*», Vitvesti.by, 13.07.2023; «*Красивая заграничная жизнь в реальности может быть гораздо прозаичнее*», Gr.by 14.04.2023.

Слова из заимствованной лексики в заголовках областных сетевых изданий встречаются достаточно редко, и позволим себе предположить, что данные слова входят в широкое употребление и в настоящее время утрачивают свою иноязычную окраску – слово «квест» прочно вошло в молодежный лексикон: «*В рамках “Славянского базара в Витебске” гостей и жителей города ждут бесплатные экскурсии и квесты*», Vitvesti.by, 11.07.2023; «*Квест на профпригодность проходят молодые учителя и студенты педвузов в Боровке*», Vitvesti.by, 12.07.2023.

В заголовках областных сетевых изданий отмечается использование **канцеляризмов, штампов и языковых клише**. Приведем пример использования данной лексики в заголовках на главных страницах сетевых изданий: «*Хлеборобская страда в Барановичском районе*», Zarya.by, 08.07.2023; «*Лазаревич: диалог местных органов власти и бизнеса должен вестись на постоянной основе*», Zarya.by, 08.07.2023; «*Аграрии Витебской области приступили к уборке озимого ячменя*», Vitvesti.by, 07.07.2023; «*Участники из Казахстана и Армении получили максимальный балл в первый день XXI Международного детского конкурса “Витебск-2023”*», Vitvesti.by, 12.07.2023; «*Предприятие “Светлотекс” особое внимание уделяет раскрою и пошиву изделий*», Gr.by, 13.07.2023; «*Хлеборобы колхоза “50 лет Октября” дали старт уборочной кампании в Речицком районе*», Gr.by 12.07.2023.

Учитывая все вышеизложенное, отметим, что заголовки в сетевых изданиях выполняют прежде всего информативную функцию. В рамках данной функции сетевые издания отдают предпочтение повествовательным заголовкам-сообщениям и заголовкам-констатациям, которые несут в себе максимум информации о содержании материала, – 128 заголовков из 185 проанализированных заголовков. Остальные типы заголовков представлены в значительно меньшей степени.

Заголовки-парадоксы, заголовки-обращения и заголовки с «продолжением» (многоотчие) отсутствуют в сетевых изданиях. На наш взгляд, это объясняется тем, что данные типы заголовков не в полной мере выполняют информативную функцию и не дают полного представления о материале.

Лексико-стилистические особенности сетевых изданий представлены использованием лексики официально-деловой речи, а также специальной лексика из таких сфер, как экономика, деятельность АПК и медицина, среди нее можно отметить профессиональные выражения, аббревиацию и сокращения. Ограничено применение экспрессивных средств – оценочной лексики, а также метафорических элементов, большинство которых не оригинально и широко распространено. Редки примеры использования заимствованных слов, которые, по нашему мнению, в настоящее время теряют свою иноязычную окраску. Встречаются также некоторые стилистические ошибки, а именно использование канцеляризмов, штампов и клише.

Литература

1. Градюшко, А. А. Заголовок как важнейший элемент текста в веб-журналистике / А. А. Градюшко // Весці БДПУ. – 2014. – № 1. – С. 73–77.
2. Авдони́на, Н. С. Новостная интернет-журналистика : учеб. пособ. / Н. С. Авдони́на. – Архангельск : САФУ, 2018. – 137 с.
3. Амзин, А. А. Новостная интернет-журналистика : Учеб. пособ. для студ. вузов / А. Амзин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 143 с.
4. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика : Учеб. пособ. [Электронный ресурс] / А. В. Колесниченко. – Режим доступа : <http://www.evartist.narod.ru/text28/0045.htm>. – Дата доступа : 08.07.2023.
5. Шостак, М. И. Журналист и его произведение : практ. пособ. / М. И. Шостак. – М. : ТОО «Гендальф», 1998. – 96 с.
6. Zaryu.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : Zaryu.by. – Дата доступа : 10.07.2023.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/41-Интертекстуальность>. – Дата доступа : 08.07.2023.
8. Областная газета «Витебские вести» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vitvesti.by/>. – Дата доступа: 13.07.2023.
9. Правда Гомель [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gp.by/>. – Дата доступа : 13.07.2023.

Прозвішчы апапелятыўнага паходжання Светлагорскага раёна

У.А. БОБРЫК¹, А.М. ЧАРНЫШОВА²

У артыкуле аналізуюцца групы прозвішчаў жыхароў Светлагорскага раёна. Вылучаны чатыры лексіка-семантычныя групы, што сталі асновай для ўтварэння прозвішчаў. У выніку аўтары даследавання прыйшлі да высновы, што найбольш ужывальнымі з'яўляюцца прозвішчы, суадносныя з назвамі прафесій, родам заняткаў, фізічнымі і фізіялагічнымі характарыстыкамі чалавека.

Ключавыя словы: прозвішча, семантыка, апапелятыўнае прозвішча, адтапанімічнае поле, лексіка-семантычная група.

The article gives the semantic analysis of the surnames of the Svetlogorsk region citizens. Eleven lexico-semantic groups as the basis for surname formation were singled out. As a result, the authors of the study concluded that the most common surnames are those correlated with the names of professions, occupation, physical and physiological characteristics of a person.

Keywords: surname, semantics, appellative surname, toponymic field, lexico-semantic group.

Аналіз семантыкі і структуры прозвішчаў – цікавая, каштоўная і цяжкая справа, што прызнаецца многімі антрапанімістамі. Ён, на думку А. Суперанскай, «дае значную інфармацыю, якая ўяўляе цікавасць для гісторыкаў, этнографіаў, сацыёлагаў, а таксама лінгвістаў. Пры параўнанні лексічных палёў, па якіх размяркоўваюцца асновы прозвішчаў у розных мовах, можна зрабіць вывады пра агульнасць або, наадварот, рознасць нацыянальных культур асобных народаў» [1, с. 81].

Лексічны склад беларускіх прозвішчаў надзвычай багаты і разнастайны. Паходжанне многіх беларускіх прозвішчаў матываванае. Даследчыкі адзначаюць, што шматлікія беларускія прозвішчы ўтварыліся семантычным шляхам – шляхам пераасэнсавання былых назваў-характарыстык асобы па тых ці іншых адзнаках ці ад гутарковых формаў імён. Пазней унутраная форма, матывіроўка (лексічнае значэнне) сцерліся, і найменне пачало выконваць чыста намінатыўную функцыю – функцыю вылучэння чалавека сярод іншых.

Прозвішчаў апапелятыўнага паходжання ў беларускай мове даволі многа. Гэта група складае прыкладна каля паловы ўсіх прозвішчаў. Вядомы антрапаніміст М.В. Бірыла адзначае, што «з пункту погляду гісторыі мовы апапелятыўная антрапанімія з'яўляецца захавальнікам, кансервантам лексікі папярэдніх эпох, дае матэрыял для больш глыбокага вывучэння гістарычнага слоўніка, моўных узаемасувязей» [2, с. 4]. Згодна з гэтым у якасці асноў для ўтварэння прозвішчаў магла выкарыстоўвацца лексіка, якая адлюстроўвае самыя разнастайныя галіны жыццядзейнасці народа і акаляючай яго рэчаіснасці – быт, заняткі, становішча ў сям'і і грамадстве, фізічныя, разумовыя і маральныя якасці, пачуцці, сацыяльны ўклад, жывёльны і раслінны свет і пад. У гэтым сэнсе антрапонімы, утвораныя ад апапелятыўнай лексікі, з'яўляюцца кладоўкай гісторыка-культурнай спадчыны, даюць каштоўны матэрыял для вывучэння агульнай гісторыі народа.

Мэта даследавання – семантычна-этымалагічнае апісанне прозвішчаў апапелятыўнага паходжання Светлагорскага раёна, статыстычная суаднесенасць іх у працэнтных адносінах з агульнаўжывальнай лексікай і запазычаннямі.

Метадалагічнай асновай прадстаўлення прозвішчаў апапелятыўнага паходжання Светлагорскага раёна з'яўляецца апісальны, параўнальны, статыстычны метады, а таксама метады супастаўляльнага семантычнага аналізу.

Практыка праходзіла ў 2014 г., падчас якой намі сабрана 2724 прозвішчы ў 101 населеным пункце.

Упершыню ў беларускім мовазнаўстве прааналізаваны 454 прозвішчы апапелятыўнага паходжання, што склала 16,6 % ад агульнай колькасці зафіксаваных найменняў. Пры ўтварэнні дадзеных найменняў выкарыстоўвалася лексіка разнастайных семантычных груп. Сваёй прадуктыўнасцю вызначаюцца наступныя:

Назвы асоб па прафесіі ці занятку, сацыяльным становішчы складаюць 102 адзінкі.

Прозвішчы, утвораныя ад назваў прафесій, сведчаць пра разнастайнасць прафесій у Беларусі. З развіццём грамадства зніклі некаторыя прафесіі, а разам з імі страціліся і іх назвы, якія ляжаць у аснове прозвішчаў. Тым не менш іх этымалогія ў большасці застаецца празрыстай. Прозвішчы, што былі ўтвораны ад назваў прафесій, роду заняткаў або выконваемага дзеяння, прадстаўляюць сабой каштоўную крыніцу па гісторыі мовы і культуры. *Алейнікаў* < алейнік 'той, які робіць алей' [2, с. 20]; *Асадчы, Асадчык* < укр. *осадчий* 'асаднік, першапасапленец, заснавальнік паселішча' [2, с. 24]; *Бабраўнічы* < баброўнік «лавец баброў» [2, с. 29]; *Бандарчук, Бандарэвіч, Бандарэнка, Бондар, Бондараў* < 'майстар па вырабу драўлянай пасуды' [3, с. 395]; *Бачкароў* < рэг. 'бондар' [2, с. 47]; *Берднік* < рэг. 'брадзячы гандляр бёрдамі', 'майстар, які вырабляе бёрды' [2, с. 52]; *Бортнік* < ст. бел. рэг. 'пчалаяр, які займаецца бортнымі пчоламі' [2, с. 59]; *Буднік* < 'рудакоп', укр. *будник* 'работнік на паташным заводзе' [2, с. 64]; *Вінічэнка, Віннік, Віннікаў* < 'прадавец віна' [2, с. 87]; *Вайтовіч, Вайценка, Вайценкоў, Войт, Войцік, Войцікаў* < войт 'старшыня мяшчанскага ці магдэбургскага суда', 'начальнік гміны', 'наглядчык за прыгоннымі, прыганяты, прызначаны з сялян памешчыкам' [2, с. 89]; *Гайдук* < гайдук рус. 'лёгка ўзброены воін', бел. 'лёгка ўзброены салдат', 'слуга ў вяльмож для парадных выездаў' [2, с. 95]; *Ганчароў, Ганчарык, Ганчарэнка* < бел. 'той, хто вырабляе гліняную пасуду', уст. 'пячнік', 'чарапічнік' [2, с. 101]; *Гарбар* < 'той, хто займаецца апрацоўкай і вырабам шкур' [4, с. 29]; *Гусараў* < гусар 'ваенны з часцей лёгкай кавалерыі' [4, с. 99]; *Дзегіярэнка* < дзегіяр 'той, хто гоніць дзэгаць' [4, с. 178]; *Дубовік* < рэг. 'рулявы на лодцы ппытагонаў, якая называецца 'дуб', рус. *дубовик* 'лодачнік, перавозчык' [2, с. 139]; *Дудар, Дудараў, Дударэнка* < дудар 'музыкант, які іграе на дудзе' [4, с. 207]; *Каваленка, Кавалёк, Кавалёў, Кавалькоў, Кавальчук, Коваль* < каваль 'рабочы, майстар, які займаецца коўкай металу' [4, с. 570]; *Кажадуб, Кажадубаў* < 'дубільшчык скур' [2, с. 167]; *Кажамяка* < уст. 'аўчыннік, майстар, які вырабляе шкуры' [2, с. 167]; *Казначэў* < 'асоба, якая загадвала казначэйствам у дарэвалюцыйнай Расіі' [4, с. 577]; *Каладзей* < рус. *колодеи* 'калеснік', укр. *колодйи* 'калеснік' [2, с. 170]; *Калеснік, Калеснікаў, Калеснёў* < калеснік 'майстар, які вырабляе колы, калёсы' [4, с. 586]; *Канавалаў, Канавальчык* < канавал 'лекар без спецыяльнай ветэрынарнай адукацыі, які займаецца лячэннем коней' [4, с. 609]; *Капелан, Каплан* < рэг. 'капелан' [2, с. 180]; *Катляроў* < катляр ст. бел. 'майстар, які вырабляе катлы' [2, с. 192]; *Каўшар* < уст., бел. *ковшарь* 'майстар, які вырабляе каўшы' [2, с. 193]; *Кашавар, Кашавараў* < 'повар у воінскай часці або рыбацкай арцелі' [4, с. 671]; *Коўшар* < уст. бел. *ковшарь* 'майстар, які вырабляе каўшы' [2, с. 193]; *Крамнікаў* < 'прадавец у краме, лаўцы' [2, с. 217]; *Красільнікаў, Красільшчык* < рус. *красильщик* 'фарбавальшчык, маляр' [5, с. 382]; *Краўцоў, Краўчанка, Краўчук* < ад кравец [2, с. 216]; *Крупадзёраў; Кузнецаў, Кузняцоў* < рэг. рус. 'каваль' [2, с. 227]; *Кухараў, Кухарэнка* < кухар 'повар' [2, с. 236]; *Кухта* < рэг. уст. 'прыслужнік, вучань повара' [2, с. 236]; *Кушнярэнка* < ст. бел. 'скарняк' [2, с. 238]; *Мельнік, Мельнікаў, Мельнічук, Мельнічэнка* < рэг. 'мельнік на вадзяным млыне' [2, с. 283]; *Музычэнка* < 'музыкант' [6, с. 179]; *Мураль* < рэг. 'муляр' [2, с. 289]; *Палознік* < рус. *полозник* 'той, хто робіць палазы' [2, с. 309]; *Панамароў, Панамарэнка* < ад панамар 'псаломшчык' [2, с. 313]; *Партной* < рэг. 'кравец' [2, с. 315]; *Повар, Повараў* < 'кухар, спецыяліст па прыгатаванні ежы' [4, с. 284]; *Пруднікаў* < рэг. 'мельнік на вадзяным млыне' [2, с. 333]; *Пушкар, Пушкароў* < уст. 'артылерыст' [4, с. 528]; *Ратнікаў* < ратнік уст. 'воін, баец; салдат, радавы дзяржаўнага апалчэння ў дарэвалюцыйнай Расіі' [7, с. 702–703]; *Руднік, Рудніцкіі* < 'той, хто здабывае ці плавіць руду' [2, с. 354]; *Рэзнік* < укр. *різник* 'прадавец мяса, мяснік' [8, с. 101]; *Садаводаў; Сапожнікаў* < сапог рус. 'бот' [2, с. 365]; *Сальнік* < разм. 'гандляр салам' [9, с. 30]; *Скамарох* < 'вандроўны акцёр' [10, с. 153]; *Смаляроў, Смоляр* < рэг. 'той, хто працуе ў смалярні, смалакур'; рус., укр. *смоляр* тое ж, 'той, хто смоліць, пакрывае смалой' [2, с. 384]; *Стаднік* < рэг. 'той, хто даглядае статак', рус. 'пастух', 'наглядчык над статкам і пастухамі, гаспадар статака', укр. *стадник* 'пастух коней' [2, с. 388–389]; *Стэльмах* < майстар, які робіць калёсы, сані [9, с. 300]; *Сурмач* < укр. 'трубач' [2, с. 399]; *Ткач, Ткачоў, Ткачэнка* < ткач 'рабочы, майстар, які вырабляе тканіну на

ткацкім станку' [9, с. 490]; *Фурманаў* < чалавек, які кіруе конямі ў запрэжанай фурманцы; вазак [10, с. 161]; *Шапавалаў* < ад шапавал [2, с. 466]; *Шаптуноў* < 'знахар, чараўнік' [10, с. 350]; *Шаўцоў*, *Шаўчэнка* < ад шавец [2, с. 460].

У гэтай групе 84 % прозвішчаў утвораны ад агульнаўжывальных лексічных адзінак, у складзе якіх 12 % суадносяцца з рэгіянальнымі назвамі, 7,8 % – з лексэмамі з рускай мовы, 6 % – з украінскімі назвамі, 2 % – з іншымі мовамі.

Назвы жывёл, птушак, рыб і насякомых зафіксаваны ў 182 найменнях. Гэта група з'яўляецца адной з важных крыніц для ўтварэння прозвішчаў Светлагорскага раёна: *Волк*, *Волкаў*, *Волчак*, *Волчанка*, *Воўк*; *Баран*, *Баранаў*, *Бараноўскі*, *Баранчук*, *Барашка*; *Біруковіч*, *Бірукоў* < бірук рэг. 'воўк', рус. *бирюк* 'звер', 'воўк' [2, с. 54]; *Быкаў*, *Бычанок*, *Бычкоў*, *Бычкоўскі*; *Валовіч*; *Кабанаў*; *Кабыльскі*; *Казлоў*, *Казлоўскі*, *Казлякоўскі*, *Козел*, *Козка*; *Каровін*; *Кобелеў*; *Конеў*, *Коннікаў*; *Котаў*, *Коцік*; *Крот*, *Кротаў*; *Лашака*, *Лашкевіч*; *Лісоўскі*; *Лосеў*, *Лось*; *Львовіч*; *Мамантаў*; *Мядзведзеў*, *Мядзведзік*, *Мядзведзь*; *Пац*, *Пацук*; *Сяўрук* < цюрск. *севрук* 'жарабец' [2, с. 405]; *Трацяк*, *Трацякоў* < трацяк 'конь трох гадоў' [11, с. 300]; *Хорт*; *Бабёр*, *Бобрык* < бабёр [2, с. 28]; *Барсаў*; *Барсук*, *Борсук*; *Зайцаў*, *Зайчанка*; *Куніцкі*; *Норкін*; *Русакоў* < бел. рус. 'заяц-русак' [2, с. 355]; *Трусаў*; *Яжоў*; *Арлоў*, *Арлоўскі*; *Бажанаў* < рэг. 'фазан' [2, с. 33]; *Бакланаў*; *Вароніч*; *Верабей*, *Вераб'ёў*; *Врублеўскі* < польск. *wrobel* 'верабей' [2, с. 90]; *Галкін*; *Глушэц*; *Голуб*, *Голубеў*; *Грачаў*; *Гусакоў*, *Гусеў*, *Гуськоў*; *Дзярабін* < рус. *деряба* 'птушка уюрок' [2, с. 132]; *Драздоў*, *Драздоўскі*, *Дрозд*; *Драчук* < 'птушка дзяркач' [2, с. 136]; *Жураў*, *Жураўлёў*, *Жураўскі* < жураў 'журавель' [2, с. 148]; *Зязюля*; *Каян* < рус. *каян* 'сініца' [2, с. 197]; *Кожанаў* < кажан 'лягучая мыш' [2, с. 167]; *Кобец* < укр. *кобець* (птушка) 'кобчык, шулёнак' [2, с. 210]; *Коршак* < каршун [4, с. 651]; *Крокун* < укр. *кракун* 'воран' [2, с. 217]; *Крук*, *Круковіч*, *Крукоўскі* < рэг. *крук* 'воран' [2, с. 219]; *Кукушкін* < рэг. рус. 'зязюля' [2, с. 228]; *Кулік*, *Кулікоў*; *Курач* < рэг. 'куруца, якая нясецца і мае выгляд пеўня' [2, с. 232]; *Курачкін*, *Куранкоў* < рус. 'індык' [2, с. 232]; *Курапаткін*, *Курапёнак*; *Лебедзеў*, *Лебедзь*; *Лушчык* < укр. *луц* 'назва птушкі' [2, с. 259]; *Мазуркевіч* < мазурок 'палявы верабей' [2, с. 267]; *Петух*, *Петухоў*, *Пеўнеў*; *Пугач*, *Пугачоў* < 'драпежная начная птушка атрада соў' [7, с. 515]; *Пятух*; *Рабец*, *Рабіцэвіч*, *Рабчанка* < рус. *рябец* 'назва птушкі', укр. *робець* 'род коршуна' [2, с. 343]; *Сакалоў*, *Сакалоўскі*, *Сокал*, *Сокалаў*; *Салавей*, *Салаўёў*; *Сарока*, *Сарочанка*; *Селязнёў*; *Сініца*; *Сікорскі* < укр. *сикір*, *сикорка* 'сініца' [2, с. 373]; *Скварцоў*; *Собалеў*; *Сычоў*; *Цыпін* < рэг., ласк. 'куруца' [2, с. 441]; *Чайкоўскі*; *Чаплінскі*; *Чыж*, *Чыжэўскі*; *Чырок*, *Чыркоўскі* < рэг, *чырка* 'дзікая качка, чырок' [2, с. 456]; *Чэчыкаў* < укр. *чечик* 'назва пптушкі'; рус. *чечет* [2, с. 458]; *Хулуп* < рэг. 'паляпы голуб' [2, с. 435]; *Шпак*, *Шпакоўскі*; *Шчаглоў*; *Шчур* < рус. *щур* '(птушка) стрыж' [2, с. 488]; *Шыкун*, *Шыкуноў* < рэг. 'парода дамашніх гусей' [2, с. 490]; *Юркавец*, *Юркевіч*, *Юроўскі*, *Юрчанка* < *юрок* 'птушка палявая' [12, с. 153]; *Ястрабаў*; *Акулаў*, *Акуленец*, *Акулін*, *Акуліч* < акула [2, с. 19]; *Акунёў* < акунь [2, с. 28]; *Бялуга*; *Карась*; *Карпаў*, *Карпінскі*, *Карпман*, *Карповіч*; *Лінькоў*; *Мянькоў* < 'мянтуз' [6, с. 192]; *Окунеў*; *Піскун*, *Піскуноў* < 'уён' [13, с. 187]; *Плоткін*; *Судак*; *Сазановіч*, *Сазоненка*; *Шаранкоў*, *Шаранок* < шаран рус. 'рыба карп, сазан, калі важыць менш як 10 фунтаў' [2, с. 467–468]; *Яршоў*; *Блахін*; *Камароў*, *Камашка* < рус. 'камарык, мошка, казюлька'; укр. *комашка* 'насякомае', 'муравей' [2, с. 176]; *Клешчанка*, *Клешчанок*; *Мурашка*, *Мурашкевіч*, *Муравейнікаў*; *Мухін*; *Прус* < 'рыжы таракан' [6, с. 402]; *Строк* < рэг. 'авадзень' [2, с. 392]; *Цыркун* < рэг. 'цвыркун' [2, с. 441].

Прозвішчы, утвораныя ад агульнаўжывальнай беларускай лексікі, складаюць 89 % ад зафіксаванай колькасці. Ад запазычаных слоў утворана каля 11 %, з якіх рускія складаюць 6 %, украінскія – каля 4 %, іншыя мовы – 1 %.

Прозвішчы, якія абазначаюць фізічныя і фізіялагічныя характарыстыкі чалавека, рысы характару, уласцівасці розуму налічваюць 122 адзінкі: *Абібак* < 'гультай, лежань' [2, с. 15]; *Багамолаў* < багамол 'набожны чалавек, які многа моліцца, ходзіць на багамолле' [3, с. 321]; *Бабак* < рэг 'дурань, безгаловы чалавек' [2, с. 28]; *Баглай* < 'непаваротлівы мужчына, лежабок', рус. 'гультай, дармаед' [2, с. 34]; *Байдун* < байда 'бесклапотны чалавек, марнатраўца', 'няскладны, непаваротлівы чалавек,

слуп' [2, с. 34]; *Байбус* < рэг. 'высакарослы няскладны чалавек' [2, с. 33]; *Батура* < батура 'балагур, пустамеля', рус. 'упарты, непаслухмяны' [2, с. 45]; *Біндзюковіч* < біндзюк 'гультаяваты хлопец, балаўнік' [2, с. 54]; *Біруковіч, Бірукоў* < бірук рэг. 'чалавек, якога падазраюць у крадзяжы'; рус. *бирюк* 'адзінокі нелюдзімы чалавек' [2, с. 54]; *Блатун* < рэг. 'валакіта, бабнік' [2, с. 55]; *Болбас* < рэг. 'балбатун' [2, с. 57]; *Бруй* < бруй 'той, хто мочыцца ў час сну' [2, с. 60]; *Бузак* < кірг. *бузакы* 'баламут, падбухторшчык' [2, с. 65]; *Бурлакоў* < ад бурлак [2, с. 70]; *Бязручнік; Галай* < укр. *галай* 'крыкун' [2, с. 97]; *Гарбацэвіч, Гарбачоў, Гарбачэўскі, Гарбуноў* < 'гарбаты' [2, с. 102]; *Гарлач* < рэг. 'той, хто бярэ горлам, гарлапан' [2, с. 103]; *Герцык* < бел. 'мантач, марнатравец, хітрун, ашуканец' [2, с. 108]; *Глухаў, Глухоўскі, Глушанкоў, Глушкоў, Глушкоўскі, Глушэнкаў, Глушэня* < ад глухі [2, с. 111]; *Говар* < 'гаварун, які любіць гаварыць' [2, с. 112]; *Губар, Губараў* < рэг. 'губач, губаты' [2, с. 119]; *Дыбаль* < 'той, хто павольна ходзіць, даўганогі, няскладны' [2, с. 141]; *Жаўтаножка; Зубар, Зубрыцкі* < зубар 'зубаты' [2, с. 161]; *Зыкун* < 'крыкун' [2, с. 162]; *Кажанаў* < кажан 'нізкага росту слабасільны чалавек' [2, с. 167]; *Калунаха* < рус. *колупай* 'капун, маруда, мяла' [2, с. 174]; *Кароткі* < ад кароткі [2, с. 187]; *Касабуцкі* < рэг. *касабуцкі* 'касавокі' [2, с. 190]; *Кашляч* < бел. *кашлаты* 'махнаты, касматы' [2, с. 196]; *Клышпак* < рэг. *кльш* 'кульгавы, крываногі' [2, с. 207]; *Корзун* < рус. *корзун* 'без пярэдніх зубоў, шчарбаты' [2, с. 214]; *Крыванос, Крываносаў; Крываашэў, Крываашэін; Кудравец, Кудраўцаў* < рэг. *кудры* 'кучаравы' [2, с. 226]; *Кукса* < 'пакалечаная рука' [2, с. 228]; *Кульпа* < рус. *кульпа* 'бязрукі ці з пакалечанай рукою', 'пакалечаная рука кукса' [2, с. 230]; *Курбан* < рус. *курбан* 'нізкарослы чалавек, каратыш' [2, с. 233]; *Курбатаў, Курбацкі* < рус. *курбатый, курбатнік* 'нізкарослы чалавек, карапузік, таўстунок' [2, с. 233]; *Курылаў, Курыленка, Курылін, Курыловіч* < рус. *курила, курилка* 'п'яніца, гуляка' [2, с. 235]; *Лабанаў* < рус. *лобан* 'чалавек ці жывёла з вялікім ілбом' [2, с. 239]; *Лагуцін* < рус. данск. *лагутень* 'дурнаваты, калека', *лагутка* 'прастак, дурань' [2, с. 241]; *Лайкоў* < 'той, хто лаецца' [2, с. 243]; *Ламака, Ламакін* < 'цяльпух, гультай', рус. *ломака* 'задавака', 'дубінка'; укр. 'здаравец, дубіна' [2, с. 243]; *Ламаносаў* < са спалучэння *ламаны нос* [2, с. 243]; *Лежнеў* < ст. бел. *лежень* 'беглы, уцякач', рэг. 'гультай, лежабок' [2, с. 249]; *Малчан, Малчанаў, Моўчан* < укр. *мовчан* 'маўклівы чалавек' [2, с. 279]; *Манкевіч* < 'абманшчык, той, хто маніць' [2, с. 274]; *Манько* < манько рэг. 'ілгун, абманшчык; той, хто маніць' [2, с. 275]; *Мігай* < 'маргун, той, хто часта моргае' [2, с. 284]; *Некрашэвіч* < рус. *некраса* 'непрыгожы чалавек ці жывёла' [2, с. 298]; *Паркалаў* < 'той, хто поркаецца' [2, с. 314]; *Плаксін* < ад плакса [2, с. 325]; *Прыходзька* < 'той, хто прыйшоў, прышлы' [2, с. 336]; *Пырх* < ад *пархаць* 'той, хто пырхае, непаседлівы чалавек' [2, с. 241]; *Рабчанка, Рабцэвіч, Рабчынскі, Рабянок* < рабко 'рабы' [2, с. 344]; *Райко* < рэг. 'дарадчык, той, хто дае парады' [2, с. 347]; *Расомахін* < рус. *расомаха, разомаха* 'непаваротлівы чалавек' [2, с. 349]; *Рулёў* < рус. 'насаты, насач' [2, с. 254]; *Рэўка* < рэг. *рова* 'плакса', рус. *рэва* 'равун, крыкун, плакса' [2, с. 351]; *Сакуноў* < рэг. 'той, хто вымаўляе [с] замест іншых гукаў ці цвёрдае [с] замест мяккага' [2, с. 361]; *Сівалап* < рус. *сиволап, сиволапый* 'няскладны, нязграбны мужчына' [2, с. 372]; *Сівак, Сівакоў* < 'чалавек з сівымі валасамі' [2, с. 372]; *Слепак, Сляпнёў, Сляпухін* < рэг. 'сляпы чалавек, сляпак' [2, с. 383]; *Сувораў* < рус. *суворый* 'суровы, бурклівы, злосны', 'рабы, аспаваты', *сувор* 'нелюдзім, сугней', укр. *суворий* 'суровы, строгі' [2, с. 28]; *Суханаў* < 'сухі, хударлявы чалавек' [2, с. 400]; *Сяўрук* < рус. *севрюк* 'пануры, хмуры чалавек, буркун' [2, с. 405]; *Трухановіч* < бел. *трухаць* 'жвавы, быстры, рухавы чалавек' [2, с. 415]; *Тукай, Тукайла, Тукала* < рэг. *тукала* 'надаедлівы, сварлівы чалавек', 'глухі', 'непаслухмяны, якога трэба падганяць да працы' [2, с. 416]; *Тукач* < рэг. аб дзіцяці 'таўстун' [2, с. 416]; *Тумар* < рэг. *тумар* 'багатыр, багаты чалавек', рус. *тумарь* 'скупы чалавек, скупярдзый' [2, с. 417]; *Філонаў* < жарг. 'гультай' [2, с. 423]; *Харанека* < 'той, які хаваецца' [2, с. 427]; *Харашун* < рэг. 'той, хто прыхарошваецца' [2, с. 427]; *Ціхановіч* < 'ціхі, ціхоня' [2, с. 438]; *Цішкевіч* < укр. *тишко* 'ціхоня' [2, с. 439]; *Цмыг* < рэг. *цмыга* 'праныра, пралаза' [2, с. 439]; *Цыкуноў* < 'той, хто цыкае, накідваецца з лаянкай' [2, с. 440]; *Цямрук* < рус. *темрюк* 'дамасед, сугней' [2, с. 443]; *Чумак, Чумакоў* < 'чумак', рэг. 'дуракаваты, недацёпа, чумавы' [2, с. 452]; *Шабалін* < рус. *шабала* 'балбатун, ілгун, бадзьяга', 'пустая галава'

[2, с. 458]; *Шаціла* < рэг. ‘той, хто шатаецца, ходзіць без справы, бадзяга’, укр. *шатило* ‘ілгун’ [2, с. 472]; *Шукайла* < ‘той, хто шукае’ [2, с. 482]; *Шульга*, *Шульжэнка* < рус. ‘левая рука’, ‘ляўша’ [2, с. 482]; *Шчура* < рус. *шура* ‘той, хто шчурыцца’, ‘хітрун, хігры чалавек’ [2, с. 488]; *Шчарбак*, *Шчарбакоў* < рус. *щербак* ‘хапун, чалавек, які стараецца недаплаціць, абманіць’ [2, с. 487]; *Шчэрбач* < ‘шчарбаты чалавек’ [2, с. 487]; *Юркавец*, *Юрчанка* < юрко ‘юркі, жвавы чалавек’ [2, с. 497].

У гэтай групе 74 % прозвішчаў паходзяць ад агульнаўжывальных лексем, сярод іх 18 % складаюць рэгіянальныя, 26 % утвораны ад запазычаных слоў, сярод якіх каля 20 % рускія найменні, 6 % украінскія і інш.

Прозвішчы, што паходзяць ад назваў прылад працы і прадметаў дамашняга ўжытку зафіксаваны ў 48 найменнях. Амаль што кожная прылада працы можа выкарыстоўвацца як прозвішча. Ёсць прозвішчы, якія ўтварыліся ад тэрмінаў, якія зараз не выкарыстоўваюцца, ці ёсць толькі ў дыялектах. *Безык* < укр. *беган* ‘клявец, кірка для часання каменя’ [2, с. 48]; *Бойка* < ‘прылада для збірання масла з вяршкоў малака, са смятаны’ [3, с. 393]; *Бондзікаў* < бонда ‘бочка, кадзь’, рус. ‘званок на шыі жывёліны’ [2, с. 58]; *Борць* < уст. ‘вулей’ [3, с. 396]; *Бочка*; *Брус*, *Брусікаў*; *Буглак* < тат. *бугала* ‘сіло’ [2, с. 63]; *Булаўка* < рус. ‘шпілька’ [5, с. 76]; *Булыга* < рус. ‘дубіна, сукаватая палка’, ‘валун, круглы камень’ [2, с. 67]; *Бярдовіч* < рэг. ‘бёрда’ [2, с. 52]; *Гвоздзеў*, *Гвоздз*; *Грабёнкін* < рэг. ‘рашчоска’, ‘грэбень, якім чэшуць лён’ [2, с. 115]; *Доўбня* < ‘вялікая палка з патаўшчэннем на канцы’ [4, с. 191]; *Драчук* < рэг. ‘плотніцкі інструмент для абазначэння лініі паза’ [2, с. 136]; *Дубень* < ‘дубовая кара для афарбоўкі і дублення’ [2, с. 138]; *Жыгалаў* < рэг. ‘металічны прут, якім кавалі выпальваюць дзіркі ў дрэве’, ‘нагайка’, рус. *жигала*, *жигало* ‘металічны прут’, укр. *жигало* ‘металічны прут’ [2, с. 149]; *Кадоўба* < рэг. *кадоўб* ‘выдаўбленае дрэва, устаўленае ў зямлю для сцёку вады, асабліва крынічнай’, *кадуўба* ‘пасудзіна, выдаўбленая з камяля дрэва’, *кадолб*, *кадолбь* ‘кадушка, выдаўбленая з дрэва’, укр. *кадівб* ‘вялікая кадушка для захавання збожжа, мукі ці капусты’, ‘чан’ [2, с. 167]; *Каладзей* < рус. *колодей* ‘поварскі нож’, укр. *колодій* ‘вялікі нож’ [2, с. 170]; *Капылоў* < капыл ‘для пляцення лапцей’, ‘калодка (шавецкая), цясла’, ‘капыл (у санях)’ [14, с. 209]; *Кацуба* < рэг. ‘качарга’ [2, с. 195]; *Кошалеў*, *Кошаль* < ‘кашэль’ [2, с. 197]; *Лабанаў* < рус. *лобанок* ‘дошка пад акном, да якой прыбываюць фіранкі’ [2, с. 239]; *Лубчанкоў* < бел., рус. ‘кошык з луба, лубянка’, укр. ‘табакерка’ [2, с. 257]; *Лямцаў* < ‘лямец’ [2, с. 363]; *Навоеў* < ‘пярэдні і задні валік на кроснах’ [6, с. 218]; *Папруга*; *Пасталюк* < бел. ‘скураныя лапці’ [2, с. 316]; *Пішчала*, *Пішчалаў*, *Пішчык* < рэг. ‘свісток’, ‘дудачка з пярэ’, рус. *пищик* ‘свісток, дудачка’, укр. *пищик* ‘род жалейкі’ [2, с. 325]; *Почапень* < рус. *почання* ‘вялікі кош, карзіна’, *почеп* ‘жэрдка, да якой прывязана калыска’ [2, с. 330]; *Прач* < бел., рэг, рус., укр. ‘пранік’ [2, с. 333]; *Сак* < бел. уст. ‘мяшок’, ‘рыбалоўная сетка’ [2, с. 361]; *Сохар* < укр. *сохур* ‘вілкі для зімовай лоўлі рыбы’, бел. *сахор* ‘вілкі для гною’ [2, с. 287]; *Суднікаў* < рэг. ‘шафа для кухоннай пасуды’, ‘шафка, скрынка, у якой захоўваюць харчовыя запасы’ [2, с. 397]; *Сукач* < рэг. ‘ссуканая з пянкі ці лёну вярвачка’ [2, с. 397]; *Тупікаў* < рус. *тупик* ‘тупы нож, тупая сякера’ [2, с. 417]; *Цясленка* < цясла уст. ‘цясларская прылада з паўкруглым лязом для выдзёўбвання карыт, начовак і пад.’ [10, с. 284]; *Шкут* < рэг. ‘кусок матэрыялу, ткані’ [2, с. 476]; *Шыла*, *Шылец*, *Шылянок* < шыла ‘інструмент у выглядзе заостранага металічнага стрыжня з дзяржаннем для праколвання дзірак’ [10, с. 428]; *Юркавец*, *Юркевіч* < юрок ‘прыстасаванне для завівання нітак; вірок’ [10, с. 486]; *Ярмак* < рэг. ‘невялікі гліняны гаршчок для варкі яды’, рус. *ермак* ‘невялікі жорнавы камень для ручнога млына’ [2, с. 500].

У гэтай невялікай групе прозвішчы, утвораныя ад агульнаўжывальнай лексікі, складаюць 60 %, сярод іх 23 % паходзяць ад рэгіянальных лексем, запазычанні налічваюць каля 40 %, у складзе якіх 25 % рускіх адпаведнікаў, 13 % – украінскіх, 2 % – з іншых моў.

Аналіз вышэй разгледжаных прозвішчаў дае нам магчымасць сцвярджаць, што самай прадуктыўнай матывацыйнай базай для ўтварэння прозвішчаў Светлагорскага раёна з’яўляецца апелятыўная лексіка, якая прадстаўлена разнастайнымі лексіка-семантычнымі групамі. Найбольш вялікі пласт складаюць прозвішчы, якія адлюстроўваюць фізічныя і разумовыя якасці

чалавека. Даволі пашыранымі з'яўляюцца прозвішчы, якія ўтварыліся ад назваў прафесій і розных відаў дзейнасці людзей, назваў жывёльнага і расліннага свету, прылад працы і прадметаў бытавога ўжытку. Статыстычны аналіз прозвішчаў паказаў, што 81 % з іх (былі разгледжаны 454 прозвішчы, што складае 16,6 % ад агульнай колькасці зафіксаваных найменняў) утвораны ад спрадвечнай лексікі, у складзе якой 14 % рэгіянальныя словы, запазычаныя складаюць 19 %, сярод іх 12 % з рускай мовы, 6 % з украінскай, 1 % з іншых моў.

Літаратура

1. Суперанская, А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Сусллова. – М. : Наука, 1981. – 176 с.
2. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія 2 : Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Галоўная рэдакцыя Беларускай савецкай энцыклапедыі, 1977–1984. – Т. 1 : А–В / М. П. Лобан [і інш.]. – 1977. – 604 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Галоўная рэдакцыя Беларускай савецкай энцыклапедыі, 1977–1984. – Т. 2 : Г–К / А. Я. Баханькоў [і інш.]. – 1978. – 765 с.
5. Русско-белорусский словарь : в 2 т. / ред. К. К. Атрахович (Кондрат Крапива). – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Минск : Белорусская советская энциклопедия, 1982. – Т. 1 : А–О. – 648 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Галоўная рэдакцыя Беларускай савецкай энцыклапедыі, 1977–1984. – Т. 3 : Л–П / П. М. Гапановіч [і інш.]. – 1979. – 672 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Галоўная рэдакцыя Беларускай савецкай энцыклапедыі, 1977–1984. – Т. 4 : П–Р / Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык [і інш.]. – 1980. – 768 с.
8. Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1977–1984. – Т. 5, кн. 1 : С–У / М. Г. Суднік [і інш.]. – 1982. – 663 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1977–1984. – Т. 5, кн. 2 : У–Я / М. Г. Суднік [і інш.]. – 1984. – 608 с.
11. Шаталава, Л. Ф. Беларуская дыялектная мова / Л. Ф. Шаталава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 208 с.
12. Беларуская мова : міжведамасны зборнік / М-ва выш. і сярэд. спец. адукацыі БССР, Гомельскі дзярж. ун-т ; рэдкал.: У. В. Анічэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Выдавецтва БДУ імя У.І. Леніна, 1980. – Вып. VIII. – 168 с.
13. Беларуская мова : міжведамасны зборнік / М-ва выш. і сярэд. спец. адукацыі БССР, Гомельскі дзярж. ун-т ; рэдкал.: У. В. Анічэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Выдавецтва БДУ імя У.І. Леніна, 1978. – Вып. VI. – 190 с.
14. Беларуская мова і мовазнаўства : міжведамасны зборнік / М-ва выш. і сярэд. спец. адукацыі БССР, Гомельскі дзярж. ун-т ; рэдкал.: У. В. Анічэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Выдавецтва БДУ імя У.І. Леніна, 1976. – Вып. IV. – 161 с.

¹Гомельскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя П.О. Сухого

²Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Франціска Скарыны

Поступила в редакцию 11.10.2023

Характар моўных паводзін носьбітаў дзяржаўных моў у Беларусі як паказальнік вітальнасці беларускай мовы ў метамоўным асэнсаванні на інтэрнэт-форумах

І.А. ГЕРАСІМЧЫК

У артыкуле разглядаюцца пытанні вітальнасці беларускай мовы праз зварот да метамоўнага дыскурсу. Вызначаюцца асаблівасці асэнсавання ўдзельнікамі дыскусій на інтэрнэт-форумах спецыфікі моўных паводзін носьбітаў беларускай і рускай моў у міжгрупавым узаемадзеянні. Звяртаецца ўвага на суб'ектыўныя фактары захавання жыццяздольнасці мовы: устанаўленне паміж беларуска- і рускамоўнымі камунікантамі міжгрупавой дыстанцыі, рэалізацыя патрэбы асобы ў канвергенцыі ці дывергенцыі пры выбары мовы зносін, сумяшчэнне каштоўнаснай матывацыі карыстальніка мовай і такіх зменных, як магчымасць быць удзельнікам групы, характар моўнага асяроддзя, узровень лінгвістычных кампетэнцый носьбітаў моў.

Ключавыя словы: метамоўны дыскурс, інтэрнэт-форум, вітальнасць мовы, беларуская мова, моўная сітуацыя ў Беларусі, фактары моўнай жыццяздольнасці.

The article deals with the issues of the vitality of the Belarusian language by referring to the metalanguage discourse. The peculiarities of understanding by the participants of discussions on Internet forums of the specificity of the language behavior of native speakers of the Belarusian and Russian languages in intergroup interaction are revealed. The attention is drawn to the subjective factors of the viability of the Belarusian language: the establishment of an intergroup distance between Belarusian- and Russian-speaking communicants, the realization of the individual's need for convergence / divergence when choosing a language of communication, the combination of the value motivation of the individual and variables such as the possibility of being a member of a group, the nature of the language environment, the level of linguistic competence of native speakers.

Keywords: metalanguage discourse, Internet forum, language vitality, Belarusian language, language situation in Belarus, factors of language viability.

Уводзіны. Інтэнсіўнае развіццё міжкультурнай камунікацыі, што суправаджаецца ўскладненнем працэсаў узаемадзеяння моў і ўзрастаннем канкурэнцыі паміж імі, абумоўлівае ўвагу навуковай супольнасці да праблематыкі вітальнасці. Змест тэрміну «вітальнасць», які выкарыстоўваецца ў дачыненні да грамадства, этнасу, мовы, вызначаецца як «здольнасць да выжывання (выжывальнасць і жыццяздольнасць)», як «жыццёвая сіла, якая дазваляе перамагчы ў барацьбе паміж “быць і не быць”» [1, с. 3]. Пытанні моўнай вітальнасці – «здольнасці мовы да далейшага развіцця, змянення або захавання структурных і, галоўным чынам, функцыянальных якасцей» [2, с. 37] – асабліва актуалізуюцца ў сітуацыях шматмоўя, калі дамінаванне адной мовы стрымлівае патэнцыял развіцця іншай.

Узровень вітальнасці мовы залежыць ад вялікай колькасці фактараў, якія маюць як аб'ектыўны, так і суб'ектыўны характар. Аб'ектыўныя фактары жыццёвай сілы мовы вызначаюцца найперш колькасцю носьбітаў мовы як роднай і другой, выкарыстаннем мовы малодшым пакаленнем; узроўнем функцыянальнай развітасці мовы; наяўнасцю пісьмовай традыцыі і стандартнага варыянту мовы; статусам мовы, моўнай палітыкай, накіраванай на падтрымку і развіццё мовы [3, с. 106]. Выяўленне суб'ектыўных фактараў жыццяздольнасці мовы мае на ўвазе зварот да такіх параметраў, як «ступень развіцця ў носьбітаў мовы нацыянальна-моўнай самасвядомасці», «каштоўнасныя арыентацыі носьбітаў мовы, іх прыярытэты пры выбары мовы ў працэсе зносін» [3, с. 6, 108], «клопат аб захаванні мовы, жаданне развіваць мову і ствараць на ёй культурныя каштоўнасці» [4, с. 26]; «сіла пачуцця прыналежнасці да мовы і культуры ўласнага этнасу», «прэстыж мовы ў этнічнай групы» [1, с. 4]. Асобнай увагі пры выяўленні суб'ектыўных фактараў моўнай жыццяздольнасці заслугоўвае і вывучэнне «паводзінавых стэрэатыпаў і стратэгий», «канкрэтных моўных паводзін, абумоўленых ацэнчымі ўстаноўкамі самой этнічнай групы ў адносінах да мовы» [5, с. 134]. Як адзначае М. Эхала, аўтар магэматычнай мадэлі вымярэння этналінгвістычнай вітальнасці, спецыфіка адносін паміж групай «мы» (носьбітамі адной мовы) і групай «яны» (носьбітамі іншай мовы) у

сітуацыі двухмоўя (шматмоўя) выяўляецца, напрыклад, у тым, наколькі аксіялагічна значнай для індывідаў бачыцца прыналежнасць да той ці іншай этналінгвістычнай групы і наколькі жаданай уяўляецца ім змена групавой прыналежнасці [6, с. 82–85].

Вывучэнне моўнай вітальнасці прадугледжвае, як адзначае Э.У. Хілханава, «апісанне самой моўнай сітуацыі з пункту гледжання рэлевантных сацыялінгвістычных параметраў», а таксама мае на ўвазе «аналіз “унутранага”» кантэксту – моўнай свядомасці чалавека, што прадвызначае зварот да такіх катэгорый, як веды, уяўленні, інтэнцыі ў адносінах да мовы [7, с. 11]. Зварот да метамоўнага дыскурсу, «калі прадметам абмеркавання становіцца сама мова, яе выкарыстанне і вывучэнне, адрозненні моў і культур» [8, с. 6], шырока выкарыстоўваецца сучаснымі даследчыкамі пры аналізе асобных моўных фактаў і моўнага жыцця грамадства ў цэлым. Ва ўмовах актыўнага развіцця інтэрнэт-тэхналогій запатрабаванай крыніцай інфармацыі пры вывучэнні моўнай вітальнасці становяцца і інтэрнэт-каментарыі, якія адлюстроўваюць дзейнасць метамоўнай свядомасці прадстаўнікоў моўнай супольнасці, а значыць, прэзентуюць штодзённыя (непрафесійныя) веды носьбітаў мовы пра мову і тыя каштоўнасці ўстаноўкі ў дачыненні да мовы, якіх прытрымліваюцца ў грамадстве.

Стан беларускай мовы, якая існуе ў Беларусі як адна з дзяржаўных моў ва ўмовах руска-беларускага двухмоўя, дэтэрмінаваны мноствам сацыяльных, палітычных, культурных фактараў. Эксперты ЮНЕСКА па выніках аналізу ступені захаванасці моў свету адзначылі беларускую мову як мову, якая знаходзіцца ў небяспецы [9]. Нестабільнасць пазіцыі беларускай мовы нязменна падкрэсліваецца і ў навуковых даследаваннях, накіраваных на вывучэнне праблематыкі моўнага ўзаемадзеяння ў Беларусі. У беларусістыцы аўтары навуковых прац, прысвечаных вывучэнню метакамунікацыі, у тым ліку і ў Інтэрнэце (напрыклад, Т.В. Бабко, І.У. Каліта, А.У. Лянкевіч, Н.Б. Мячкоўская, А.А. Сомін і інш), адзначаюць, што «стаўленне да беларускай мовы вагаецца ад вельмі станоўчага ды вельмі адмоўнага» [10, с. 158], «у грамадстве існуе незадаволенасць як самой беларускай мовай, так асобнымі яе аспектамі» [11, с. 78], «для беларускамоўнага інтэрнэт-дыялогу рэлевантным становіцца асаблівае стаўленне да мовы, абумоўленае яе этнакансалідацыйнай і сімвалічнай функцыямі» [12, с. 122–123]. Выяўленне механізмаў выбару прадстаўнікамі моўнай супольнасці на карысць захавання мовы або яе знікнення бачыцца актуальным, паколькі звязана з вызначэннем перспектывы развіцця мовы ва ўмовах двухмоўя і магчымасцей уздзеяння на моўную сітуацыю, што можа мець практычную значнасць пры распрацоўцы праграмы падтрымкі мовы з улікам узроўню моўнай лаяльнасці ў грамадстве.

Мэта даследавання – вызначыць асаблівасці асэнсавання ў метамоўным дыскурсе інтэрнэт-форумаў характару моўных паводзін носьбітаў дзяржаўных моў у Беларусі як паказальніка вітальнасці беларускай мовы. Матэрыял дадзенага даследавання – метамоўныя інтэрнэт-каментарыі, размешчаныя на беларускіх інтэрнэт-пляцоўках, у структуры якіх прадстаўлены тэматычныя раздзелы «Беларуская мова» / «Белорусский язык» / «Родная мова» і пад.: «Гродненский форум», «Onliner», «Форум semeistvo.by. Белорусский семейный форум», «Белорусский транспорт», «Лингвофорум» (раздзел “Беларускі форум”), «Форум сайта “Глобус Беларусі”». Для дасягнення мэты працы выкарыстоўваўся метады інтэрпрэтацыйнага аналізу метамоўных выказванняў з улікам іх зместавага напавення і моўнага афармлення. Аб’ём прааналізаванага матэрыялу – больш за 400 кантэкстаў (выбарка за 2015–2022 гг.).

Асноўная частка. Моўная вітальнасць, якая дэтэрмінуецца ў многім сацыяльна-псіхалагічнымі працэсамі, вызначаецца як стаўленнем да мовы ў шматмоўным грамадстве, так і спецыфікай моўных паводзін носьбітаў мінарытарнай і дамінантнай моў у міжгрупавым узаемадзеянні. У метамоўных інтэрнэт-каментарыях, прысвечаных асэнсаванню пытанняў функцыянавання беларускай мовы, адзначаецца, што моўны калектыў у Беларусі не з’яўляецца аднародным: дамінантную групу складаюць носьбіты рускай мовы, падпарадкаванай (мінарытарнай) групай выступаюць носьбіты беларускай мовы (і яе варыянтаў); у большасці сваёй прадстаўнікі моўнай супольнасці вызначаюць сябе білінгвамі – носьбітамі рускай і беларускай моў у залежнасці ад сітуацыі зносін, пры гэтым пазначаюць неабходнасць улічваць і ролю змешанай руска-беларускай мовы ў забеспячэнні камунікацыі паміж прадстаўнікамі этнасу: «*тэма народу вокруг нас – даже не билингвы, а трилингвы – трясянка можно третьим языком считать*»))» (тут і далей каментарыі з інтэрнэт-форумаў прыводзяцца ў арыгінальнай версіі – *І.Г.*). Дадзеная стратыфікацыя, па меркаванні ўдзельнікаў інтэрнэт-зносін, абумоўлівае

рэалізацыю ў беларускім грамадстве розных стратэгіі моўных паводзін у міжгрупавым узаемадзеянні. Адзначым таксама, што ў межах дыскусій на форумах звяртаецца ўвага на працэсы замаруджвання ці прыпынення развіцця беларускай мовы ў сітуацыі двухмоўя («мова вымываецца з жыцця», «вытесняецца», «сдае пазіцыі», «вымирае», «перажывае заняпад» і пад.), у сувязі з чым актуалізуюцца пытанні ўдзелу прадстаўнікоў моўнай супольнасці Беларусі ў захаванні жыццёвай сілы тытульнай мовы ці зніжэнні яе жыццяздольнасці.

Найперш звяртаюць на сябе ўвагу каментарыі, прысвечаныя асэнсаванню спецыфікі моўных паводзін носьбітаў беларускай мовы. Як адзначаецца на інтэрнэт-форумах, для беларускамоўных моўцаў, колькасць якіх разумеецца як нізкая, каштоўнасць прыналежнасці да групы не падпадае пад сумненне: «*Па-беларуску літаратурна-хораша размаўляюць адзінкі, але мы ёсць і колькасць наша павялічваецца*», «*Яна (мова) жыве і робіцца больші дасканалай і цікавай. Мне прыемна ў гэтым удзельнічаць*». У той жа час магчымаць карыстання выключна беларускай мовай ацэньваецца ўдзельнікамі інтэрнэт-дыскусій скептычна: «*Калі было б магчыма жыць ва ўмовах сучаснай Беларусі выключна беларускамоўнаму дзіцяці, то навошта тут лямант развадзіць было б*»; «*Есть реальность жизни, где для подавляющего большинства граждан РБ родной язык – русский, так что в такой реальности быть выключна беларускамоўным участь этно-фриков*». Камуніканы звяртаюць увагу на актуальнае для носьбітаў беларускай мовы «запатрабаванне ў канвергенцыі, г.зн. прыпадабненні свайго маўлення да маўлення суразмоўцы» [13, с. 104], што бачыцца неабходным з прычыны «прагматычнай зручнасці» («*У крамах, кавярнях ды інш. <...> даводзіцца таксама пераходзіць на няродную мову*»), але не акрэсліваецца як спрыяльнае для захавання жыццёвай сілы тытульнай мовы ў Беларусі.

Выбар беларускай мовы як асноўнага сродку камунікацыі разглядаецца як праяўленне ўдзельнікамі моўнай супольнасці «дывергентных паводзін, якія маюць на ўвазе свядомае падкрэсленне культурных адрозненняў» [14, с. 93]. Інтэрпрэтуюцца падобныя паводзіны носьбітаў беларускай мовы ў метамоўным дыкурсе і пазітыўна – як імкненне да захавання нацыянальнай ідэнтычнасці («*Уласная мова дае самадастатковасць*»), і негатыўна – як зацікаўленасць у павелічэнні сацыяльнай дыстанцыі паміж прадстаўнікамі этнічнай супольнасці, «*способ заявить о своей элитарности что ли?*». Пры гэтым адзначым, што аб групе носьбітаў беларускай мовы фарміруецца ўяўленне як аб аўтаномнай, але не закрытай, пра што сведчыць і адсутнасць з яе боку зацікаўленасці ва ўстанаўленні групавых межаў, і гатоўнасць яе прадстаўнікоў удзельнічаць у практыках моўнай асветы – лінгвістычных інтэрнэт-дыскусіях і абмеркаваннях пытанняў рэвіталізацыі мовы і моўнага будаўніцтва ў Беларусі, што дэтэрмінуе вітальнасць мінарытарнай мовы.

Значна больш варыятыўным з'яўляецца разуменне дыскусантамі на інтэрнэт-форумах характару моўных паводзін носьбітаў рускай мовы, а значыць, выкарыстання імі стратэгіі узаемадзеяння з носьбітамі беларускай мовы як падпарадкаванай, не дамінантнай.

Як адзначаецца ў інтэрнэт-дыскусіях, носьбіты выключна рускай мовы дэманструюць імкненне дыстанцыявацца ад носьбітаў беларускай мовы, акрэсліваюць межы групы па прынцыпе «свой – чужы»: «*я разговариваю на русском языке – кто-то разговаривает на белорусском*». Пераключэнне кода для дасягнення большай эфектыўнасці зносін з носьбітамі беларускай мовы ў дадзеным выпадку не адзначаецца і не практыкуецца, што, як правіла, тлумачыцца псіхалагічна абумоўленым стаўленнем да мовы – «*не нравится*», «*не звучит*», «*звучит некрасиво*», а змена групавой прыналежнасці не разглядаецца як жаданая, паколькі разумеецца як пагроза звыкламу, зручнаму камунікаванню ў сувязі з магчымым навязваннем, насаджэннем беларускай мовы: «*Вот и размаўляйце между собой, а остальным свою мову не навязывайте. Колхоз дело добровольное*». У дадзеным выпадку гаворка ідзе пра рэалізацыю носьбітамі рускай мовы дывергентных паводзін – «распадабнення свайго маўлення і маўлення суразмоўцы» [13, с. 104], што ўспрымаецца як неабходны інструмент забеспячэння камунікатыўнай дыстанцыі, які накіраваны на абарону звыклых, прынятых, замацаваных мадэляў паводзін, таму не садзейнічае захаванню жыццёвай сілы беларускай мовы.

Маркёрам спецыфікі маўленчых паводзін носьбітаў дамінантнай мовы становіцца і крытыка на адрас тых удзельнікаў зносін (найперш у інтэрнэт-прасторы), якія выказваюцца ў падтрымку беларускай мовы па-руску. Праз пераключэнне ўвагі з сэнсавай дамінанты паведамлення на яго моўны бок аспрэчваюцца і погляды апанента, і яго права выказвацца па

тэме дыскусіі: «*пишете о белорусском языке на русском? Вы не видите в этом некий... диссонанс?*»; «*Наколькі мова “родная” бачна па выкарыстанню “нероднай” мовы...*»; «*Не дави на жалость. Ты по русски разговариваешь, а не дзярмове, за которую топишь!*». Праз імкненне абараніць уласную пазіцыю непрымання беларускай мовы носьбіты рускай мовы могуць выкарыстоўваць аргумент супраць асобы, абясцэньваючы такім чынам «дзеянні падпарадкаванай групы па фарміраванні станоўчай ідэнтычнасці» [14, с. 93].

Больш характарыстычнымі ў дачыненні да моўнай сітуацыі ў Беларусі ўяўляюцца паводзіны носьбітаў рускай мовы, якія праўляюць у міжгрупавых зносінах запатрабаванне ў канвергенцыі, падтрымліваючы такім чынам жыццёвую сілу беларускай мовы. Перш за ўсё гаворка ідзе пра білінгваў, якія выбіраюць рускую або беларускую мову ў залежнасці ад сітуацыі зносін, якая вызначаецца сукупнасцю такіх прыкмет, як месца, тэма і ўдзельнікі камунікацыі, г.зн. асаблівасцямі «інстытуцыялізаванага кантэксту, у якім адна мова (адзін моўны варыянт) мае большую вартасць, чым другая» [13, с. 101]. Як адзначаецца на форумах, практыка карыстання беларускай мовай, у тым ліку і з мэтай павышэння ўзроўню моўных кампетэнцый, ажыццяўляецца ў інтэрнэт-зносінах з беларускамоўнымі камунікантамі і можа разглядацца як рэалізацыя патрэбы асобы ў групавой ідэнтыфікацыі: «*І толькі на “Глобусе”;*), *я дазваляю сабе напрактыкавацца, падтрымаць у памяці і ўдасканаліць літаратурны варыянт беларускай мовы*»; «*Ну і форум, дзе можна весці дыялогі з белмоўнымі мамамі*».

Выбар характару моўных паводзін можа вытлумачвацца ў дыскусіях на форумах і як рэакцыя на суразмоўцу: пераход з дамінантнай мовы адзначаецца ў зносінах рускамоўных моўцаў з носьбітамі беларускай мовы, яе дыялектных разнавіднасцей або «трасянкі» як «*найбольш жывой*» (прадстаўленай у жыцці) формы беларускай мовы, што абумоўліваецца неабходнасцю атрымання сацыяльнага адабрэння, дасягнення большай эфектыўнасці працэсу камунікацыі: «*Людзі з розных рэгіёнаў наўмысна ці нават аўтаматычна пераходзяць на розныя гатункі трасянкі, размаўляючы са сваякамі*». У дадзеным выпадку прыналежнасць да групы носьбітаў рускай мовы ў большасці сваёй успрымаецца прадстаўнікамі этнічнай супольнасці як дадзенасць, адзначаецца вымушанасць прыняць сапраўдны стан рэчаў: «*у маім жыцці (згодна з моўнай модай), дакументацыю накіравана весці і з кіраўніцтвам размаўляць (даводзіцца) на рускай мове*»; «*Вот и имею то, что имею (как и многие из нас, наверное)*», а значыць, змена групавой прыналежнасці не адмаўляецца, пераход да беларускамоўнай камунікацыі не разглядаецца як антыкаштоўнасць, што служыць ідэнтыфікатарам вітальнасці беларускай мовы.

Асобнай увагі заслугоўвае і зафіксаваная ў метамоўным дыскурсе пазіцыя, звязаная з гатоўнасцю да выкарыстання беларускай мовы ў будучыні. Умовай пераходу з дамінантнай мовы на родную (беларускую) у гістарычнай перспектыве бачыцца змена моўнага асяроддзя – павелічэнне колькасці карыстальнікаў беларускай мовы, што паспрыяе зняццю пачуцця неабароненасці, псіхалагічнай напругі ў носьбітаў-пачаткоўцаў: «*Белорусский язык я прекрасно понимаю, но в моем окружении нет ни одного человека владеющего мовай, поэтому я и надеюсь, что постепенное наращивание количества владеющих родным языком – перерастет в качество, то есть люди начнут в повседневной жизни пользоваться белорусским языком*». Вонкавымі сіламі, у выніку ўздзеяння якіх можа быць зменена моўнае асяроддзе, бачацца спецыяльныя меры для павелічэння функцыянальнай магутнасці беларускай мовы, якія прадугледжваюць перш за ўсё стварэнне «роўнага» двухмоўя праз забеспячэнне неабходнасці валодання беларускай мовай і ўжывання яе ў афіцыйнай камунікацыі: «*я не хочу распространять мову и навязывать ее кому-то. Я хочу, чтобы возможности, предоставляемые на русском, предоставлялись и на мове*», «*Я не питаю радужных надежд относительно будущего белоруской мовы. Если не будут приняты государственные меры, то силами кучки энтузиастов её не спасти*», «*Остаётся делопроизводство перевести на родной язык и вы даже не заметите как через 10–15 лет уже все будут говорить на белорусском*». У якасці інструмента рэвіталізацыі беларускай мовы разглядаецца і ўдзел кожнага прадстаўніка этнічнай групы ў практыках па вывучэнні мовы, у тым ліку і праз спробы карыстання ёй у рэальных жыццёвых сітуацыях: «*намагацца думаць і размаўляць па беларуску*»; «*книги на бел мове читаем понемногу*»; «*слушаем записи казак*»; «*ну хоть открытки шлите родственникам “на мове”*»; «*стварыць сабе дома беларускі асяродак для сябе: песні, радыё, тэлевізійныя перадачы, фільмы, кнігі – хаця б гадзінку ў дзень (нават можна паміж справамі)*».

У цэлым негатоўнасць да выкарыстання беларускай мовы ва ўсіх сферах зносін тлумачыцца ўздзеяннем асяроддзя, якое гаворыць на рускай мове, у выніку чаго каштоўнасці і нормы паводзін асобы прыводзяцца ў адпаведнасць з групавымі і верагоднасць захавання мінарытарнай мовы не павышаецца: *«нет того окружения ежесдневного, с кем бы можно было упражняться»*, *«Действительно, очень тяжело говорить на одном языке, когда все говорят на другом»*. Прычынай адмовы ад практыкі карыстання беларускай мовай становіцца і недастатковы ўзровень моўнай кампетэнцыі прадстаўнікоў этнічнай супольнасці: *«не владею в совершенстве»*, *«что б писать на мове нужно хорошо знать её а иначе очень не складно пишется»*, *«не хочется позориться»*, *«когда говорю по-белорусски, мне кажется, что искусственность некая очевидна»*. У метамоўным дыскурсе адзначаецца, што неабходнасць нарматыўнага маўлення падаецца як найважнейшае патрабаванне найперш у дачыненні да носьбітаў беларускай мовы ў Беларусі (*«калі хто на рускі кажа ці размаўляе з памылкамі то ўсе добра»*). Падобная пазіцыя тлумачыцца, з аднаго боку, каштоўнасным стаўленнем да мовы, успрыманням яе як сімвала: *«Белорусский язык заслуживает того, чтоб на нем говорили правильно, а не как придется»*. З іншага боку, адмова звяртацца да беларускай мовы ў штодзённай камунікацыі можа разглядацца як «цяжар псіхалагічнага “комплексу лінгвістычнай непаўнаважнасці”» [13, с. 131]. У каментарыях падкрэсліваецца, што носьбіты нелітаратурнай формы беларускай мовы (змешанай руска-беларускай мовы) атрымліваюць негатыўныя характарыстыкі, якія датычацца ўзроўню валодання мовай: *«Белорусскоязычные водилы – это конечно хорошо, но только не такие, как сегодня был на 93 авт., который объявил: “Наступная астаноука вакзал Восточны”!»*; *«Их невозможно слушать – две девушки 20 лет говорят на конкретной трясянке. <> Жэнішчыны палучылісь высакакультурныя»*, «трэсянка» характарызуецца як «жудасная», «чудовішная», «позорная», «неопрыятная калека», таму прыцягвае ўвагу, выклікае непрыемныя асацыяцыі і абумоўлівае жаданне чалавека не быць прыналежным да моўнага калектыву яе носьбітаў.

Інтэрнэт-карыстальнікамі адзначаецца і тое, што псіхалагічныя комплексы, якія фарміруюцца ў асобы ў выніку крытычных заўваг або праз уласнае ўсведамленне невысокага ўзроўню валодання беларускай мовай (*«это основной ужас наших людей»*), могуць быць зняты пры дапамозе карыстання яе неідэальнай формай: *«не стоит стесняться вначале “лупіць на трэсянцы”»*, *«можно з трэсянкі пачаць, галоўнае не спыняцца»*. Гэта значыць, што адмова ад бескампрамісных нарматыўных падыходаў у дачыненні на валодання беларускай мовай разглядаецца як адзін з фактараў яе рэвіталізацыі: *«не делать замечаний тому, кто говорит на каком-то “не том” языке – русском или “трэсянке”»*. У цэлым метамоўны дыкурс дэманструе парадаксальнае спалучэнне дзвюх каштоўнасных устаноў, якія абумоўліваюць розныя стратэгіі моўных паводзін: настойлівая актуалізацыя ўвагі на нарматыўнасці маўлення на беларускай мове (*«хочется слышать чистый белорусский»*) суправаджаецца клопатам аб захаванні мовы праз нежаданне карыстацца яе неідэальнай формай у штодзённай камунікацыі. Узмацняе дамінаванне рускай мовы і той факт, што імкненне прадстаўнікоў этнічнай супольнасці пазбегнуць «траўматычнага вопыту», іх жаданне *«не адчуваць сораму»* пры камунікацыі па-беларуску ў асноўным не падтрымліваецца зацікаўленасцю ў мэтанакіраваным вывучэнні беларускай мовы: *«А времени сидеть за учебниками или просто читать-писать не находится. Вот и имею то, что имею (как и многие из нас, наверное)»*. Пры гэтым нельга не адзначыць, што практыкі моўнай асветы, моўнай нармалізацыі, увага да моўнай і лінгвістычнай культуры звязаны ў Беларусі менавіта з беларускай мовай.

Заклучэнне. У метамоўных каментарыях на інтэрнэт-форумах адзначаецца, што моўная супольнасць у Беларусі неаднародная, яе прадстаўнікі дэманструюць розныя стратэгіі моўных паводзін у міжгрупавым узаемадзеянні. Практыка карыстання як рускай, так і беларускай мовай разглядаецца як свядомы выбар, які вытлумачваецца запатрабаваннем у дывергенцыі і для абароны звыклых моўных паводзін, і для захавання культурнай адметнасці. Прымяненне выключна беларускай мовы разумеецца прадстаўнікамі моўнай супольнасці ў асноўным як немагчымае, пры гэтым як неабходнасць, абумоўленая ўплывам сацыяльнага асяроддзя, можа ацэньвацца і ўжыванне рускай мовы. Захаванне беларускай мовы звязваецца як з асабістай адказнасцю кожнага прадстаўніка этнічнай групы прыкладаць намаганні для вывучэння мовы і карыстання ёй у рэальных жыццёвых сітуацыях, так і з магчымасцю

прымянення спецыяльных мер з боку дзяржавы для павелічэння функцыянальнай магутнасці беларускай мовы праз забеспячэнне неабходнасці валодання ёй ва ўмовах «роўнага» двухмоўя. Прыналежнасць да групы носьбітаў рускай мовы вызначаецца разуменнем мовы выключна як сродку зносін («к языку относятся чисто утилитарно, как к средству общения», «язык это инструмент не более того»), падтрымліваецца матывацыяй прагматычнай зручнасці, а таксама можа тлумачыцца ўказаннем на перавагу рускай мовы над беларускай (як «бескарыснай», «штучнай») з пункту гледжання ўтылітарнага і нарматыўнага. Неабходнасць быць удзельнікам групы носьбітаў беларускай мовы вытлумачваецца стаўленнем да мовы як да ідэнтыфікатара нацыянальнай прыналежнасці – «мова вызначае нацыю», інструмента, які робіць магчымай сувязь з беларускай культурай. Аслабленне вітальнасці беларускай мовы звязваецца з тым, што стаўленне ў грамадстве да роднай мовы як да каштоўнасці не абавязкова падтрымліваецца матывацыяй да яе вывучэння. Як фактар захавання жыццёвай сілы беларускай мовы разглядаецца выбар яе як сродку зносін у пэўных сітуацыях, пры гэтым дадзены працэс рэгулюецца зацікаўленасцю асобы быць прыналежнай да пэўнай групы, ажыццяўляецца як рэакцыя на суразмоўцу і вытлумачваецца разуменнем неабходнасці падтрымкі роднай мовы як мінарытарнай.

Літаратура

1. Сулейменова, Э. Д. Витальность языка : поиски показателей измерения / Э. Д. Сулейменова // Вестник КазНУ. – 2011. – № 2 (132). – С. 3–6.
2. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова [и др.] ; отв. редактор В. Ю. Михальченко. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
3. Язык и общество : энциклопедия / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: В. Ю. Михальченко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2016. – 872 с.
4. Башиева, С. К. Основные факторы витальности республиканских государственных языков (на материале кабардинского и балкарского языков) / С. К. Башиева, М. Ч. Шогенова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2018. – № 53. – С. 15–31.
5. Хилханова, Э. В. Этническая идентичность как субъективный фактор коллективного выбора языка : теоретико-методологический аспект / Э. В. Хилханова // Сиб. филол. журн. – 2008. – № 2. – С. 133–140.
6. Эхала, М. Измерение этнолингвистической витальности / М. Эхала // Язык и общество в современной России и других странах : Междунар. конф., Москва, 21–24 июня 2010 г. : доклады и сообщения / Институт языкознания РАН, Научно-исслед. центр по нац.-яз. отношениям ; отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. – М., 2010. – С. 82–85.
7. Хилханова, Э. В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков : дискурсивный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Э. В. Хилханова. – Барнаул, 2009. – 40 с.
8. Кашкин, В. Б. Языковые контрасты в обыденном сознании и в научной лингвистике / В. Б. Кашкин // Вестник ВГУ. – 2011. – № 2. – С. 5–10.
9. Atlas of the world's languages danger / Ch. Moseley (editor-in-chief), A. Nicolas (cartographer). – Third edition, entirely revised, enlarged and updated. – Abbeville : Imprimerie Leclerc, 2010. – 222 p.
10. Лянкевіч, А. У. Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікацыі (на матэрыяле дыскус-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах) / А. У. Лянкевіч // Acta Albaruthenica. – 2013. Т. 13. – С. 145–159.
11. Сомин, А. А. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в Интернет-СМИ / А. А. Сомин // Вестник РГГУ. – 2015. – № 1. – С. 62–86.
12. Бобко, Т. Структура метакоммуникативного комментария и наивные представления о коммуникации (на материале русско- и белорусскоязычных интернет-форумов Беларуси) / Т. Бобко // Respectus Philologicus. – 2017. – № 32 (37). – С. 112–123.
13. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка : учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия» ; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
14. Ведерникова, Е. М. Теория этнолингвистической витальности : эволюция и современное состояние / Е. М. Ведерникова // Социологические исследования. – 2014. – № 10. – С. 91–97.

Изучение концепта «laboratory» методом ассоциативного эксперимента

О.А. КОЗЛОВА

В статье описывается изучение концепта «laboratory» с помощью лексического ассоциирования. Приводятся результаты сопоставления совокупного ассоциативного поля, полученного путем обработки данных свободного ассоциативного эксперимента, с семантическим полем, реализующимся на уровне текста. Установлена корреляция языковых единиц текстовой модели и единиц психолингвистической модели «laboratory». Выявлен набор интегральных и дифференциальных компонентов семантической структуры изучаемого концепта.

Ключевые слова: концепт, ассоциирование, лексический, единица, компонент, (семантическое / ассоциативное) поле.

The article describes the study of the concept «laboratory» using lexical association. The results of comparing the aggregate associative field obtained by processing data of the free associative experiment with the semantic field realized at the text level are presented. The correlation of the text model language units and the psycholinguistic model units is established. A set of integral and differential semantic components of the concept under study has been identified.

Keywords: concept, association, lexical, unit, component, (semantic / associative) field.

Многие современные исследования в области лингвистики связаны с изучением семантической стороны языка. Новизна, одновременная значимость для нескольких областей знаний и качество достигнутых результатов работы значительно повышаются в случае проведения подобных исследований в рамках междисциплинарного подхода. Так, в качестве инструмента изучения семантического аспекта языкового знака и его экспликации в речевой деятельности, принципов организации семантических компонентов в структуре лексического значения и корреляции между способами представления семантической области сегодня используются психолингвистические методы, а именно ассоциативный эксперимент.

Актуальность работ по лексическому ассоциированию обусловлена необходимостью установления соотношения между системными и ассоциативными связями лексических единиц семантической области, равно как и важностью определения закономерностей и факторов реализации таких связей в процессе развертывания речи и текста.

Выполнение исследований лексического ассоциирования предполагает обращение к целому ряду работ когнитивных лингвистов (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, А.В. Кравченко, Дж. Лакофф, Р. Лангакер и др.), в рамках которых решающая роль отводится человеку как активному участнику формирования значений языковых единиц; психолингвистов (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, И.А. Стернин, А.П. Клименко и др.), согласно которым изучение значения предполагает выделение и описание всех семантических признаков, образующих его структуру в индивидуальном сознании; представителей коммуникативной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Г.А. Золотова, Ю.С. Степанов, Ч. Филлмор и др.), анализирующих значение с позиции говорящего и слушающего, их коммуникативных интенций.

Немаловажным является учет способов описания значения и выделение различных моделей его изучения. Так, в настоящем исследовании применялись:

– лексикографическая (словарная) модель значения, изучаемая О.Е. Виноградовой, З.Д. Поповой, Ж.И. Фридман и др. и трактуемая ими как минимальный набор наиболее существенных семантических компонентов описываемого понятия;

– психолингвистическая модель значения (И.А. Стернин, А.В. Красник и др.), рассматриваемая как упорядоченное единство всех семантических компонентов, реально связанных с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка, выявляемое, верифицируемое и описываемое по результатам психолингвистических экспериментов [1, с. 8];

– текстовая модель значения, исследуемая в частности В.М. Швецовой [2].

Применительно к нашему исследованию последняя модель представлена совокупностью семантических компонентов, которые на уровне текста актуализируются лексическими единицами, связанными друг с другом, прежде всего, тематическими отношениями.

Объект исследования – лексические единицы английского языка как средства вербализации концепта «laboratory». Предметом явились ассоциативные связи указанных лексических единиц, актуализированные в ассоциативных полях, в словарных дефинициях и в научно-популярных текстах.

Исследование проводилось методом свободного ассоциативного эксперимента, методом моделирования семантических / ассоциативных полей с применением элементов компонентного и сопоставительного анализа.

Целью явилось изучение концепта «laboratory» путем сопоставления совокупного ассоциативного поля, полученного в результате обработки данных свободного ассоциативного эксперимента, с семантическим полем, реализующимся на уровне текста; а также при помощи выявления взаимодействия (корреляции) лексических единиц ассоциативного поля и текста.

Материал. Отправной точкой исследования послужил анализ лексикографического описания значения слова «laboratory» в толковых словарях. Приведем в качестве примера определения, которые даются в оксфордском и кембриджском словарях:

– «*a room or building fitted out for scientific experiments, research, teaching, or the manufacture of drugs and chemicals*» [3];

– «*a room or building with scientific equipment for doing scientific tests or for teaching science, or a place where chemicals or medicines are produced*» [4].

Исходя из словарных дефиниций, можно выделить следующий набор компонентов семантической структуры рассматриваемого слова: материально-техническая база (*room, building, place, equipment*), вид деятельности (*experiments / tests, research, teaching, manufacturing*), продукт (*chemicals, medicines, drugs*), персонал (наличие в определении глагольных форм *produced, doing tests, teaching* подразумевает и самого актанта).

Опираясь на лексикографическое описание концепта «laboratory» в современных словарях английского языка (*Oxford English vocab, Longman Dictionary of Contemporary English, Cambridge Dictionary*), нами составлен список из 15 ключевых слов-стимулов, так или иначе актуализирующих выделенные ранее компоненты содержательной стороны слова «laboratory»: *development, conditions, design, procedures, services, facilities, equipment, staff, client, control, work, manufactur(ing), institution, product, test(ing)*. Данные единицы использовались в дальнейшем при проведении ассоциативного эксперимента, а также для поиска и отбора текстовых фрагментов. Подобные отрывки текста признавались релевантными, если в них обнаруживалась хотя бы одна единица исходной лексической выборки.

Для достижения поставленной цели были отобраны 10 фрагментов научно-популярных текстов, обладающих смысловым и тематическим единством. Тексты указанного стиля обеспечивают преемственность культурной традиции, осуществляя так называемую «живую передачу знаний»; привлекают широкую аудиторию читателей / слушателей, доступно и занимательно излагая научный материал, зачастую отражая увлеченность ученого в поисках истины. Выбор текстов данного типа не случаен, поскольку они обладают спецификой, имеющей важное значение для нашего исследования. По мнению В.В. Одинцова научно-популярным текстам свойственна художественность, предполагающая проблемность изложения, варьирование типов речи (описание, повествование, рассуждение) и точек зрения, использование различных приемов воздействия, тропов и фигур, средств диалогизации и установления контакта с аудиторией [5]. Таким образом, данные тексты способны отражать реальный мир с позиции автора (или с позиции нескольких исследователей / группы ученых) и обеспечивают формирование в сознании читателя представлений о мире на основе ассоциаций. То есть тексты можно рассматривать как один из важных источников формирования ассоциаций у носителей языка.

Ход исследования. Группе испытуемых, состоящей из 20 преподавателей английского языка Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины и Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого (в их числе – магистранты, обучающиеся по специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» и совмещающие работу в вузе) в возрасте от 22 до 45 лет, предложено отреагировать лексическими ассоциациями на 15 слов-стимулов. В результате эксперимента сформирован словарный массив ассоциаций объемом 400 единиц.

Отметим, что в настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения А.П. Клименко и трактуем лексическое ассоциирование как своеобразный текст, состоящий из некоторого набора ассоциативных полей, центральными элементами которых являются слова-стимулы, приравняемые к ключевым словам текста. Под ассоциативным полем понимаются «все слова-реакции на заданное слово-стимул» [6, с. 19]. Таким образом, в ходе эксперимента получено 15 ассоциативных полей, образующих совокупное ассоциативное поле «laboratory». Единицы указанных полей распределены нами по группам, каждая из которых представляет отдельный семантический компонент.

Для установления лексических совпадений между единицами совокупного ассоциативного поля и единицами словесно-ассоциативного поля текста каждый текстовый фрагмент был подвергнут деграмматикализации и делинеаризации, конечным результатом которых явился набор самостоятельных лексем, включающий 3000 единиц. Из данного массива составлена лексическая выборка объемом в 400 единиц на основе ассоциативно-смысловой близости ключевых слов (15 слов-стимулов) и других лексем, связанных с ними тематически и контекстуально [7, с. 263]. В совокупном словесно-ассоциативном текстовом поле единицы сгруппированы вокруг отдельных семантических компонентов концепта «laboratory».

Результаты. Методом сопоставления установлена корреляция языковых единиц текстовой модели и единиц психолингвистической модели «laboratory»: они репрезентируют схожие семантические компоненты значения, которые вследствие их совпадения можно рассматривать в качестве интегральных.

В таблицах 1, 2, 3 лексические единицы объединены вокруг базового слова «laboratory (lab)», которое встречается в текстовых отрывках 50 раз. Цифры указывают на частотность употребления соответствующей единицы в исследуемых текстах, а также в ассоциациях испытуемых.

В таблице 1 представлена корреляция текстовых лексических единиц по 4 семантическим компонентам лексикографической модели значения слова «laboratory»: *деятельность лаборатории; материально-техническая база; персонал; готовый продукт.*

Таблица 1 – Корреляция текстовых лексических единиц по семантическим компонентам лексикографической модели

Деятельность лаборатории	Материально-техническая база	Персонал	Готовый продукт
research 20	computer 13	company 6	produce / product/
services 9	industry / industrial 9	provide 5	production 22
manufactur(ing) 8	equipment 6	customer / customize 3	high(est) 6
develop(ment) 8	technology 6	client 3	process 5
work(er) 7	facilities 4	staff 2	amphetamine 5
control 6	space 4	offer 2	use 4
analysis /analytical 6	office 3	level 2	quality 4
operat(ion) 6	hardware 2	expert 2	drug 4
test(ing) 4	software 2	specialist 2	pharmaceuticals 4
study 3	device 2	scientist 2	model 2
investigat(ion) 3	room 2	personnel 1	chemicals 2
creat(ion) 3	house 2	engineer 1	substance 2
procedures 3	automated 1	adviser 1	application 2
language 3	glassware 1	consultant 1	vaccine 2
design 2	vivarium 1	assistant 1	cannabis 2
conduct 2	workstation 1	teacher 1	explosive 1
carry out 1		experienced 1	weapon 1
methods 1		competence 1	unique 1
clinical trials 1		contract 1	homemade 1
lecturing 1		satisfy 1	chain 1
task 1		user 1	reliability 1
			efficiency 1
			profit 1
			result 1

Примечание: цифры указывают на частотность ассоциатов в лексическом массиве.

В таблице 2 отражена корреляция лексических единиц по семантическим компонентам, совпадающим в обеих моделях (текстовой и экспериментальной / психолингвистической/). Компонентный анализ единиц лексического массива (слов-ассоциаций и тематиче-

ски / контекстуально связанной лексики), позволил выделить такие общие (интегральные) компоненты, как *деятельность лаборатории; прогресс; материально-техническая база; персонал / работа с клиентами; готовый продукт; лабораторные условия; оценка / качество.*

Таблица 2 – Корреляция лексических единиц по семантическим компонентам, совпадающим в текстовой и психолингвистической моделях

Деятельность лаборатории	Прогресс	Материально-техническая база	Персонал / работа с клиентами	Готовый продукт	Лабораторные условия	Оценка / качество
research 37 (20+17) control 14 (6+8) develop(ment) 14 (8+6) test(ing) 14 (4+10) work(er) 12 (7+5) manufactur(ing) 11 (8+3) analysis / analytical 10 (6+4) services 9 carry out 5 (1+4) conduct 5 (2+3) study 8 (3+5) operat(ion) 8 (6+2) creat(ion) 7 (3+4) design 5 (2+3) methods 5 (1+4) procedures 5 (3+2) investigat(ion) 4 (2+2) language 3 assess(ment) 3 (1+2) task 3 (1+2) effort 2 survey 2 clinical trials 1 lecturing 1	progress 8 success 7 perform(ance) 4 (1+3) advanc(ed) 3 (1+2) invention 3 expansion 3 growth 3 discovery 3 solution 3 elaborate 2 up-to-date 2 evolution 1 way out 1 optimize 1 improve 1 promote 1	computer 25 (13+12) equip(ment) 12 (6+6) device 12 (2+10) technology 11 (6+5) industry / industrial 9 facilities 8 (4+4) instrument 6 room 6 (2+4) space 5 (4+1) software 5 (2+3) automated 4 (1+3) installation 3 office 3 workstation 3 (1+2) hardware 2 apparatus 2 tool 2 microscope 2 machines 2 test tube 2 house 2 flask 1 incubator 1 centrifuge 1 reagents 1 stand 1 glassware 1 vivarium 1	company 11 (6+5) provide 9 (5+4) scientist 8 (2+6) assistant 8 (1+7) specialist 8 (2+6) expert 7 (2+5) professional 5 employee 5 offer 5 (2+3) level 4 (2+2) competence 4 (1+3) designer 3 client 3 customer / customize 3 personnel 3 (1+2) satisfy 3 (1+2) contract 3 (1+2) user 3 (1+2) consultant 3 (1+2) experienc(ed) 3 (1+2) negociate 2 staff 2 engineer 1 patent 1 adviser 1 teacher 1	produce / product/ production 35 (22+13) drug 11 (4+7) substance 10 (2+8) quality 8 (4+4) pharmaceuticals 7 (4+3) model 6 (2+4) amphetamine 5 application 5 (2+3) chemicals 5 (2+3) profit 4 (1+3) result 4 (1+3) medicine 4 weapon 4 (1+3) explosive 3 (1+2) process 5 use 4 vaccine 4 (2+2) capsule 2 cannabis 2 tablets 1 chain 1 homemade 1	temperature 7 (1+6) maintain 5 safety 5 (2+3) cleanliness 5 (1+4) changes 4 (2+2) security 3 disposable 3 climate control 3 optimal 3 sterility 3 white coat 3 cleaning 2 order 2 gloves 2 surroundings 2 flexibility 2 regime 2 (1+1) humidity 1	high(est) 6 danger(ous) 5 successful 5 (1+4) difficult(y) 4 (2+2) latest 3 hard 3 great 3 (2+1) typical(ly) 3 easy 2 (1+1) favourable 2 important 2 animal friendly 1 adequate 1 vast 1 crude 1 multipurpose 1 simple 1 significant 1 sophisticated 1 newest 1 unique 1 premier 1 reliability 1 efficiency 1

Примечание: жирным шрифтом указаны слова-реакции информантов с индексом их частотности либо отдельно индекс их частотности в лексическом массиве.

Отметим, что группы лексем, репрезентирующие тот или иной компонент семантической структуры в рамках ассоциативной (экспериментально полученной) и текстовой модели, не имеют четких границ, вследствие чего одни и те же лексические единицы могут одновременно эксплицировать несколько семантических компонентов. Так, например, многие слова из группы «оценка / качество» характеризуют компонент «готовый продукт».

Таблица 3 репрезентирует корреляцию лексических единиц по семантическим компонентам, не совпадающим в обеих моделях, а точнее компонентам, выявленным только на уровне

текста и отсутствующим в словесных ассоциациях испытуемых. Такие компоненты семантической структуры можно считать дифференциальными: *местонахождение лаборатории; статус лаборатории; методы работы; финансирование; риски / ограничения; область исследований.*

Таблица 3 – Корреляция лексических единиц по семантическим компонентам, не совпадающим в обеих моделях

Местонахождение	Статус лаборатории	Методы работы	Финансирование	Риски / ограничения	Область исследований
university 8 institute 5 building 2 factory 1 technical floor 1 'cloud' 1 residential 1 dwelling 1 apartment 1 motel / hotel room 1 caravan 1 vehicle 1 boat 1	national 4 state 4 (il)legal 3 clandestine 2 government 2 academic 2 computer lab 1 independent 1 private 1 portable 1	treat(ment) 2 specializ(ing) 2 management 2 measure(ment) 1 calculat(ion) 1 sampl(ing) 1 extract(ion) 1 high precision 1 customiz(ing) 1 technique 1 3-D computer-aided design 1 utilize 1	support 4 money 2 self-support(ing) 1 funds 1 fees 1 government 1	illegal activity 2 environmental risk 1 costly delays 1 limited production 1 short time 1 lack 1	nuclear physics 1 engineering 1 toxicology 1 chemistry 1 food products 1 industry 1 science 1

Примечание: указанные компоненты выявлены только в текстовой модели.

Таким образом, в таблицах 2 и 3 собран весь массив лексем (800 единиц), полученных в ходе ассоциативного эксперимента и в результате обработки задействованного в исследовании текстового материала.

Подводя итоги вышеизложенному, представляется возможным сделать следующие выводы. Смоделированное при проведении эксперимента ассоциативное поле «laboratory» в какой-то мере представляет собой тематическую группу, выступающую аналогом семантического поля.

Во-первых, элементы ассоциативного поля, так же, как элементы поля семантического, не просто сопологаются друг с другом, но и соотносятся между собой, вступая в разнообразные отношения. Семантические связи между элементами ассоциативного поля раскрываются как в парадигматике (вариативность выбора единиц самим автором), так и в синтагматике (сочетательные возможности), а также подчиняются центростремительному принципу (имеют общее объединяющее начало, в качестве которого выступает наиболее частотная единица «research»), и поэтому такое поле можно считать семантическим.

В то же время расхождения в наборе семантических компонентов ассоциативного (психолингвистического) поля с текстовой моделью поля «laboratory» указывают на зависимость лексических ассоциаций от ряда факторов: половых, возрастных, уровня образованности и профессиональной специфики. Данные факторы сыграли в проведенном эксперименте решающую роль, поскольку группа испытуемых включала филологов-магистрантов женского пола (преподающих в языковом / техническом вузе). Именно в силу специфики профессии полученные ассоциации лишены:

- компонента «местонахождение», который мог бы обогатить семантику слов-реакций работников, к примеру, сферы гражданского строительства, а также архитекторов;
- компонента «финансирование», который мог бы присутствовать в семантике ассоциатов экономистов;
- компонентов «статус лаборатории» / «возможные риски и ограничения», свойственных ассоциациям специалистов в области права;
- компонентов «методы работы» / «область исследований», характеризующих ассоциирование ученых, технологов, представителей точных наук.

Вместе с тем, среди слов-реакций информантов старше 40 лет, преподающих иностранный язык в техническом вузе, чаще представлены лексические единицы, имеющие семантические признаки «деятельность лаборатории», «материально-техническая база» и «готовый продукт» (см. таблицу 2). Следует отметить, что компонент «деятельность лаборатории» пред-

ставлен лексемами, среди которых наиболее частотны те, что обозначают исследование, разработку, производство, испытание. Однако нет слов, связанных с процессом преподавания, что объясняется отсутствием в учебных планах дисциплины «Иностранный язык» (а, соответственно, и в личном опыте участников эксперимента) лабораторных занятий, специфичных для технических предметов. Словосочетание «language laboratory» встречается только на уровне текстовой модели (см. таблицу 2). Кроме этого, можем констатировать, что 7 семантических компонентов психолингвистического поля полностью повторяют компоненты лексикографической модели и входят в набор компонентов, выявленных на уровне текста (см. таблицу 2). Данный факт опять же свидетельствует об обусловленности ассоциаций родом занятий человека, ведь филологи, в основном, работают со словарями и текстами. В целом, текстовая модель представлена 13 семантическими компонентами: *деятельность лаборатории; местонахождение; статус лаборатории; область исследований; методы работы; прогресс; материально-техническая база; работа с клиентами / персонал; готовый продукт; лабораторные условия; финансирование; риски / ограничения; оценка / качество*. Неудивителен столь широкий диапазон семантики изучаемого нами понятия на уровне текстовой выборки, поскольку научно-популярные тексты синтезируют опыт всего человечества, соответственно, представителей разных профессий, разных возрастов, разных жизненных позиций и т. д.

Таким образом, проведенный эксперимент позволил выявить интегральные и дифференциальные компоненты содержательной стороны слова «laboratory», а также доминирующий фактор, управляющий процессом лексического ассоциирования, в качестве которого в нашем случае выступает образовательная и профессиональная составляющая.

В целом, выполненное исследование способствовало более углубленному изучению семантики концепта «laboratory» с учетом лексикографических данных, контекстуального употребления и личного опыта филологов-пользователей английского языка.

Литература

1. Красник, А. В. Семантический и ассоциативный аспекты метеорологической лексики в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Красник. – Минск, 2022. – 31 с.
2. Швецова, В. М. Особенности текстового моделирования значения слова / В. М. Швецова // Известия ВГПУ. Филология. – 2010. – № 2. – С. 73–75.
3. Oxford English vocab [Electronic resource]. – Mode of access : <https://slovar-vocab.com/english/oxford-vocab/laboratory-6717056.html>. – Date of access : 03.01.2024.
4. Cambridge dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/laboratory>. – Date of access : 03.01.2024.
5. Одинцов, В. В. Речевые формы популяризации / В. В. Одинцов. – М. : Знание, 1982. – 79 с.
6. Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение : учеб. пособие / А. П. Клименко. – Минск : МГПИИЯ, 1974. – 108 с.
7. Хомич, В. В. Текстовая и словарная модели ассоциативных полей слов-стимулов / В. В. Хомич // Тэарэтычныя і прыкладныя аспекты этналагічных даследаванняў : зб. навук. артык. / БНТУ ; уклад. М. В. Макарыч. – Мінск : БНТУ, 2019. – С. 261–265.

Вобраз мастака ў творах «Люцыян Таполя» М. Танка і «Бондар» З. Бядулі

А.І. ЛЯШЭНКА

Артыкул прысвечаны аналізу твораў «Бондар» Змітрака Бядулі і «Люцыян Таполя» Максіма Танка. У артыкуле разглядаюцца асаблівасці перадачы выявы мастака. Вывучаюцца адметныя рысы творцы і яго мастацкай дзейнасці. Аналізуецца сувязь мастака з жыццём народа, а таксама значымасць твораў, якія па-мастацку праўдзіва адлюстроўваюць рэчаіснасць. Праводзіцца супастаўляльны аналіз вобразаў мастакоў з абодвух твораў, параўноўваюцца асаблівасці іх светапогляду і ўнутраных перажыванняў.

Ключавыя словы: мастак, творчасць, вобраз, яскравае ўвасабленне, талент, чулая душа.

This article analyzes the works «Cooper» by Zmitrok Byadula and «Lukian Tapolia» by Maxim Tank. The article discusses the features of conveying artist's image. The distinctive features of the creator and his artistic activity are being studied. The artist's connection with the life of people is analyzed, as well as the significance of works that artistically truthfully reflect reality. A comparative analysis of the artists of both poems is carried out, the features of their worldview and internal experiences are compared.

Keywords: artist, creativity, image, bright embodiment, talent, sensitive soul.

Імя Максіма Танка з'яўляецца адным з самых яркіх у гісторыі беларускай літаратуры, ён шырока вядомы як паэт, філосаф, патрыёт роднага краю, наватар у сферы тэматыкі і паэтыкі мастацкіх твораў. Ягоная паэзія ўражвае разнастайнасцю тэм, вобразаў, творчым засваеннем нацыянальнай паэтычнай традыцыі і наватарствам. Адною з самых галоўных тэм у творчасці М. Танка з'яўляецца Радзіма ў самых розных яе праявах і ўвасабленнях.

У ягонай спадчыне нямала твораў, прысвечаных тэме мастацтва. Як і Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, народны паэт дэманструе цесную сувязь мастака з жыццём народа, падкрэслівае значымасць твораў, якія па-мастацку праўдзіва адлюстроўваюць рэчаіснасць. Менавіта таму тэма мастака і мастацтва аб'ядноўвае твор «Люцыян Таполя» Максіма Танка з паэмамі «Курган» Янкі Купалы і «Сымон-музыка» Якуба Коласа, апавяданнямі «Музыка» Максіма Багдановіча і «Бондар» Змітрака Бядулі.

Змітрака Бядулю таксама хвалявалі праблемы мастацкай дзейнасці, кардынальныя асаблівасці і тэндэнцыі яе развіцця. Ён заўсёды акцэнтуюе ўвагу на сутнасці таленту, ролі ўнутраных перажыванняў і натхнення ў свядомасці чалавека, тайнах і законах мастацтва. У перыяд глыбокіх роздумаў З. Бядуля надае асаблівую ўвагу праблеме народнага мастацтва, яго генезісу і эвалюцыі. Прафесар З. Мельнікава падкрэслівае задачы народнага мастацтва ў разуменні пісьменніка: «Вывучэнне і захаванне духоўнай і матэрыяльнай спадчыны народа павінна стаць важнай задачай для адукаванай беларускай моладзі. Ён пераконваў: усё, у чым праяўляецца адметнасць, “душа народа”, неабходна збіраць, запісваць, фатаграфавачь. Бо гэта і ёсць характэрна і багатае. <...>». Яна ж справядліва падкрэслівае, што «тэма мастака і мастацтва ў класавым грамадстве хвалявала класікаў нашай літаратуры пачатку ХХ ст.» [1, с. 76].

Вядомы крытык Ігнат Дварчанін сцвярджае адметнасць Змітрака Бядулі ва ўспрыманні творчасці як аднаго з асноўных заняткаў чалавека, бо пісьменнік меў своеасаблівы светапогляд, што тлумачылася і ягоным паходжаннем: «Творчасць З. Бядулі стаіць вельмі блізка да творчасці сялянскіх пісьменьнікаў. Але ўжо з самых ранніх твораў заўважаецца і розніца. Бядуля выступае, як паэт характэрна. Ня ёсць яшчэ гэта сьведомае служэньне характэрна, стварэньне культуры яго, як гэта будзем бачыць пасля пісьменьнікаў формы і прыгожства. Бядуля адчувае характэрна душою, ён жыве гэтым характэрна, для яго характэрна – скарбніца паэзіі, крыніца натхнення. <...> Другое месца ў творчасці Бядулі займае быт сялян. Яго гора, злыбеды, перажаванні выступаюць у сваёй непрыкрытай, рэальнай запраўднасці. Часамі заўважаецца, што пісьменьнік падыходзіць да яго, як пабочны наглядчык, спакойны, яму сымпатызуючы» [1, с. 76].

Дадзеныя праблемы набылі найбольш яскравае ўвасабленне ў апавяданні «Бондар», надрукаваным пад псеўданімам Ясакар у 1920 г. ў газеце «Беларусь» і прысвечаным тэме мастака і мастацтва, нябачным повязям паміж рамеснікамі і вынікамі ягонай дзейнасці. Перад

намі сапраўдны мастак, хоць і займаецца ён такой, здавалася б, будзённай працай. Письменнік з замілаваннем пералічвае шматлікія грані таленту бондара, але асабліва падкрэслівае яго беззапаветную адданасць любімай справе: «Мэтай яго жыцця былі не заробкі, а праца сама па сабе, той любімы час працы, які дае праўдзівае шчасце майстру» [2, с. 165]. Звычайны селянін уваходзіць у кагортку вялікіх творцаў сусветнай культуры. Аўтар падкрэслівае паэтычную натуру Данілы, якога лёгка пакрыўдзіць і нават параніць.

Гэта вельмі добра разумее жонка героя твора Аўдоцця, якая настолькі захоплена майстэрствам свайго мужа, што практычна раствараецца ў ім, жыве яго дасягненнямі і надзеямі: «Нельга сказаць, што Даніла нудзіўся пры рабоце. Яго жыццё было поўна для яго цікавасці. Жонка Аўдоцця ўсім простым, добрым і падатлівым сэрцам наскрозь была пранята майстэрствам Данілы. Яго адгалосак, як цень свайго мужа, яна жыла яго жыццём, радавалася яго радасцям, гаравала яго горам; падабалася ёй тое, што яму было даспадобы, і ганьбіла тое, што ён не любіў. Ён быў як бы сонцам, а яна – планетай, якая кружылася вакол сонца» [2, с. 165]. У мастацкіх творах класічнай літаратуры жонкі мастакоў або не разумеюць сваіх сужэнцаў, або становяцца паплечнікамі. Гэта добра ўвасоблена ў навіле А. Камю, у якой паказана трагедыя мастака, які не можа справіцца з умовамі рэальнага існавання.

Незвычайнасць герояў твораў письменніка даўно адзначана нашай крытыкай. Як сцвярджае Г. Кісліцына, «Уяўленне свайго “я”, індывідуалізм письменніка накладваюць адбітак на постаці лірычных герояў нават самых бытавых, рэалістычных абразкоў (такіх, як “За тканінай”, “Араты”, “Ля вапеннай гары”, “На гай высокі” і інш.). Героі Бядулі не толькі востра адчуваюць, маюць чулую душу – уся іх сутнасць накіравана на гэтае “ўслухоўванне” ў рэчаіснасць, якую яны прапускаюць праз сябе. Тое, што некаму можа здацца дробяззю, нявартай увагі, лірычным героем Бядулі ўспрымаецца як падзея, патрабуючая тэрміновага рэагавання» [3, с. 66–67].

Нешта падобнае характэрна для творчасці Максіма Танка. Ягоны верш «Люцыян Таполя» таксама з’яўляецца сапраўдным усхваленнем творчасці і таленту, уласцівым людзям. Галоўны герой твора – народны майстар Люцыян Таполя, вядомы па мянушцы Багароб. Вобраз Люцыяна Таполі адзін з самых значных вобразаў мастакоў, створаных Максімам Танкам. У аснове твора ляжыць лёс таленавітага мастака і канфлікт паміж Люцыянам Таполі і біскупам Сямашкам. Гэта адвечны двубой паміж творцам і тымі, хто мае ўладу і грошы. Яго не пазбег і сам паэт. Як адзначаў даследчык беларускай паэмы М.М. Арочка, «у вобраз Люцыяна Таполі, народнага майстра, паэт укладваў шмат чаго ад уласнай самасвядомасці і бунтоўнасці натуры» [4, с. 166]. Даследчык сцвярджае, што да гэтага вобраза Максім Танк ішоў паступова, праз нарастанне драматызму, праз арыентацыю «на ўнутраны роздум... “Люцыян Таполя” з’явіўся іменна такім творам, які на шырокай пляцоўцы гістарычнага, умоўна ўведзенага ў задуму матэрыялу адкрываў магчымасці загаварыць пра мужнасць мастака» [4, с. 165–166].

Герой Максіма Танка тварыў на зямлі горнее, высокае, боскае, але набліжаў нябёсы да зямлі, бачачы найвялікшую прыгажосць не ў анёлах, а якраз у мясцовых людзях, якія і ствараюць багацце гэтага краю, твораць тую красу, што была некалі ў Эдэме. У свой час так рабілі вялікія мастакі эпохі Адраджэння, на карцінах якіх ажывалі рэальныя асобы. У вершы беларускага паэта жыхары неба былі падобнымі «да сялян смаргонскіх, да вілейскіх лесарубаў, рыбакоў». А вобраз дзяўчыны Тэклі, каханай майстра, нагадвае геранію славутай Песні песняў [5, с. 2].

У паэме Максіма Танка таксама дамiнуе iмкненне героя стварыць значнае i вялікае, што змога змагацца з часам i нават вечнасцю. Таму невыпадкова падкрэсліваецца, што праз мары Люцыяна Таполі выказаны спадзяванні самога творцы [6, с. 2]. Слушна напісаў пра гэта М.М. Арочка: «Неспакойная дума не пакiдала нi паэта, нi яго героя – стварыць “сказ” пра запаветнае, споўнiць сваё эстэтычнае прызначэнне, выяўляючы рэальны стан рэчаў» [4, с. 166]:

Дума неспакойная жыла ў майстра:

Ён хацеў пакiнуць пакаленням

След жыцця свайго,

Сваіх пакут,

Сказ пра мары,

Пра свае iмкненнi... [7, с. 205].

Талент мастакоў знаходзіць водгук, бо яны пазначаны незвычайнай сілай уздзеяння на людскія душы, на ўсё жывое і нежывое. Таму і адбываюцца гіпербалізавана-неверагодныя, фантастычныя пераўтварэнні, мастак становіцца сапраўдным чараўніком [5, с. 2]. Так, пад рукамі Люцыяна Таполі:

Бы ад нейкіх чараў,
Ажывала нават нежывое,
Немагчымае рабілася магчымым:
Гнуўся камень,
А з звычайнай цэгля,
Быццам з бронзы,
Паўставалі здані... [7, с. 206].

Зразумела, мастак заўсёды знаходзіцца ў соцыўме, бо жыць у грамадстве і быць незалежным ад грамадства нельга. У сваім апавяданні «Бондар» Змітрок Бядуля хоча паказаць, што творца ніколі не знойдзе паразумення з агрэсіўным натоўпам. Чалавек, які валодае далікатным духоўным унутраным светам, глядзіць на звычайных людзей «звышку, нібы ведае вельмі важную, вялікую таемнасць, якую ім недаступна ведаць» [2, с. 165]. Письменнік падкрэслівае заўсёды антаганізм паміж мастаком і звычайным людам, але вінаваціць у гэтым не толькі апошняга: «майстар не павінен ганарліва адасабляцца ад людзей; свае талент і ўмельства трэба перадаваць іншым людзям, кожнаму неабходна бачыць і цаніць характэрнае жыццё і сваімі талентамі і працай упрыгожваць свет і жыццё людзей» [8, с. 26].

Змітрок Бядуля як сапраўдны паэт акцэнтуюе ўвагу на самым пачатку работы і характарызуе сутнасць працэсу творчасці дзвюма словамі – «Цуд пачынаецца». Письменнік падкрэслівае неабходнасць знешніх фактараў для стварэння адпаведнай творчай атмасферы, якую так лёгка парушыць: «муха не павінна гудзец, мыш не павінна скрабці, ды наогул, ніхто з жывых істот не мае права перашкаджаць майстру» [2, с. 168]. Кожная творчая асоба заўсёды спадзяецца на адпаведны водгук на сваю працу. Калі пані робіць заказ Данілу на канкрэтныя вырабы, ён адчувае, што яго заўважылі і змаглі ацаніць здольнасці. Падобная падтрымка натхняе, надае дадатковыя сілы, дазваляе паглыбіцца ў творчы працэс настолькі, што творца забываецца пра яду і сон. Але, што дзівуе, працэс работы, як і надзея на тое, што яе вынікі будуць высока ацэнены, нібы скідваюць гады з немаладога Данілы. Тым болей трагічна ўспрымаецца фінал твора. Пані, у вобразе якой ўвасоблена грамадства, абьякава адносіцца да начыння, зробленага прафесійна і дасканалы, не можа ацаніць талент. Пагардліва ставіцца да працы Данілы, абьякавая да яго старанняў. Непаразуменне знішчае не толькі вырабы майстра, але і яго самога. Душа таленавітага чалавека заўсёды складаная, далікатная, яе лёгка параніць нават адным словам ці знявагай. Мастак пакутуе, калі парушаецца ўнутраны свет, калі губляецца ўвага да яго і падтрымка, бо ён чакае справядлівага прысуду, які надае яму новыя сілы, натхняе на задумы, спрыя новым знаходкам. Праўда, письменнік падкрэслівае, што тут трэба быць дыялектыкам, бо нельга поўнасьцю ігнараваць аднавяскоўцаў і цалкам спадзявацца на пані, якая ўспрымаецца як ісціна ў апошняй інстанцыі.

Бондар Даніла паўстае як наіўны чалавек, што ўзвёў пані на п'едыстал, паверыў у яе асаблівую чуйнасць да характэра. А. Бязлепкіна-Чарнякевіч у артыкуле «Письменніцкая публіцыстыка як ключ да разумення мастацкай творчасці на прыкладзе апавядання “Бондар” Змітрака Бядулі» сцвярджае: «калі зірнуць на твор вачыма наіўнага рэцыпіента, то найперш вылучаецца такі тэзіс: “непавага забівае мастака”. Гэтая думка ўпісваецца агулам у творчасць письменніка, бо З. Бядуля – аматар экзальтаваных сюжэтных рашэнняў, але ў вачах вучняў можа выглядаць моцным перабольшваннем: пані заплаціла майстру за працу, выканалы ўсе дамоўленасці, а любіць і шанаваць яго яна не абавязана, як і не абавязана адпавядаць яго чаканням, пра якія яна нават не здагадалася» [1, с. 77]. Таленавіты бондар з «залатымі рукамі» памірае. Даніла перастае ствараць свае вырабы, якімі калісьці славіўся на ўсю вёску, бо далікатнае эга мастака цалкам знішчана, нішто яго больш не захапляе, смерць мастака цягне за сабою гібель асобы. Ён становіцца маўклівым і панурым, закідвае свае інструменты, якія з часам іржаваюць. Як антытэзіс гучыць аўтарская рэмарка, што хаваюць бондара Данілу ў шурпатай і нязграбнай труне. І толькі яго жонка Аўдоця заўважае: «Якім бы вокам Даніла глянуў на гэтую непрыгожую труну?» [2, с. 172].

Тым часам персанажу М. Танка, прадстаўніку народнай творчасці – Люцыяну Таполі, супрацьстаіць біскуп Сямашка. Як гэта часта сустракаецца ў беларускай літаратуры, Люцыян Таполя прадстаўлены як неардынарная асоба, якой супрацьпастаўляецца персанаж-антыпод – біскуп, надзелены неабмежаванай уладай. Мастак не можа ўзняцца на адкрыты бунт ці пратэст, але ён змагаецца ўласнымі сродкамі, мастакоўскімі. У сваіх тварэннях Люцыян Таполя (Багароб) надаў біблейскім абразам «апосталаў, прарокаў» аблічча звычайных зямных людзей, падобных да тых, сярод якіх Хрыстос апавядаў свае прыпавесці. Песняй аб няспраўджаным каханні стала гераіня батлейкі, рысы якой разьбяр скапіяваў з вясковай прыгажуні Тэклі. Іншыя вядомыя і дасканалыя персанажы ягоных скульптур выклікалі захапленне і радасць простых людзей, але прыводзілі ў лютасць і гнеў Сямашку.

У рэалістычнасці вырабаў Люцыяна Таполі біскуп бачыў не вялікі талент іх стваральніка, а злачынства. У сувязі з чым і пакараў Багароба, загадаўшы знішчыць вынікі яго карпатлівай працы і не дакранацца да інструментаў на цэлае дзесяцігоддзе. Для Люцыяна Таполі дадзенае пакаранне аказалася роўназначным страце сэнсу існавання і духоўнай смерці. Але, у адрозненне ад героя З. Бядулі бондара Данілы, ён знаходзіць у сабе сілы для змагання. Забарона тварыць натхняе на далейшыя пошукі: Люцыян Таполя вырашыў адпомсціць: майстар упрыгожыў храм хімерамі і пачварамі падобнымі да тых, хто пакрыўдзіў людзей:

На абсыдах

Нейкія расселіся хімеры.

Гэта – тыя, што хацелі знішчыць,

Пагасіць святло у яго сэрцы.

З іх адны падобны да магнатаў,

Да сабак – да панскіх цівуноў,

А другія – да дзяцей Лайолы –

Хітрых езуітаў,

Да айца Сямашкі [7, с. 207].

Люцыян Таполя сцвердзіў права мастака на творчую свабоду, ягоную рашучасць змагацца за свае ідэалы. Ворагі былі пакараны адметнай зброяй, якой валодаюць творцы.

А. Петрушкевіч лічыць, што «святыня, збудаваная Люцыянам Таполем, – гэта песня мастака. Песня велічы, праўды і нязгоды. Бо творца не стаў на шлях змовы з ворагам людскасці. Адначасна гэтая святыня, узведзеная Люцыянам Таполем, – гэта самы дасканалы помнік творцу» [5, с. 4].

Літаратура

1. Бязлепкіна-Чарнякевіч, А. Пісьменніцкая публіцыстыка як ключ да разумення мастацкай творчасці на прыкладзе апавядання «Бондар» Змітрака Бядулі / А. Бязлепкіна-Чарнякевіч. – Роднае слова. – 2023. – № 7. – С. 75–79.
2. Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля – Мінск : Маст. літ., 1986. – Т. 2 : Вершы ў прозе. Лірычныя імпрэсіі. Апавяданні. – 351 с.
3. Кісліцына, Г. М. Лірычная мініяцюра як жанр беларускай літаратуры / Г. М. Кісліцына ; навук. рэд. І. Э. Багдановіч. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 118 с.
4. Арочка, М. М. Максім Танк : жыццё ў паэзіі / М. М. Арочка. – Мінск : Нав. і тэхніка, 1987. – 272 с.
5. Петрушкевіч, А. М. Вобраз мастака ў паэмах Янкі Купалы «Курган» і Максіма Танка «Люцыян Таполя» / А. М. Петрушкевіч // Восемь Танкаўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навуковай канферэнцыі, Мінск, 13–14 верас. 2012 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: В. Д. Старычонок [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2012. – 223 с.
6. Беларуская літаратура : вучэб. дапам. для 10 кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання з 12-гадовым тэрмінам навучання (базавы і павышаны ўзровень) / Г. Я. Адамовіч [і інш.] ; пад рэд. Д. Я. Бугаёва. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 317 с.
7. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 7 : Паэмы. – 368 с.
8. Беларуская літаратура ў 10 класе : вучэб.-мэтад. дапам. для настаўнікаў устаноў агул. сярэл. адукац. з беларус. і рус. мовамі навучання / З. П. Мельнікава [і інш.]. – Мінск : НІА, 2011. – 189 с.

Спецыфіка крэатыўнай нон-фікшн прозы напрыканцы XX – на пачатку XXI ст.

Г.Ю. НОВІК

Артыкул прысвечаны даследаванню адметнасцей сучаснай беларускай creative non-fiction прозы на прыкладзе кніг В. Рагойшы, Я. Янушкевіча, Л. Рублеўскай і В. Скалабана, Л. Дранько-Майсюка, Д. Марціновіча, С. Лескеця, М. Сарокі і інш. пісьменнікаў. Аналіз спецыфікі ажыццёўлены праз прызму вывучэння найбольш характэрных жанравых рыс тэкстаў-верфабул, створаных аўтарамі з краін Захаду (ЗША, Вялікабрытаніі, Італіі і г. д.).

Ключавыя словы: creative non-fiction, крэатыўная нон-фікшн проза, жанравыя адметнасці, спецыфіка.

The article is devoted to the study of the features of modern Belarusian creative non-fiction prose using the example of books by V. Ragojska, Y. Yanushkevich, L. Rubleuskaya and V. Skalaban, L. Dranko-Maisyuk, D. Martinovich, S. Leskets, M. Saroka and other writers. The analysis of specificity is carried out through the prism of studying the most characteristic genre features of creative non-fiction texts created by the authors of Western countries (the USA, the UK, Italy, etc.).

Keywords: creative non-fiction, creative non-fiction prose, genre features, specifics.

Спецыфіка сучаснай creative non-fiction (наратыўнай дакументалістыкі, твораў-верфабул) у краінах Захаду і славянамоўных дзяржавах дэтэрмінавана гісторыка-літаратурным кантэкстам, які быў актуальны пры фарміраванні гэтай разнавіднасці прозы. Накірункі грамадскай думкі, аксіялагічны вектар мастацтва той ці іншай краіны прадвызначылі форма-зместавую напоўненасць тэкстаў наратыўнай дакументалістыкі, а таксама іх ролю ў культурным жыцці соцыуму.

Creative non-fiction «заходняга ўзору», заснаваная пад уплывам «новага журналізму» (1960-я гг.) і «новага новага журналізму» (1980-я гг.), у цеснай узаемасувязі з «забаўляльнай журналістыкай», культурай Інтэрнэту і навучальнымі праграмамі, на сучасным этапе ўяўляе сабой даволі стракатую сукупнасць жанраў, якая адпавядае запатрабаванням мультыкультурнага, поліэтнічнага, шматмоўнага грамадства. Сярод такіх твораў – рэпартажы, журналісцкія расследаванні, травелогі, антыбіяграфіі, «падручнікі жыцця» і г. д. Аб'ектамі крэатыўнага пераасэнсавання становяцца прадстаўнікі даволі неаднароднага спектру прадметаў / падзей / з'яў – ад гістарычных асоб нацыянальнага маштабу да звычайных грамадзян («Шкляны замак» Жанэт Уолс), рэчаў («Узыходжанне грошай» Найла Фергюсона) і нават карысных парад («Лёгка спосаб кінучь паліць» Алена Кара). Дзякуючы гэтаму любы чытач, незалежна ад зацікаўленасцей, узросту і прафесіі, можа знайсці сабе літаратуру «для адпачынку» і / ці ненавязлівай адукацыі.

Creative non-fiction славянамоўных краін і ў прыватнасці Беларусі запазычыла некаторыя рысы ад творчасці фармалістаў і ўдзельнікаў аб'яднання ЛЕФ. Да прыкладу, эстэтызацыю фактаў, выкарыстанне ў якасці мастацкіх вобразаў падзей / з'яў паўсядзённага жыцця, кінематаграфічнасць. Яны, па слухным меркаванні В. Нікалаевай, «павінны былі надаць творах выразнасць і адчуванне рэальнасці, сапраўднасці апісанага, паўплываць на чытача самім спосабам мадэлявання рэчаіснасці» [1, с. 141]. Таксама відавочны ўплыў нарысістыкі і эсістыкі – у некаторых айчынных узорах крэатыўнай нон-фікшн прозы адсутнічае або паслаблены сюжэт, аўтары не заўсёды адлюстроўваюць трывалую ўзаемасувязь між згаданымі з'явамі, заўважная рухомасць асацыяцый. Такія творы нярэдка праблематычна адрозніць ад нон-фікшн. Аўтары робяць акцэнт на даследаваннях, звяртаюцца да навуковых падыходаў.

Айчынная наратыўная дакументалістыка прадстаўлена ў асноўным тэкстамі, якія з'яўляюцца плёнам шматгадзіннай карпатлівай працы ў архівах і бібліятэках і прысвечаны пераважна вядомым творцам, грамадскім падзеям. Напрыклад, кніга «Напісана рукой Купалы» (1981) Вячаслава Рагойшы ўтрымлівае шмат рэдкіх звестак, якія дазваляюць

даведацца пра зрэд культурна-гістарычнага жыцця мінулага стагоддзя [2]. Пры стварэнні кнігі была выкарыстана вялікая колькасць дакументальных матэрыялаў накіраваных на лістоў і ўспамінаў вядомых дзеячоў айчыннай культуры, даравальных надпісаў на кнігах і фотаздымках, цытат з літаратуразнаўчых артыкулаў, вытрымак з газет, тэлеграм. Гэта сведчыць пра задзейнічанне аўтарам тактыкі «аб'ектыўнасці і бесстароннасці», што абумоўлена яго імкненнем да павышэння доказнасці, пераканаўчасці аповеду.

Разам з тым В. Рагойша не абмежаваўся зваротам да навуковай стратэгіі аргументацыі, паглыбіўшыся і ў журналістыку. Пра самастойны пошук даследчыка, здабычу інфармацыі не толькі з адкрытых крыніц, але і з канфідэнцыйных можна дазнацца дзякуючы фрагментам ліставання В. Рагойшы з перакладчыкамі паэтычнай спадчыны беларускага класіка, цытатам з тэлеграм і г. д. Такі метатэкст прызначаны для ўзмацнення даверу рэцыпіентаў, паколькі дапаўняе сэнсавую насычанасць твора, рэпрэзентуе механізм навуковых пошукаў.

Творы замежнай creative non-fiction нярэдка ўводзяць рэцыпіентаў у зман, прымушаючы думаць, нібыта факты былі змадэляваныя. Напрыклад, гісторыі пацыентаў у кнізе «Чалавек, які прыняў жонку за капялюш» Олівера Сакса падаюцца неверагоднымі, нягледзячы на вялікую колькасць дыялогаў, цытат з навуковых работ і інш. дакументальных сведчанняў, паколькі ўтрымліваюць звесткі пра рэдкія, малавядомыя формы хвароб. Айчынныя творы-верфабулы пазбаўлены такіх «гульняў з праўдай». Беларускія пісьменнікі, акрамя пошукаў інфармацыі, гіпатэтычна новай нават для дасведчаных чытачоў, імкнуцца зменшыць колькасць версій развіцця падзей, адаптаваць экзатычную інфармацыю, замест выбудовы складаных сюжэтных ліній ажыццявіць разгорнутыя, аргументаваныя абвяржэнні асобных канцэпцый ці фактаў.

Напрыклад, **Язэп Янушкевіч** у кнізе «**За архіўным парогам**» (2002), вывучаючы гісторыю сям'і Паўлюка Багрыма, адзначае, што бацька гэтага дзеяча памёр не падчас здушэння Крычаўскага паўстання ў 1928-м, а праз 27 год пасля тых падзей. Падмацаваўшы тэзіс праўдзівымі звесткамі (цытатай з фотакопіі «Метрыкі смерці і пахавання Юзафа Багрыма, бацькі Паўла Багрыма»), даследчык назваў у тым ліку крыніцы, у якіх згадана непраўдзівая інфармацыя. Такі падыход дазваляе чытачам прасачыць механіку ўзнікнення сучасных міфаў і зразумець легкасць, з якой любая «бяскрыўдная» мастацкая інтэрпрэтацыя можа стаць імпульсам да скажэння ўяўленняў пра гісторыю і ў перспектыве аказаць не меншы ўплыў на грамадства, чым трывіяльная ці палітычная міфалогія.

Па словах Р. Барта, перашкодзіць працэсу міфатворчасці практычна немагчыма: «Міфам можа стаць усё што заўгодна? Я лічу, што менавіта так, паколькі сугестыўная сіла свету бязмежная. Любую рэч можна вывесці з яе замкнёнага, безгалосага існавання і ператварыць у слова, гатовае да ўспрымання грамадствам» [3, с. 234]. Разам з тым «выкрывальніцтва» міфаў дзякуючы літаратуры сведчыць, што мастацтва слова можа служыць адначасова як крыніцай узнікнення згаданых камунікатыўных сістэм, так і эфектыўным сродкам іх дэканструкцыі. Менавіта таму творы крэатыўнай нон-фікшн прозы маюць вялікі патэнцыял уплыву на грамадскую свядомасць.

Больш поўная рэалізацыя сугестыўнай функцыі creative non-fiction можа адбывацца пры звароце пісьменнікаў да журналісцкіх метадык. Акцэнт на дэталі ствараюць у чытачоў «эфект прысутнасці», дазваляючы зразумець, якімі шляхамі аўтар прыйшоў да той ці іншай высновы, і спрыяюць фарміраванню лягальнасці рэцыпіентаў.

У кнізе адлюстраваны як асабісты вопыт даследчыка, так і рэаліі «знешняга жыцця». Успаміны аўтара пра папярэдняю навуковую стажыроўку і апісанні парадку дзеянняў пры замаўленні матэрыялаў з польскіх архіваў змяняюцца згадкамі пра яго эмоцыі падчас працы з пэўнымі крыніцамі («Першае ўражанне ад знаёмства з лістом – невымоўнае шчасце, што невядомы ксёндз амаль праз паўвека пасля таго, як пакінуў крошынскія ваколіцы, наважыўся даслаць <...> каштоўныя дакументы» [4, с. 107]). Аўтар рэпрэзентуе сябе праз падбор матэрыялаў і прысутнічае ў творы як паўнаўладны ўдзельнік распаведзенай гісторыі. Гэта разнастайвае структуру камунікацыі ў тэксце і спрыяе прыцягненню чытацкай увагі.

Зварот аўтара да аналітычных метадаў даследавання, дынамічны, дэталізаваны выклад матэрыялу, а таксама тое, што рэцыпіентам на пачатку паведамляецца мэта напісання твора, але не вынік, прыпадабняюць тэкст да журналісцкіх эксперыментаў, якія разгортваюцца на

вачах чытачоў. Разам з тым структура асобных фрагментаў кнігі нагадвае пабудову драматычнага твора, прычым яны нярэдка маюць адкрыты фінал, аформлены ў выглядзе рытарычных пытанняў. Напрыклад: «Колькі ж ты, каваль-кавалёк, за жыццё сваё доўгае нарабіў тых брытваў? Няўжо больш, чым у юнацтве вершаў напісаў?» [4, с. 114]. Такім чынам, у кнізе рэалізаваны шырэйшы спектр сродкаў для прыцягнення чытацкай увагі, чым у мастацкіх ці публіцыстычных тэкстах. Гэта робіць яе цікавым матэрыялам для вывучэння ў тым ліку праз прызму нараталогіі і рэцэптыўнай эстэтыкі.

Менш распаўсюджаны ў айчыннай крэатыўнай нон-фікшн літаратуры творы, напісаныя па выніках экспедыцый. Здабытыя падчас краянаўчых паездак матэрыялы нярэдка становяцца асновай для тэматычных зборнікаў, гэтаксама як і дзённікі ўдзельнікаў публікуюцца ў фармаце кніг ці допісаў у блогах. Аднак такія тэксты з'яўляюцца ўзорамі пераважна ці навуковай літаратуры, ці нон-фікшн. Сярод кніг, якія адлюстроўваюць сінтэз журналісцка-даследчых і мастацкіх стратэгий, варта адзначыць «Шэпт» (2022) С. Лескеця [5], «Пра Вяллю, рыбу і рыбалку» (2017) М. Міхалевіча і інш. У такіх творах відавочны парытэт аўтарскага самавыяўлення і фактычнага матэрыялу, пры гэтым творцы выконваюць ролю не проста збіральнікаў інфармацыі, але паўнаўладных удзельнікаў падзей.

Зварот пісьменнікаў да спосабу выкладу матэрыялу, заснаванага на выкарыстанні размоўнай лексікі, – адна з прычын таго, што крэатыўная нон-фікшн літаратура даволі шчыльна інтэгралася ў жыццё грамадства краін Захаду. Такія тэксты не складаны для ўспрымання і прызначаны не толькі для рэалізацыі эстэтычнай функцыі. Яны маюць пэўныя пазнакі ўтылітарнасці. Напрыклад, у ЗША і Канадзе *creative non-fiction* існуе фактычна на двух узроўнях: як гатовы да «спажывання» прадукт, так і кампанент метадыкі, скіраванай на развіццё навыкаў мыслення праз складанне тэкстаў у адпаведнасці з пэўнымі мастацкімі патрабаваннямі. Нярэдка творы студэнтаў універсітэтаў і каледжаў, напісаныя ў межах навучальных курсаў па авалодванні тэхнікай *creative non-fiction*, выдаюцца ў фармаце анталогій, якія таксама карыстаюцца поспехам у чытацкай аўдыторыі. Некаторыя з навучэнцаў дзякуючы ўдасканаленню творчых навыкаў сталі прафесійнымі пісьменнікамі. Менавіта іх тэксты складаюць значную частку анталогій *Contemporary Creative Nonfiction: The Art of Truth* (2001), *Touchstone Anthology of Contemporary Creative Nonfiction: Work from 1970 to the Present* (2007), *Slice Me Some Truth: An anthology of Canadian creative nonfiction* (2011), *Contemporary Creative Nonfiction* (2020) і многіх іншых.

Беларуская ж крэатыўная нон-фікшн проза пазбаўлена ўтылітарнасці такога тыпу. Айчынныя творы «масліту са знакам якасці» знаёмяць чытачоў з акалічнасцямі жыцця знакамітых беларусаў, таямніцамі нашай гісторыі, аўтарскімі гіпотэзамі, рэдкімі дакументамі і іншай каштоўнай інфармацыяй. «Прагматызм» беларускай крэатыўнай нон-фікшн прозы заключаецца перадусім не ў дапамозе чытачу ў «адточванні» навыкаў, якія могуць спатрэбіцца ў паўсядзённым жыцці, ці арганізацыі баўлення вольнага часу. Айчынная *creative non-fiction* скіравана на падтрымку сцвярджэння каштоўнасці беларускай нацыянальнай ідэі, закладзенай славымі дзеячамі культуры; яна дазваляе адчуць самабытнасць народа і зразумець асабістыя матывы дзеянняў яго выбітных прадстаўнікоў. Акрамя таго, пры азнаямленні з беларускімі творами-верфабуламі ў чытачоў ёсць магчымасць атрымаць уяўленне пра адметнасці работы з архіўнымі матэрыяламі. Творы беларускай *creative non-fiction* наглядна дэманструюць усемагчымыя спосабы пошуку звестак, навучанне выкарыстанню якіх немалаважнае ў інфармацыйную эпоху.

Адрознівальнай прыкметай беларускай і замежнай наратывнай дакументалістыкі з'яўляюцца ў тым ліку неаднолькавыя тыпы «прагматызму», узаемазвязаныя з тэндэнцыямі кнігавыдавецкага сегменту і адпаведна з маркетынгавымі стратэгіямі пры «рэалізацыі» твораў. У краінах Захаду *creative non-fiction* прызначана для шырокага кола чытачоў і займае пэўную нішу на кніжным рынку. Такія творы «рэалізуюцца» ў многіх фармацах, іх выпуск суправаджаецца прадуманымі рэкламнымі кампаніямі. Папулярнасцю ў чытачоў карыстаюцца тоўстыя часопісы, у якіх прадстаўлены ўзоры *long-form journalism*. Па словах Лі Гаткінда, «многія вядомыя часопісы друкуюць больш крэатыўнай нон-фікшн, чым мастацкай літаратуры і паэзіі разам узятых» [6, с. 21]. Распаўсюджаныя фарматы – анталогіі, часопісы і кнігі ў электронным

выглядзе. Папулярным з'яўляецца і аўдыёфармат. Шырока прадстаўлена калумністыка ў папяровых СМІ, якія, нягледзячы на хуткую змену інфармацыйных плыняў, прапануюць чытачам якасную аналітыку і «суб'ектыўныя» жанры / формы (эсэ, дзённікі, успаміны і г. д.). Нарэшце, вялікімі тыражамі выдаюцца кнігі асобных аўтараў, прычым нярэдка адбываюцца абмеркаванні твораў падчас пасяджэнняў кніжных клубаў (напрыклад, на платформах bookclubs.com, quarantinebookclub.com ці афлайн – у кніжных суполках пры бібліятэках).

У Беларусі creative non-fiction прызначана галоўным чынам для зацікаўленых гісторыяй і культурай, пра што сведчыць спектр тэм, якія закранаюцца ў творах. Таму нарматыўная дакументалістыка, маючы вялікі патэнцыял, дагэтуль не з'яўляецца масавай літаратурай, саступаючы нішу перакладным выданням замежных аўтараў. Поліфарматнасць не рэалізавана на належным узроўні. Адзін з нешматлікіх узораў паспяховага і мультыфарматнага «прасоўвання» – рэкламная кампанія А1 па рэалізацыі «Радзіва Прудок» А. Горвата ў межах буккросінгавага праекта MovaBox і пастаноўка спектакля паводле гэтага твора. Акрамя таго, адметным быў рэліз праекта «Шэпт» С. Лескеця ў фармаце інтэрактыўнай выставы, падчас наведвання якой можна было ўбачыць фотаздымкі бабуль-шаптух, пачуць запісы іх галасоў, пакратаць букецікі зёлак.

Нярэдка прамежжавыя вынікі даследаванняў, ажыццёўленых аўтарамі creative non-fiction, размяшчаюцца ў інтэрнэце. Напрыклад, матэрыялы з кнігі «Шэпт» С. Лескеця папярэдне выкладаліся ў фармаце блога, а таксама запісаў на старонцы ў Facebook. Узоры крэатыўнай нон-фікшн прозы часам размяшчаюцца на сайце 34mag.net. У карыстальнікаў Байнэта карыстаюцца папулярнасцю тэматычныя блогі на YouTube, падкасты (напрыклад, на платформе belaruspodcasthub.com).

Як правіла, фрагменты асобных узораў крэатыўнай нон-фікшн прозы трапляюць на старонкі друкаваных медыя, перш чым атрымліваюць увасабленне ў выглядзе завершанага твора – як, скажам, урыўкі з «Время и бремя архивов и времен» Л. Рублеўскай і В. Скалабана ці часткі манаграфіі «Жанчыны ў жыцці У. Караткевіча» Д. Марціновіча, якія размяшчаліся ў газеце «Літаратура і мастацтва». Аднак самым папулярным дагэтуль застаецца фармат папяровых кніг, хоць яны і не рэкламуюцца належным чынам і звычайна маюць невялікі тыраж (да 1000 асобнікаў).

Пры высвятленні адметнасцей айчынай і замежнай нарматыўнай дакументалістыкі варта звярнуць увагу і на спецыфіку пабудовы расповеду ў тэкстах. Аўтары сусветнай крэатыўнай нон-фікшн літаратуры пры напісанні арыентуюцца на 5 параметраў, некалі вызначаных Лі Гаткіндам: зварот творцы да асабістага вопыту (пры недахопе практыкі – адмысловае «пагружэнне» ў сітуацыю перад рэалізацыяй задумы), праўдзівасць, ажыццёўленне даследавання, азнаямленне з работамі папярэднікаў на гэтую ж тэму і, нарэшце, стварэнне (прычым не толькі рэалізацыя крэатыўнага імпульсу, але і «рамесніцкая» апрацоўка матэрыялу) [7]. У замежных узорах creative non-fiction амаль не назіраецца дыстанцыяванне аўтара ад аб'екта аповеду, а пункты гледжання пісьменніка і пратаганістаў нярэдка чаргуюцца. Чытачам прапануюцца калейдаскапічны, варыятыўны наратыў і магчымасць пераканацца ў слушнасці адной з версій развіцця дзеяння. Напрыклад, у творы «Гамора» Рабэрта Савіяна аўтар з першых старонак пазіцыянаваў сябе як наратара і актыўнага ўдзельніка падзей, напоўніўшы тэкст уласнымі адчуваннямі і шматлікімі сродкамі мастацкай выразнасці (параўнаннямі, эпітэтам і г. д.). Дзякуючы гэтаму рэцыпіенты могуць адчуць сябе ў ролі непасрэдных назіральнікаў, «прасякнучца» атмасферай даследавання.

У творах беларускіх пісьменнікаў, наадварот, рэалізавана некаторае дыстанцыяванне аўтара ад аб'екта аповеду. Творцы выяўляюць сябе ў асноўным праз падбор гіпатэтычна цікавай для рэцыпіентаў інфармацыі і (часам) акрэсліванне ўласных спосабаў работы з ёй. Нярэдка гісторыі, сфармуляваныя як паўнаважныя наратывы, не ўтрымліваюць аднаго з пералічаных вышэй параметраў, а менавіта апісанне поўнага «пагружэння» аўтара ў матэрыял. Чытачам прапануюцца прамежжавыя вынікі даследавання, з якіх, аднак, нельга скласці меркаванне пра поўны ход разважання аўтараў, іх матывы, а часам і пра прынцыпы адбору інфармацыі. Храналогія вивучэння пэўнай праблемы пры гэтым вытрымана, і цалкам магчыма ацаніць намаганні пісьменнікаў, ажыццёўлення пры здабычы каштоўных звестак.

Дзякуючы такой стратэгіі падзеі ў творах разгортваюцца нібыта самі па сабе і прэтэндуюць на дакладную праўдзівасць, не абцяжараную асабістымі меркаваннямі «трэціх асоб». Так, у кнізе **«Время и бремя архивов и времен» (2009) Людмілы Рублеўскай і Віталія Скалабана** [8] працэс пошуку інфармацыі ў частцы «Возвращение имени: Николай Казюк» (як і ва ўсёй кнізе) акрэслены ў безасабовым ключы. Правам «непасрэднага голасу» надзелены толькі героі аповеду – у тэксце прыведзены цытаты з аўтабіяграфіі М. Казюка, заявы, пададзенай на імя начальніка мінскай турмы ў 1939 г., а таксама фрагменты гутарак са сваякамі загадчыка аддзела друку і выдавецтваў ЦК КП(б). Метатэкставыя звесткі, якія апісваюць даследчыя пошукі аўтараў, выступаюць у ролі звязак і, дзякуючы сваёй лаканічнасці, не дазваляюць сфармуляваць уражанне пра стаўленне пісьменнікаў да знойдзенай імі інфармацыі.

Фрагмент мае кампазіцыю, падобную да пабудовы мастацкага тэксту. У якасці экспазіцыі выступае згадка пра аўтограф, завязкі – пачатак пошукаў, развіцця дзеяння – пошукі, кульмінацыі – звесткі пра зняволенне героя аповеду, развязкі – інфармацыя пра стасункі нашчадкаў М. Казюка, а таксама пра абставіны смерці дзеяча. Аднак у межах гэтай структуры прадстаўлены больш дробныя элементы, «сцэны», дзякуючы якім тэкст не «перагружаны» залішняй інфармацыяй. Перад чытачамі паўстаюць нібыта кадры з вострасюжэтнага фільма, прысвечанага малавядомаму рэжысёру. Адсутнасць доўгіх гістарычных экскурсаў і рэфлексій укладальнікаў забяспечвае адмысловую дынаміку наратыва і дазваляе рэцыпіентам атрымаць інфармацыю, не апасродкаваную чымсьці меркаваннем.

У шэрагу іншых беларускіх твораў creative non-fiction назіраецца падобная сітуацыя: нават калі аповед пабудаваны ў выразным суб'ектыўным ключы, аўтар займае пазіцыю пераважна наратара, але не ўдзельніка падзей. Напрыклад, у «архіўнай аповесці» **«...Усе бачылі нястачу віна...» (2020) Леаніда Дранько-Майсюка** пісьменнік хоць і ажыццяўляе аповед ад першай асобы, дае ўласную ацэнку многім падзеям / фактам, уключаючы ў наратыў фрагменты аўтабіяграфічных згадак, а тэкст літаральна перанасычаны экспрэсіўнымі выразамі і гіпотэзамі, аднак інфармацыя пра актыўныя даследчыя пошукі апавядальніка прысутнічае толькі ў трох фрагментах, якія па стылі нагадваюць лірычнае адступленне, прызначанае для абстрагавання ўвагі чытачоў.

З падобнай мэтай у тэкст уведзена і вялікая колькасць мастацкіх элементаў. Сярод іх – фантастычнае апавяданне-рэканструкцыя допыту Адама Станкевіча («Пашпарт серыі 1-ТЭ, #604171...»), гіпотэзы (што было б, калі б У. Ленін дажыў да 1949 г.) і г. д. Шырока прадстаўлены звязкі ў фармаце пытанняў («Чым займаўся згаданы камітэт?» [9, с. 64], «А што коёндз Адам?» [9, с. 65]), у тым ліку рытарычных («Няўжо не разумеў – паланізацыя штурхае моладзь у чырвоную пастку?!» [9, с. 68]).

Пры супастаўляльным аналізе жанравых адметнасцей беларускай і замежнай creative non-fiction варта ўлічваць стратэгіі пісьменнікаў пры выбары назваў для такіх тэкстаў. Па меркаванні многіх навукоўцаў (П.М. Кірычок, Я.А. Карнілава, І.С. Макляцовай і інш.), назва публіцыстычнага твора павінна апеляваць не толькі да рацыянальнага, але і да эмацыйнага мыслення чытача. Відавочна, што назвы тэкстаў крэатыўнай нон-фікшн літаратуры, створаных пісьменнікамі з краін Захаду, прызначаны для выклікання ў рэцыпіентаў перадусім зацікаўленасці, заінтрыгаванасці матэрыялам; яны выконваюць намінацыйную, ацэначна-экспрэсіўную і не ў меншай ступені рэкламную функцыі. Такія найменні звычайна правакатыўныя, гучныя; скіраваныя на тое, каб прымусіць мэтавую аўдыторыю не толькі звярнуць увагу на пэўную публікацыю, але і прачытаць сам тэкст; і, дзякуючы гэтаму, выклікаюць асацыяцыі з «жоўтай прэсай». Шырока распаўсюджаны падыход да надання твораў прэцэдэнтных назваў («Пад сцягам нябёсаў» Джона Кракаўэра), назваў з шакуючым зместам («Мы вымушаны паведаміць вам, што заўтра нас і нашу сям'ю заб'юць. Гісторыі з Руанды» Філіпа Гурэвіча) ці, наадварот, такіх, з якіх амаль немагчыма здагадацца, пра што пойдзе гутарка (напрыклад, кніга «Год магічнага мыслення» Джоан Дыдыён прысвечана жалобе, «Паміж светам і мной» Та-Нехісі Коўтс закранае важныя пытанні сацыяльнай роўнасці, і г. д.). Большасць тэкстаў creative non-fiction замежных аўтараў прызначаны для інфармавання, азнаямлення чытачоў з пэўнай з'явай / праблемай, пра якую рэцыпіенты маюць гіпатэтычна павярхоўнае ўяўленне ці не ведаюць увогуле.

Па словах К.Е. Карнілавай, «чытач запамінае публікацыю, калі яна звярнула на сябе ўвагу зместам ці выразнай кампазіцыйна-маўленчай пабудовай. Загалолак службыць тут “кампрэсіраваным тэкстам”» [10, с. 118]. Беларускія аўтары creative non-fiction нярэдка звяртаюцца да такога прыёму. Пра гэта сведчаць, напрыклад, назвы фрагментаў з кнігі «Время и бремя архивов и времен» Л. Рублеўскай і В. Скалабана: «Париж – город трущоб. Путешествие Ивана Мележа с последствиями», «Хрустальные бокалы режиссера Вейнеровича. Из истории кинохроники времен социализма» і г. д. Яны з’яўляюцца ўзорамі загатоўкаў, у якіх дамінуе намінатыўная функцыя. Пры гэтым малаверагодна, што рэцыпіентам удалася па назве ўзнавіць цалкам змест; аднак у чытачоў ёсць магчымасць зразумець і запомніць, пра што ідзе гутарка.

Стварэнне пісьменнікамі загатоўкаў, характэрных для матэрыялаў «жоўтай прэсы», – нячастая з’ява ў беларускай крэатыўнай нон-фікшн прозе. Самым яркім прыкладам з’яўляецца найменне кнігі **«Жанчыны ў жыцці У. Караткевіча» (2014) Дзяніса Марціновіча**. Твор адметны сенсацыйнасцю, асвятленнем табуяванай тэматыкі (паводле слушнай заўвагі Д. Марціновіча, у савецкія часы і крыху пазней у пісьменнікаў быў «імідж “правільных” людзей – без яркіх біяграфій і асабістай прасторы» [11]). Аднак прыватнае жыццё У. Караткевіча ў кнізе адлюстравана не для спатолення банальнай цікаўнасці чытачоў, але з мэтай прасачыць акалічнасці ўзнікнення твораў, знайсці прататыпаў некаторых герояў, даследаваць творчую спадчыну класіка з нечаканага боку. Рэцыпіенты, увага якіх была прыцягнута дзякуючы правакатыўнай назве, падчас азнаямлення з апісаннем уласна стасункаў класіка з жанчынамі даведаюцца і пра многія рэчы, звязаныя з творчасцю знакамітага земляка – напрыклад, гіпотэзу пра існаванне рукапісу працягу рамана «Каласы пад сярпом тваім», варыянты расшыфроўкі змешчаных у аўтографах ініцыялаў, сапраўдны падтэкст асобных вершаў і раманаў У. Караткевіча і г. д. Яшчэ адзін узор правакатыўнага наймення – назва кнігі **«На што хварэў Францыск Скарына» (2023) Мікалая Сарокі**. У творы выкладзена версія прафесійнага рэўматолага пра хранічнае захворванне беларускага кнігадрукара. Адметна, што М. Сарока, падмацаваўшы сваю думку шматлікімі фактамі, пакінуў чытачам глебу для разваг, размясціўшы супярэчлівы каментар рэцэнзента. Абедзве згаданыя кнігі ўтрымліваюць смелыя гіпотэзы і, нягледзячы на тое, што меркаванні аўтараў покуль не пацверджаны прадстаўнікамі акадэмічнай супольнасці, дэманструюць іншую, больш аргументаваную сістэму доказаў, чым тэксты «жоўтай прэсы».

Такім чынам, існуе шэраг дыферэнцыйных прыкмет, якія ўласцівы айчыннай creative non-fiction. Яны абумоўлены перадусім адметнасцямі развіцця беларускага мастацтва слова, спецыфікай міжжанравых узаемадзеянняў у межах сучаснай культуры, запатрабаваннямі грамадства і г. д. Сярод такіх рыс – акцэнт на асвятленні гістарычных падзей і жыццяпісаў грамадскіх дзеячоў; імкненне аўтараў да максімальна праўдзівага адлюстравання рэчаіснасці сродкамі пераважна публіцыстыкі і навукі (у меншай ступені – мастацкай літаратуры); прыярытэт фарміравання ўяўленняў пра беларускую самабытнасць; арыентаванасць твораў на зацікаўленых айчыннай гісторыяй і культурай; дыстанцыяванне аўтараў ад аб’ектаў нарацыі; апеляцыя не да эмацыянальнага, а да рацыянальнага ўспрымання інфармацыі чытачамі; непрадстаўленасць creative non-fiction у якасці асобнага сегменту кнігавыдавецкага рынку; монафарматнасць такіх твораў; слабая рэалізацыя маркетынговых стратэгий пры «прасоўванні» крэатыўнай нон-фікшн прозы.

Літаратура

1. Николаева, В. А. Синтез кинематографичности и документальности в прозе ЛЕФа / В. А. Николаева // Филология и культура. – 2012. – № 04 (30). – С. 139–142.
2. Рагойша, В. Напісана рукой Купалы : архіўныя знаходкі / В. Рагойша. – Мінск : Выд. БДУ, 1981. – 134 с.
3. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – 4-е изд. – М. : Академический проект, 2017. – 351 с.
4. Янушкевіч, Я. За архіўным парогам : Беларуская літаратура XIX–XX стагоддзяў у святле архіўных пошукаў / Я. Янушкевіч. – Мінск : Мастац. літ-ра, 2002. – 380 с.

5. Лескець, С. Шэпт / С. Лескець. – Мінск : Р.М. Цымбераў, 2022. – 327 с.
6. Gutkind, L. The art of creative nonfiction: writing and selling the literature of reality / L. Gutkind. – New York : John Wiley & Sons, Inc., 1997. – 211 p.
7. Gutkind, L. The 5 rs of creative nonfiction [Electronic resource] / L. Gutkind // Creative Nonfiction. – Mode of access : <https://creativenonfiction.org/writing/the-5-rs-of-creative-nonfiction/>. – Date of access : 11.06.2023.
8. Рублевская, Л. Время и бремя архивов и имен : очерки, эссе, пьеса / Л. Рублевская, В. Скалабан. – Минск : Літ-ра і Мастацтва, 2009. – 188 с.
9. Дранько-Майсюк, Л. «...Усе бачылі нястачу віна...» : аповесць пра Адама Станкевіча / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск : Кнігазбор, 2020. – 166 с.
10. Корнилова, К. Е. Функции заголовков современных журналистских текстов / К. Е. Корнилова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 1. – С. 118–119.
11. Марціновіч, Д. Асабістае жыццё пісьменнікаў – закрытая тэма? / Д. Марціновіч // Сайт Деніса Марціновіча. – Рэжым доступу : <http://martsinovich.of.by/archives/1456>. – Дата доступу : 28.05.2023.

Цэнтр ісследований беларускай культуры,
языка і літаратуры НАН Беларусі

Поступила в редакцию 16.01.2024

Способы праяўлення моўнай індывідуальнасці ў мастацкіх тэкстах (на матэрыяле твораў М. Зарэцкага)

Н.Я. ПЯТРОВА

У артыкуле раскрываецца змест і аб'ём паняцця ідыялект. На матэрыяле твораў Міхася Зарэцкага адлюстроўваюцца такія спосабы праяўлення моўнай індывідуальнасці, як словатворчасць, канатацыя, нетрадыцыйная словаспалучальнасць, пашырэнне семантыкі слоў. Звяртаецца ўвага на нетрадыцыйнае ўжыванне ўзуальных моўных адзінак, якія ў мастацкіх тэкстах могуць набываць спецыфічныя значэнні ці аўтарскія сэнсавыя прырашчэнні.

Ключавыя словы: мастацкі стыль, моўная асоба, ідыялект, моўная індывідуальнасць, словатворчасць, канатацыя, нетрадыцыйная словаспалучальнасць.

The article gives the content and scope of the concept of idiolect. The material of Mikhail Zaretsky's works reflects such ways of expressing linguistic individuality as word creation, connotation, non-traditional word combinations, and the expansion of the semantics of words. The attention is drawn to the non-traditional use of common words, which in literary texts can acquire specific meanings or author's semantic increments.

Keywords: artistic style, linguistic personality, idiolect, linguistic individuality, word creation, connotation, non-traditional collocation.

На сучасным этапе развіцця лінгвістычнай навукі ўвага даследчыкаў скіравана на праблему індывідуальнай творчасці пісьменнікаў. Выяўленне і тлумачэнне індывідуальна-аўтарскіх асаблівасцей мастацкага тэксту – адна з найскладанейшых і неадназначных праблем філалогіі.

Аўтарская індывідуальнасць адлюстроўваецца ў моўна-стылістычным афармленні мастацкага тэксту «як на ўзроўні праяўлення аўтарскай свядомасці, яго маральна-этычных поглядаў, так і на ўзроўні літаратурнай формы» [1, с. 222]. Разам з тым, індывідуальнае маўленне – гэта не толькі аказіянальныя адзінкі, якія ствараюцца майстрамі слова ў мастацкіх творах. У аснове індывідуальнага маўлення ў першую чаргу знаходзяцца агульналітаратурныя нормы, якія носыць ідыялекту выкарыстоўвае з улікам моўнай спецыфікі, мэт, задумы, поглядаў, творчых адносін, паколькі «індывідуальны аўтарскі стыль узнікае толькі на аснове стылістычных магчымасцей зыходнай мовы» [2, с. 464].

Нягледзячы на тое, што ў аснове любога мастацкага тэксту пакладзены «магчымасці зыходнай мовы», аднолькавыя і абавязковыя для ўсіх, кожнаму твору (тэксту) уласціва ўнікальнасць, адзінканасць, непаўторнасць. Моўная асоба не проста карыстаецца мовай як гатовым сродкам выражэння думкі, мова для яго – сродак пераўвасабляць уражанні, рабіць іх прадметам пазнання. За кожным тэкстам паўстае яго стваральнік, які па-свойму ўспрымае і адлюстроўвае навакольны свет, мае адрозны ад іншых жыццёвы вопыт, валодае пэўнай сістэмай ведаў, мае свае схільнасці, інтарэсы, асаблівасці паводзін, мыслення. Таму індывідуальнае ў мове мастацкай літаратуры абапіраецца на моўную асобу і рэалізуецца ў яе ідыялекце.

Вызначальную ролю ў вытлумачэнні зместу і аб'ёму паняцця *ідыялект*, на наш погляд, набывае *аўтарская інтэнцыя* – усвядомлены намер моўнай асобы надаць моўнай адзінцы пэўную кантэкстуальную значнасць. Таму мы вызначаем ідыялект як сукупнасць моўных сродкаў, якія паводле аўтарскай інтэнцыі адлюстроўваюць фрагмент індывідуальнай карціны свету [3, с. 98]. Такім чынам, ідыялект з'яўляецца вербальным выражэннем моўнай асобы і асэнсоўваецца як вынік рэалізацыі адзінак нацыянальнай мовы. Моўная асоба, абапіраючыся на сродкі этнамовы, стварае ідыялект, аналіз якога ў сваю чаргу дае магчымасць ахарактарызаваць асобныя рысы моўнай асобы носбіта ідыялекту. Асноўнымі паказчыкамі ідыялекту з'яўляюцца моўныя адзінкі на лексічным узроўні, паколькі праяўленне індывідуальнасці моўнай асобы знаходзіць у словах найбольшую канцэнтрацыю.

Лінгвістычныя даследаванні мастацкіх тэкстаў таго ці іншага пісьменніка каштоўныя сваёй антрапацэнтрычнай накіраванасцю, бо выходзяць на даволі актуальную праблему фарміравання і складвання нацыянальнай літаратурнай мовы ў межах індывідуальнага

мастацкага маўлення. Проза Міхася Зарэцкага – пісьменніка, які знаходзіўся ля вытокаў станаўлення беларускай літаратуры, новай літаратурнай мовы, – дае багаты і каштоўны матэрыял для назірання над асаблівасцямі фарміравання стылю мастацкай літаратуры, раскрывае спосабы і сродкі выпрацоўкі асноўных нормаў беларускай літаратурнай мовы. Адметнасць тэкстаў М. Зарэцкага вызначаецца суадносінамі паміж, з аднаго боку, маўленчым узусам беларускай мовы ў гады літаратурнай дзейнасці пісьменніка (1921–1936 гг.) і, з другога боку, шэрагам устойлівых моўных адметнасцей аўтарскага ідыялекту, якія тычацца як наяўнасці індывідуальна-аўтарскіх слоў, так і індывідуальных адметнасцей ва ўжыванні ўзуальных лексем, якія развілі аўтарскія значэнні.

Ствараючы тэкст, пісьменнік усвядомлена, г. зн. інтэнцыянальна, пераўтварае стандартную сістэму агульнанароднай мовы ў спецыфічную сістэму сваёй рэпрэзентацыі, у выніку чаго з’яўляюцца асаблівыя моўныя сродкі, якія і вызначаюць ідыялект. Такія лексічныя адзінкі набываюць статус ідыялектэм у выніку праяўлення моўнай індывідуальнасці носьбіта ідыялекту і выяўляюцца шляхам выбаркі з тэкстаў моўнай асобы слоў, якія пры суаднясенні з агульнанароднай мовай будуць формай ці зместам адрознівацца ад лексем, характэрных для маўленчага узусу.

У тэкстах М. Зарэцкага адлюстраваны наступныя спосабы праяўлення моўнай індывідуальнасці асобы: словатворчасць; аўтарская канатацыя; нетрадыцыйная словаспалучальнасць; пашырэнне семантыкі слоў.

Асноўным спосабам ідэнтыфікацыі наватвораў у тэкстах мастакоў слова лічым зварот да лексікаграфічных крыніц, што дазваляе адрозніць словаўтваральныя неалагізмы ад дыялектных адзінак, а таксама ад малавядомых слоў, якія выкарыстоўваліся ў час стварэння тэкстаў. Напрыклад, даследуючы ідыялект М. Зарэцкага, трэба звярнуць увагу на тое, што ў 20–30-ыя гг. не існавала поўнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы, паколькі нормы новай беларускай літаратурнай мовы ў гэты час яшчэ знаходзіліся ў стадыі станаўлення, таму асноўнымі крытэрыямі вызначэння наватвораў у тэкстах гэтага пісьменніка сталі перакладныя і дыялектныя даведнікі пачатку ХХ ст. Так, у «Падручным беларуска-польскім слоўніку» Б. Друцкага-Падбярэскага (1929 г.) былі зафіксаваны наступныя лексічныя адзінкі: *абшарпанец* [4, с. 4], *сужыццё* [4, с. 227], *спрычыніца* [4, с. 222]; *самахоць* [4, с. 208], *рупата* [4, с. 203], *немарасць* [4, с. 124], *з’явішча* [4, с. 76], *знайда* [4, с. 71], *віхацца* [4, с. 28], *безстаронна* [4, с. 18], *апрыскліва* [4, с. 11]. Між іншым, на этапе першаснага адбору аказіяналізмаў гэтыя адзінкі былі кваліфікаваныя намі як словаўтваральныя неалагізмы.

Паводле марфалагічнай прыналежнасці ў тэкстах М. Зарэцкага ўжываюцца наступныя тыпы наватвораў: субстантыўныя, ад’ектыўныя, дзеяслоўныя і адвербіяльныя формы. Найбольш выразнымі рэпрэзэнтантамі спецыфікі ідыялекту М. Зарэцкага з’яўляюцца прыметнікі. Суфіксальныя і прэфіксальныя ўтварэнні прыметнікаў не набылі пашырэння ў ідыялекце пісьменніка (выяўлены адзінкавыя выпадкі іх ужывання): ... у *галаве шаломны туман* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 53]*; *Аўгінька схавала яго за руку і рвучкім капрызным рухам прыцягнула бліжэй да сябе* [Вязьмо; т. 3, с. 231]; *Гэты слязлівы, слюмачлівы энк ... заспакойваў Яроцкага* [Голы звер; т. 2, с. 54] і інш. У ідыялекце М. Зарэцкага прадуктыўнасцю вызначаюцца складаныя прыметнікі: ... *няўмысля ўпёрся ў нейкага ласкавабародага селяніна* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 249]; *Горад сустрэў надыход гэтае ... сілы з сумятліва-трывожным спалохам* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 245]; *На яго шырокім, мяккабародым твары свеціцца ... давольнасць* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 70]; *І таму прыйшлі яны абедзве сцеражліва-напружаныя* [Вязьмо; т. 3, с. 136]; ... *там, у нервова-разгоннай дынаміцы ... натоўпу, ён спадзяваўся развезць сваю маркоту* [Рубеж; т. 4, с. 39] і інш. Сярод складаных ад’ектыўных наватвораў асаблівае пашырэнне ў ідыялекце М. Зарэцкага атрымалі індывідуальна-аўтарскія злітныя эпітэты – прыметнікі-кампазіты. Не зважаючы на тое, што ўтварэнне прыметнікаў спосабам чыстага складання ажыццяўлялі і іншыя аўтары перыяду 20–30-ых гг. ХХ ст., мы лічым прыметнікі-кампазіты наватворамі, паколькі выбар кампанентаў і асаблівасці іх спалучэння ў іх вызначаюцца індывідуальнасцю. У выніку ствараецца непаўторная лексічная адзінка, якая не ўзнаўляецца ў іншых аўтараў.

*Тут і далей прыклады прыводзяцца паводле выдання: Зарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989–1992 [5] з пазначэннем назвы твора, тома і старонкі.

Прыметнікі-кампазіты ў тэкстах М. Зарэцкага багатыя сэнсам, арыгінальныя сваёй формай, вызначаюцца самабытнасцю ўжывання. Часта гэта спалучэнні прыметніка ці дзеепрыметніка з прыслоўем, што стварае дадатковы ацэначны кампанент у кантэксце, узмацняе экспрэсіўнасць выказвання. Аўтарская інтэнцыя скіравана ў першую чаргу на кандэнсацыю ў адным слове складаных значэнняў, якія з'яўляюцца сродкамі эксплікацыі тонкіх адценняў асацыяцый пісьменніка.

Самым пашыраным спосабам утварэння аказіянальных субстантываў у тэкстах М. Зарэцкага з'яўляецца суфіксальны. Часцей такія словы ўтвараюцца па наступных: мадэлях:

1. Аснова прыметніка + суфікс *-асць* = назоўнік з абстрактным значэннем уласцівасці, якая названа ўтваральным словам: *радаснасць, станоўкасць, давольнасць*. Назоўнікі *радаснасць, давольнасць* 'пачуццё асалоды, задаволенасці' ўтвораны ад прыметнікаў *радасны* і *давольны*: *Усё гэта ўзняло ўнутры Лясніцкага ціхую радаснасць* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 151]; *На яго шырокім, мяккабародым твары свеціцца ... давольнасць* [Падарожжа на новую зямлю; т. 4, с. 70]. Субстантыў *станоўкасць* у аўтарскім кантэксце ўжываецца ў значэнні 'ўстойлівасць', матывуецца прыметнікам *станоўкі*, які не зафіксаваны ў слоўніках літаратурнай мовы: *Часам для большай станоўкасці на вадзе з бакоў прыладжваюцца даічанья крылі...* [Рубеж; т. 4, с. 53].

2. Аснова назоўніка + суфікс *-ств-а* = назоўнік з абстрактным значэннем уласцівасці, якая названа ўтваральным словам: *правадырства*. Назоўнік *правадырства*, які матывуецца субстантывам *правадыр*, набывае ў кантэксце значэнне занятку асобы: *... ішоў за Халімам, паклаўшыся на яго правадырства...* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 70].

3. Аснова дзеяслова + суфікс *-нн-е* = назоўнік са значэннем апрадмечанага дзеяння: *слюмачанне*. Аказіянальны назоўнік *слюмачанне* набывае ў кантэксце значэнне 'надакучліва скардзіцца на што-небудзь': *Ты думаеш, у гэтых слёзах, у гэтым слюмачанні пачуццё выяўляецца?* [Голы звер; т. 2, с. 39]. Ён матывуецца дзеясловам *слюмачыць*, які адсутнічае ў слоўніках літаратурнай мовы.

4. Аснова назоўніка + суфікс *-іц-а* = назоўнік са значэннем жаночасці: *дуроніца*. Субстантыў *дуроніца* мае значэнне асобы жаночага полу паводле ўласцівай прыкметы ўтваральнага слова: *Зналі ... дуроніцы, што толькі цяпер і жартавалі* [Голы звер; т. 2, с. 45].

У ідыялекце М. Зарэцкага аказіянальныя назоўнікі ўтвараюцца і наступнымі спосабамі: складанне: *... гладзь гарэла вясёлкавым разнацветам* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 386]; прэфіксальна-нульсуфіксальны: *... праваліцца ў скрозьдонне, ён саркастычна засмяўся* [Размова незвычайнай шчырасці; т. 4, с. 359]; нульсуфіксальны: *... распаўзлася празрыста-кволая жоўць* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 234] і інш. Субстантыўныя наватворы ў ідыялекце М. Зарэцкага служаць пераважна для намінацыі адцягненых паняццяў. Гэта тлумачыцца тым, што ў пачатку ХХ ст. даволі разгалінаванай была побытавая лексіка, у той час як абстрактная лексіка і навуковая тэрміналогія былі слаба распрацаваны.

Аказіянальныя дзеясловы з тэкстаў М. Зарэцкага ўтвораны наступнымі спосабамі: суфіксальны: *мякка ціхамірыла ціхасць роднае хаты...* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 256]; суфіксальна-постфіксальны: *у сустрэчных твары палахліва сур'эзьяцца* [Двое Жвіроўскіх; т. 1, с. 305]; прэфіксальна-постфіксальны: *нашто так раскіс, расслюмачыўся?* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 287] і інш.

Сустракаюцца ў тэкстах М. Зарэцкага і аказіянальныя прыслоўі, напрыклад, *зырліва, напераспехі, дзеля-кадзіся* і інш.: *... вечарамі на зырліва асветленых вуліцах ... ездзяць Яроцкія* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 20]; *ручаі беглі напераспехі* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 73]; *яны ... наспех, дзеля-гадзіся раскарчоўваюць патрэбную плошчу зямлі* [Рубеж; т. 4, с. 69].

Наватворы выкарыстоўваюцца ў тэкстах М. Зарэцкага з рознай інтэнсіўнасцю: у ранніх творах іх налічваецца значна менш, чым у позніх. Істотнае павелічэнне колькасці словаўтваральных неалагізмаў у тэкстах пісьменніка сведчыць аб дынаміцы яго ідыялекту. Разам з тым, павелічэнне выкарыстання наватвораў высвятляе эвалюцыю М. Зарэцкага як моўнай асобы, якая праявіла імкненне да працэсу моўнага ўзбагачэння сваіх твораў.

Такім чынам, асабліваю значнасць у ідыялекце М. Зарэцкага набываюць складаныя аўтарскія прыметнікі, якія сваім арыгінальным зместам і формай перадаюць разнастайныя семантычныя адценні, з'яўляюцца сродкамі эксплікацыі аўтарскай ацэнкі, пэўных характарыстык моўнай асобы пісьменніка, узбагачаюць ідыялект.

Вялікую ролю ў фарміраванні спецыфікі ідыялекту любога пісьменніка адыгрываюць і звычайныя ўзуальныя словы, якія развілі новыя, кантэкстуальна абумоўленыя значэнні. У

тэкстах М. Зарэцкага індывідуалізацыі мовы аўтара садзейнічаюць наступныя спосабы кантэкстуальна-семантычных пераўтварэнняў: аўтарская канатацыя, нетрадыцыйнае словаспалучэнне, пашырэнне семантыкі слоў.

Кантэкстуальныя канатацыі з'яўляюцца найбольш пашыраным спосабам праяўлення моўнай індывідуальнасці ў тэкстах М. Зарэцкага. Пад лінгвістычнай катэгорыяй канатацыі мы разумеем «патэнцыяльную ўласцівасць мовы актуалізаваць у імпліцытнай форме другасныя семантычныя сувязі слова, у выніку чаго выказванне ўзбагачаецца дадатковымі лагічнымі сэнсамі, эмацыянальна-ацэначнымі і экспрэсіўна-вобразнымі значэннямі» [6, с. 7]. Наяўнасць адзінак з канататыўнымі адценнямі ў ідыялекце М. Зарэцкага тлумачыцца тым, што ў імкненні пісьменніка да пэўнага тыпу канатацый (меліяратыўных ці пэярэтыўных) праяўляюцца рысы моўнай асобы аўтара, а схільнасць аўтара да тых ці іншых канатацый складае спецыфіку яго ідыялекту [7, с. 102].

Для ідыялекту М. Зарэцкага характэрны кантэкстуальна-семантычныя пераўтварэнні, у выніку якіх узнікаюць пэярэтыўныя (зніжаныя, негатыўныя) семантычныя адценні, неўласцівыя пэўным словам як адзінкам агульнанароднай мовы. Так, канататыўны кампанент лексемы *герой* у традыцыйным выкарыстанні меліяратыўны: 'чалавек, які ажыццявіў подзвіг' [8, т. 2, с. 47]. М. Зарэцкі ўкладае ў сэнс слова адценне зневажальнасці, якое становіцца больш выразным за кошт выдзялення слова пры дапамозе двукосся: *У 1918 годзе тут лютавалі ў крывавай раскошы ашалелыя банды пана Доўбар-Мусніцкага – «героя», які ... заліў Беларусь крывёй мірнага жыхарства, асвятліў яе крывавым бляскам пажараў, агаласіў смяротным стогнам і плачам* [Цені крывавай мінуўшчыны, т. 4, с. 316].

Арыгінальна выкарыстоўвае аўтар нейтральныя словы для якаснай характарыстыкі персанажаў. Заўважаецца, што аўтарскія канатацыі ў такім выпадку абумоўлены шырокім кантэкстам. Так, лексічная адзінка *палітык*, якая ўзуальна не мае адмоўнай семантыкі, у раманах М. Зарэцкага «Вязьмо» развівае негатыўную канатацыю пры характарыстыцы злоснага кулака Гвардыяна: *Гвардыян – палітык. Ён нідзе не паказваецца, ні з кім не размаўляе, а тым часам усе канцы ў яго сыходзяцца* [Вязьмо, т. 3, с. 61].

У адпаведнасці з устаноўкай аўтара народна-паэтычная лексема *любачка*, якая мае меліяратыўнае значэнне 'мілы, дарагі' [8, т. 3, с. 66], у кантэксце развівае іранічны сэнс, выражае ацэнку неадабрэння: *Ты, любачка, ведаеш, хто гэта праводзіць калектывізацыю? Ты ведаеш, супроць каго ты ідзеш? ... Ты супроць Савецкай улады?* [Вязьмо, т. 3, с. 95]. У мікракантэксце пэярэтыўную семантыку мае і слова *трубадур*: *Кулакі не прамінулі і гэта скарыстаць, распалілі ў ім крыўду, настроілі супроць калгаснага кіраўніцтва і зрабілі яго сваім трубадурам* [Лісты ад знаёмага, т. 4, с. 109]. Пераноснае значэнне гэтай лексемы ва ўзуальным выкарыстанні не дазваляе адзначыць зніжанай экспрэсіі: 'той, хто ўслаўляе што-небудзь' [8, т. 5, кн. 1, с. 523].

Канататыўнае адценне ідыялектэмы *мухамор* абумоўлена мікракантэкстам: *У чытальні таксама нікога, адна бібліятэкарша. Пульхная, свежа-гнілая, мухамор... Не любіць Даніла* [Бель; т. 1, с. 184]. Экспрэсіўны зарад зніжанасці слова *мухамор*, якога яно па традыцыі не мае, у кантэксце падтрымліваецца семантыкай аўтарскага кампазіта *свежа-гнілы*. За кошт кантэкстуальна-семантычнага пераўтварэння ўзуальнай лексічнай адзінкі *мухамор* пісьменнік стварае запамінальны вобраз няветлівай і грубай бібліятэкаркі.

Спецыфіку ідыялекту пісьменніка фарміруюць лексічныя адзінкі, канататыўныя кампаненты якіх выяўляюць іронію: *Доба ўвёў Галенку ў свае апартаменты троху замяшаны* [Пачатак шчасця, т. 1, с. 473]; *Вера церпіць гэта без асаблівай прыкрасці: ёй, на праўдзе сказаць, Плаксава асцярожная сімпатыя куды мілей за абажанне большасці сівецкіх рыцараў* [Вязьмо, т. 3, с. 43]. Так, называючы звычайную сялянскую хату бедняка *Добы апартаментамі*, вясковых кавалераў *рыцарамі*, пісьменнік, валодаючы пачуццём гумару, стварае жартоўныя сітуацыі ў творах філасофска-этычнай ідэйнай накіраванасці.

Такім чынам, кантэкстуальна-семантычнае пераўтварэнне ўзуальных лексічных адзінак з'яўляецца важным сродкам праяўлення моўнай індывідуальнасці ў тэкстах М. Зарэцкага. Акрамя гэтага, адным з важных паказчыкаў, які стварае непаўторнасць яго ідыялекту, з'яўляецца нетрадыцыйная словаспалучальнасць. Пад нетрадыцыйнай словаспалучальнасцю мы разумеем свядомае, абумоўленае аўтарскай інтэнцыяй «адступленне ад моўных норм, у выніку чаго ўзнікае экспрэсіўны эфект» [9, с. 43].

Лексіка-семантычная спецыфіка тэкстаў М. Зарэцкага вызначаецца пашыраным выкарыстаннем нетрадыцыйных словазлучэнняў: *Праўда, высокакультурнаму садзісту Гольцу не ўдалося кончыць свае забавы, бо сяляне парой наведамілі ў Бабруйск, і вышэйшаму начальству хоця-нехаця прыйшлося спыніць спрытнага афіцэра* [Цені крывавай мінуўшчыны, т. 4, с. 320–321]; *Бачыце, рэцэнзенту хацелася, каб у п'есе быў поўны асартымент контррэвалюцыянераў, ды яшчэ не якіх-небудзь «нікчэмных мяшчан», а чыстакроўных, стопрацэнтных контррэвалюцыянераў* [Два экзамены, т. 4, с. 329]; *Лясніцкі бачыў, як нейкі хлапчына забавіўся саступіць з дарогі – афіцэр грацыёзна нагнуўся, сцёбнуў яго бізуном і з лёгкай усмешкай паехаў далей* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 277]; *Я не пагляджу, што ў цябе морда прыгожая* [Віхор на балоце; т. 4, с. 206]; *Гэй, вы, багатыры! Чаго вам тут трэба? У вас свайго няма куды дзец! Ненажэрныя!* [Вясна 1930 года; т. 4, с. 140]; *Затое цяпер з'явіўся ў яго новы гатунак амбіцыі...* [Сцежкі-дарожкі; т. 2, с. 184] і інш.

Часцей за ўсё нетрадыцыйныя словазлучэнні ў тэкстах М. Зарэцкага развіваюць іранічныя канатацыі. Так, лексема *грацыёзны* мае значэнне 'поўны грацыі, прыгожы ў позах, зграбны' [8, т. 2, с. 80], выклікае заканамерную асацыяцыю з асобай жаночага полу ці прыгожай жывёлай (казуля, лань ці інш.). Выкарыстоўваючы слова *грацыёзны* пры характарыстыцы *афіцэра*, аўтар стварае іранічную канатацыю, прычым такое спецыфічнае аб'яднанне лексем дазваляе пісьменніку перадаваць імпліцытную ацэнку. Спалучэнне *ненажэрныя багатыры* таксама пашырае ўяўленне аб семантычных сувязях слоў. Нейтральная лексема *багатыр* ('той, хто валодае вялікай маёмасцю; казачны асілак' [8, т. 1, с. 322]) ва ўзуальным выкарыстанні не мае негатыўных канатацый, але ў аўтарскім кантэксце стылістычная афарбоўка слова ўспрымаецца як зніжаная. За кошт збліжэння слова *багатыр* з размоўным прыметнікам *ненажэрны*, які мае адмоўную семантыку, у аўтарскім кантэксце развіваюцца пярэратыўныя канатацыі. Аб'ядноўваючы ў адным радзе азначэнне *прыгожы* з назоўнікам *морда*, які ў ТСБМ кваліфікуецца як грубае слова [8, т. 3, с. 174], М. Зарэцкі стварае іронію, негатыўны зарад экспрэсіі, нараджае кантраснасць. Семантыка лексемы *асартымент* ('падбор разнастайных відаў і гатункаў тавараў у гандлёвым прадпрыемстве або вырабаў у вытворчым' [8, т. 1, с. 275]) супярэчыць аб'яднанню слова з назвамі жывых істот, таму спалучэнне *асартымент контррэвалюцыянераў* таксама дапамагае пісьменніку развіваць дадатковую канатацыю неадабрэння. Сэнсава кантрастуюць лексічныя адзінкі і ў выразе *высокакультурны садзіст*, што ўзмацняе ацэначны кампанент значэння.

Пашырэнне семантыкі ўзуальных лексічных адзінак не атрымала значнага распаўсюджвання ў тэкстах М. Зарэцкага. Тым не менш сама наяўнасць у ідыялекце такіх адзінак, якія ў лінгвістыцы атрымалі назву семантычных неалагізмаў, сведчыць аб творчым характары моўнай асобы, якая здольна ствараць новыя значэнні ў агульнавядомых слоў. Назіранні паказалі, што ў тэкстах пісьменніка такія кантэкстуальна-семантычныя пераўтварэнні найчасцей адбываюцца з назоўнікамі і дзеясловамі.

Напрыклад, лексема *фасон* у ТСБМ падаецца ў значэнні 'пэўны спосаб; паказная франтаватасць, шык' [8, т. 5, кн. 2, с. 118]. У кантэксце М. Зарэцкага слова выкарыстоўваецца са значэннем 'выраз твару, міміка': *Затое цяпер з'явіўся ў яго новы гатунак амбіцыі: ён напусціў яе на твары з нейкім асаблівым фасонам – задраўшы нос, на ўсіх паглядаючы з лёгкай паблажкай* [Сцежкі-дарожкі, т. 2, с. 184]. У такім словаўжыванні лексема *фасон* узбагачаецца пярэратыўнай афарбоўкай, дазваляе пісьменніку дасягнуць большай мастацкай выразнасці.

Назоўнік *вязьмо* ('перавясла; складанае спляценне чаго-небудзь, вузел' [8, т. 1, с. 599]) таксама мае ў аўтарскім кантэксце спецыфічную канцэптуалізацыю: *З кожным днём угрузаў ён (Сымон Карызна) у невылазную немарач блытаных, у значнай меры самім жа ім створаных супярэчнасцей, нібы аперазаў яго нехта шчытным непарыўным вязьмом і з бязлітаснай павольнасцю зацягвае яго ...* [Вязьмо; т. 3, с. 138–139]. Нягледзячы на тое, што ў прыведзеным кантэксце гэтая лексема ўжываецца ў пераносным значэнні 'вузел' і такое значэнне зафіксавана ў ТСБМ, мы лічым яе адзінкай аўтарскага ідыялекту, паколькі пасля ўважлівага прачытання рамана «Вязьмо» гэтае слова на ўзроўні макракантэксту ўспрымаецца з новай семантыкай. Па-першае, яно асэнсоўваецца як 'крыніца душэўных перажыванняў', якія суправаджаюць галоўнага героя на працягу ўсяго рамана. Па-другое, праз увесь твор праходзіць сімвалічны змест лексемы, звязаны з аўтарскай ацэнкай рэчаіснасці, рэаліі якой пісьменнік успрымаў як нешта пераблытанае, трывожнае і супярэчлівае. Пры дапамозе слова *вязьмо* М. Зарэцкі выражае адмоўную ацэнку падзей свайёй эпохі. Агульнавядома, што ў часы калектывізацыі, пра якую ідзе

гаворка ў рамане, гуманныя ўзаемаадносіны ў соцыуме былі парушаны, дабро і зло, шчасце і пакуты людзей цесна перапляліся паміж сабой. Аўтарская рэалізацыя слова *вязамо* ў макракантэксте рамана дазволіла пісьменніку адлюстраваць гэтыя супярэчнасці.

На такі сэнс назвы рамана звярнуў увагу літаратуразнаўца М. Мішчанчук, які адзначыў, што «ўсё было павязана той суровай зімой: радасць і гора, чалавечнасць і дэспатызм, праўда і мана, узлёты і падзенні, вера і зняверанасць» [10, с. 70]. Таму, на нашу думку, лексема *вязамо* развівае аўтарскае значэнне ‘падзеі на сяле зімой 1930 года’, якое вызначаецца на ўзроўні макракантэксту. Пра тое, што слова *вязамо* можна лічыць семантычным неалагізмам, сведчыць таксама выкарыстанне дадзенай адзінкі ў ролі загалоўка твора, паколькі лексемы ў такой функцыі ўзбагачаюцца разнастайнымі канатацыямі, а ў макракантэксте ствараецца новая мастацка-эстэтычная значнасць гэтых слоў, змяняецца іх аксіялагічны змест.

Дзеяслоў *плюхаць* паводле ТСБМ мае значэнне ‘ўпасці з шумам у ваду або іншую вадкасць; шлёпнуцца; рэзкім рухам выліць ваду, вадкасць’ [8, т. 4, с. 279], аднак у аўтарскім кантэксте выкарыстоўваецца для перадачы хадзьбы па вадкай паверхні: *Адны перабягалі мокрымі скужарэчанымі скакунцамі, іншыя – пад парасонамі – плюхалі з важнай павольнасцю, як старыя баравікі* [Ой, ляцелі гусі, т. 1, с. 417]. У другім выпадку гэты дзеяслоў развівае значэнне ‘сказаць нешта не падумаўшы’: *Ён заўсёды як плюхне што-небудзь, дык проста смех* [Белыя ружы, т. 4, с. 220]. Прыкладам семантычнага неалагізма з’яўляецца слова *поўзаць*, якое ў ТСБМ абазначае ‘перамяшчацца, рухаючыся ўсім целам; павольна рухацца; уніжацца, нізкапаклоннічаць перад кім-небудзь’ [8, т. 4, с. 295]. У аўтарскім кантэксте дзеяслоў выкарыстоўваецца ў значэнні ‘разглядаць што-небудзь’: *Бацька жывым віхлястым поглядам поўзаў на цёмным кутку* [Двое Жвіроўскіх, т. 1, с. 317]. Лексема *астояцца* таксама вызначаецца ў тэкстах пісьменніка аўтарскім пераасэнсаваннем: *А непарадак астоіўся ў новы парадак – у дзіўны, чужы* [Двое Жвіроўскіх, т. 1, с. 306]. Дзеяслоў *астояцца* ў літаратурнай мове выкарыстоўваецца ў значэнні ‘стаць спакойным, перастаць калыхацца (пра ваду); утрымацца на нагах’ [8, т. 1, с. 288]. У ідыялекце М. Зарэцкага гэтая лексема мае іншы сэнс: ‘пераўтварыцца, змяніцца’.

Такім чынам, найбольш выразна моўную індывідуальнасць у аўтарскіх тэкстах рэпрэзентуюць наватворы. Разам з тым, агульнавядомыя лексічныя адзінкі ў мастацкіх тэкстах часам пераасэнсоўваюцца пісьменнікам, нетрадыцыйна спалучаюцца з іншымі словамі, развіваюць новыя значэнні, якія ўзнікаюць ва ўмовах кантэксту і з’яўляюцца сродкамі эксплікацыі вобразнага бачання моўнай асобы.

Літаратура

1. Валгина, И. С. Теория текста : учеб. пособ. / И. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
2. Матезиус, В. Язык и стиль / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / редкол.: Н. А. Кондрашов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Прогресс, 1967. – С. 444–523.
3. Петрова, Н. Е. О соотношении понятий ‘идиолект’ и ‘идиостиль’ / Н. Е. Петрова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2023. – № 4 (139). – С. 94–98.
4. Друцкі-Падбярэскі, Б. Падручны беларуска-польскі слоўнік / Б. Друцкі-Падбярэскі. – Вільня : Віленскае выдавецтва, 1929. – 294 с.
5. Зарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1989–1992.
6. Богорад, Т. А. Семантико-стилистические средства коннотации в послевоенной прозе В. Кеплена : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Богорад. – Минск, 1988. – 14 с.
7. Пятрова, Н. Я. Кантэкстуальная канатацыя як спосаб праяўлення моўнай асобы пісьменніка (на матэрыяле тэкстаў Міхася Зарэцкага) / Н. Я. Пятрова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : сб. научн. ст. / ГГУ им. Ф. Скорины ; редкол.: Е. В. Сажина (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2023. – Вып. 12. – С. 101–107.
8. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск : Бел. Сав. Энцыклапедыя, 1977–1984.
9. Степанова, С. Ю. Авторское использование экспрессивных средств языка и нестандартной сочетаемости : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Ю. Степанова. – М., 2009. – 145 с.
10. Мішчанчук, М. І. Беларуская літаратура ХХ ст. / М. І. Мішчанчук, І. С. Шапоўскі. – Мінск : Выш. шк., 2001. – 352 с.

Клитика **са** в предисловии и послесловии к несвижскому «Катехизису» 1562 г.

Г.В. СЕРИКОВ

Статья посвящена особенностям функционирования в печатном старобелорусском тексте XVI в. возвратной клитики **са**, обнаруживающей признаки энклитической формы возвратного местоимения *себя*, т. е. агглюцированного аффикса с возвратным значением со своей фонетической парадигмой. Автор обращает внимание на очевидное отображение графического приращения **са** к предыдущему слову, что свидетельствует о безоговорочном восприятии **са** в устной речи как энклитики даже без учёта частеречной принадлежности знаменательного слова. Анализируя характер печатного рисунка фразы, автор отмечает речевые привычки древних книжников, запечатлевших недвусмысленное видение второстепенной роли в устной и письменной речи клитики **са**. Выявляются эпизоды стилизации, когда клитика наделяется полноценным значением возвратного местоимения в случаях употребления перед ней предлогов и наличия развитых моделей дистактной препозиции.

Ключевые слова: контактная постпозиция, дистактная препозиция, агглютинация, рудитативный, клитика, дистактная постпозиция, бивалентность, энклитика, возвратное местоимение.

The article is devoted to the peculiarities of functioning of the reflexive clitic **са** in the printed Old Belorussian text of the 16th century, which reveals signs of the enclitic form of the reflexive pronoun *itself*, that is, an agglucinated affix with a return value with its phonetic paradigm. The author draws attention to the obvious display of the graphical increment of **са** to the previous word, which indicates the unconditional perception of **са** in oral speech as enclitics, even without taking into account the part-of-speech belonging of the significant word. Analyzing the nature of the printed pattern of the phrase, the author notes the speech habits of ancient scribes who captured an unambiguous vision of a secondary role of the clitic **са** in the oral and written speech. The episodes of stylization are revealed when the clitic is endowed with a full-fledged value of the reflexive pronoun in cases of using prepositions before it and the presence of developed models of distact preposition.

Keywords: contact postposition, distact preposition, agglutination, ruditative, clitic, distact postposition, bivalence, enclitic, reflexive pronoun.

Анализируя характер употребления клитики **са** в религиозных произведениях старобелорусской письменности XVI–XVII вв., целесообразно обратиться к одному из доступных такого рода изданий – известному сборнику предисловий и послесловий В.Г. Короткого [1], представившего вниманию читателя Предисловия и Послесловия всего лишь к 17-ти различным книгам религиозного содержания того времени, в которых нами обнаружено 463 возвратные модели различной структуры. Несомненно, что количество книг тех лет с предисловиями было гораздо большим: так, например, Л.А. Итигина, исследуя белорусские старопечатные предисловия периода 1523–1654 гг., свидетельствует, что «почти половине из изданных в это время 113 книг предисланы посвящения и предисловия» [2, с. 27]. Для удобства пользования данным источником автор-составитель снабдил его приложением с аутентичными фотокопиями этих старинных документов [1, с. 113–308], что позволяет сделать соответствующие выводы относительно восприятия и осмысления древними авторами лексико-грамматической роли клитики в текстах того периода, хотя и не всегда это сполна удаётся по причине нечёткого разграничения (или слитного написания) печатных слов в тексте. Отметим, что типографское дело времён просвещённого Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой было очень популярным, и география произведений, увидевших свет в то время, была довольно обширна (для наглядности представлена на рисунке 1).

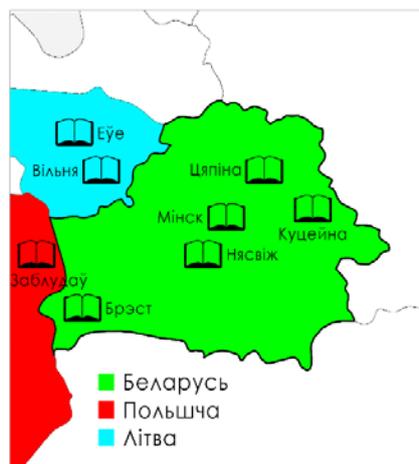
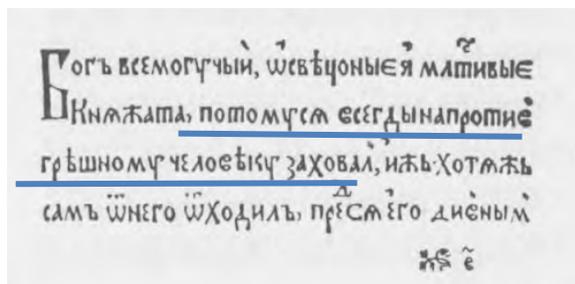

Рисунок 1 – География происхождения анализируемых печатных источников

Названный сборник открывается предисловием и послесловием к «Катехизису» Матвея Кавечинского, Симеона Будного и Лаврентия Крышковского, которые (предисловие и послесловие) относятся ко второй половине XVI в. (Несвиж, 1562 г.) [1, с. 24–29]. В данном тексте выявлено 45 возвратных моделей с различными комбинациями клитики, её слитного и отдельного написания с глаголами. Для понимания графической интерпретации текста современником (В.Г. Коротким) ниже приводим в сравнение фотокопии оригинала, которым пользовался составитель, решая для себя проблему сегментации различных служебных слов и морфем. В ключе обозначенной темы обратим внимание на написание клитики **СА** в подчёркнутом нами фрагменте фотокопии (рисунок 2) и его графическую интерпретацию автором-составителем:

[1, с. 115]

Рисунок 2 – Фотокопия оригинального фрагмента

Интерпретация составителя В.Г. Короткого:

потому са всегда напроти грѣшному / человеку заховал [1, с. 24]

Очевидно, что в данном случае, как и во многих других аналогичных, нельзя с уверенностью сказать, как именно соотносилась старобелорусскими печатниками клитика **СА** с соседними словами. Слитность или отдельность написания современным читателем воспринимается сугубо субъективно, и зачастую на это восприятие оказывает влияние трактовка текста переводчиком, который отнюдь не предполагал учитывать тот ракурс наблюдения над природой клитики, который доминирует в нашем исследовании. Однако большое количество такого рода написаний (см. также аналогичные рисунки ниже), когда очевидно отображается графическое приращение **СА** к предыдущему слову, свидетельствует о том, что в устной речи **СА** воспринималось как энклитика, причём без учёта частеречной принадлежности предыдущего слова. В современной устной речи поляков наблюдается аналогичное беспазуное притяжение **się** к предыдущему слову, а фактически агглютинация:

Jak się masz? 'как дела?'

Bardzo mi się to podoba 'мне это очень нравится'.

Nigdy się tego nie uczyłem 'я никогда это не учил'.

Итак, из 45-ти случаев возвратных моделей, выявленных в данном тексте, преобладающее большинство из них (21 эпизод) характеризуется слитным написанием клитики с соответствующим глаголом, т. е. энклитическая форма местоимения *себя* воспринималась к этому времени как агглюцинированный аффикс с возвратным значением. Как утверждает историк языка В.В. Колесов, «прямой объект мог быть выражен с помощью возвратного местоимения *себе*, которое в древнерусском, как и в древнеславянском, выражало идею 3-го л. в ряду личных местоимений. Употребление возвратных глаголов было равнозначно перенесению действия с себя на «третьего лишнего», т. е. обезличивало субъекта действия. Возвратное местоимение в таких случаях употреблялось в энклитической форме, имевшей свою парадигму *се, си, ся*» [3, с. 349].

Обратимся к примерам слитного написания клитики с глаголами и глагольными формами (причастиями и деепричастиями) в вышеупомянутом памятнике письменности:

- *але ужалившиися над их упадком* [1, с. 24] – ‘но смилостивившись над их бедой’;
- *А тое насенье... называется Христос* [1, с. 25] – ‘а то семя... называется Христос’;
- *але умилившихся сердцем и любезно приемиших слово* [1, с. 26] – ‘но умилившихся сердцем и любезно принявших слово’;
- *из Муриньское земли в Еросолим поклонитися приехавъшаго* [1, с. 26] – ‘из муринской земли в Иерусалим приехавшего поклониться’;
- *але ажъ первеи к апостолом каючися повелѣл* [1, с. 26–27] – ‘но вот сначала к апостолам, каясь, обратился’;
- *что ми подобаетъ творити, да спасуся?* [1, с. 27] – ‘что мне следует делать, чтобы спастись?’;
- *искушеніе было настало на хотящихъ креститися* [1, с. 27] – ‘искушение было нашло на желающих креститься’;
- *коли уже мѣлася въчера Господня зачинати* [1, с. 27] – ‘когда уже должна была начинаться вечеря Господня’;
- *невъный час поститися* [1, с. 27] – ‘определённое время поститься’;
- *в святомъ житью росли и укреплялися* [1, с. 27] – ‘в святой жизни росли и укреплялись’;
- *надѣваючися для таковыхъ справ спасенія* [1, с. 27] – ‘надеясь на спасение благодаря таким делам’;
- *Не тайно тѣже, яко на нихъ стоять и справуются* [1, с. 28] – ‘не секрет также, как на них стоят и работают’;
- *Аще же соль обуюет, чимъ осолится?* [1, с. 28] – ‘если же соль испортится, чем исправить её?’;
- *што ею посолится, абы не провоняло* [1, с. 28] – ‘что ею посолиться, чтоб не провоняло’;
- *оба в яму въпадетася* [1, с. 28] – ‘оба в яму впадут’;
- *Смилиуйся уже каждый над собою Бога для* [1, с. 28] – ‘смилиуйся уже каждый над собой, ради Бога’;
- *Въстани от сна, уже пора обачитися* [1, с. 28] – ‘восстань от сна, уже пора очнуться’;
- *Докуле бо человекъ держитися слова Божія* [1, с. 28] – ‘ибо пока человек держится слова Божия’;
- *Мусить кождый заблукатися* [1, с. 28] – ‘должен каждый заблудиться’;
- *Богъ милостивый, ужалившиися нас, открыл намъ грѣшнымъ слово свое* [1, с. 28–29] – ‘Бог милостивый, сжалившись над нами, открыл нам грешным слово своё’;
- *Про то годится и намъ всѣмъ мѣтися к тому самымъ* [1, с. 29] – ‘для этого годится и нам всем самим стремиться к тому’.

На втором месте по частотности употребления (5 эпизодов) занимает модель контактной препозиции «**сѧ** + **V**», которая до сих пор характерна современному польскому языку. Характерно, что на несамостоятельность данной энклитической местоименной формы в данной модели и её восприятие автором как морфемы указывает слитное написание с предлежащими словами (как об этом указывалось выше), хотя относится это **сѧ** к непосредственно последующему глаголу. Безусловная второстепенная, вспомогательная роль клитики подчёркивается тем, что она отражена в *печатном* тексте, предусматривавшем предварительную тщательную установку литер в наборные типографские рамки, или кассы (см. рисунок 3):

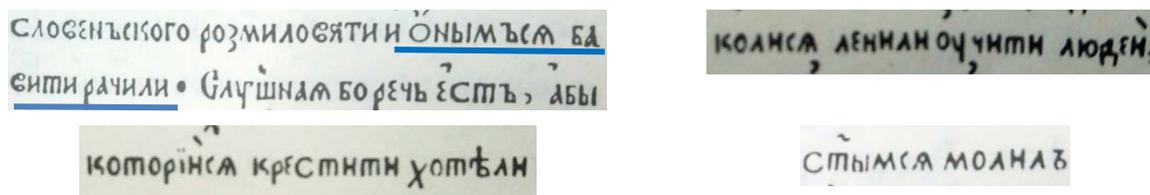

Рисунок 3 – Эпизоды нерегулярной агглютинации клитики

Таким образом, в оригинальном тексте отчётливо видны пробелы между агглютинированной энклитикой и последующим глаголом, к которому она относится. Такого рода эпизоды однозначно свидетельствуют о влиянии прочно устоявшихся индивидуальных речевых привычек древних авторов на действительное видение второстепенной роли в устной и письменной речи клитики **са**. Поэтому логично описать данные эпизоды моделью **ся + V**, которые переводятся следующим образом:

- *и онымъса бавити рачили* [1, с. 25] – ‘и им *наслаждаться* советовали’;
- *которіиса крестити хотѣли* [1, с. 27] – ‘которые хотели *креститься*’;
- *колиса ленили учити людей* [1, с. 27] – ‘когда *ленились* учить людей’;
- *стымъса молил* [1, с. 27] – ‘святым *молился*’;
- *на тое ся спущали, естли кто мѣл, што бы попом по души дал* [1, с. 27] – ‘на то *тратились*, что, если кто что имел, попам по душе дал’.

В следующем же эпизоде, как видно, составитель текстов В.Г. Короткий также передаёт раздельное написание **са** в силу объективных технических причин, возникших у наборщика текста в связи с переносом клитики на новую строку (см. рисунок 4):

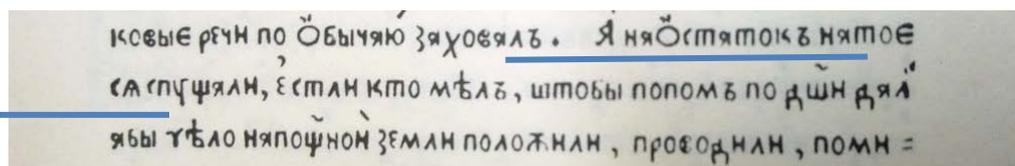

Рисунок 4 – Спорный эпизод сегментации

В данном случае невозможно судить, как поступил бы наборщик текста, будь у него возможность вставить **са** в расположенную выше строку. Тем не менее, этот и подобные случаи мы относим к модели контактной препозиции.

Обращают на себя также внимание довольно рудитативные (от *лат. ruditatis* ‘развитость’) модели препозиционной дистактной структуры с некоторым количеством делимитеров (разделителей) между клитикой и глаголом. С частотностью в два эпизода встречается в данном произведении модель **ся + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + n⁶ + n⁷ + n⁸ + V**:

- *абыся ваши княжацские милости не только в чужоземских языцѣх кохали* [1, с. 25] – ‘чтобы ваши княжеские милости не только в иностранных языках *любились*’;
- *естлися сія речь святого апостола, мовлю, вышших часов не збыла?* [1, с. 28] – ‘если эта речь святого апостола, говорю, высших времён не *сбылась*?’.

Также дважды отражены модели с 6-ю и 3-мя делимитерами:

$$\text{ся} + \text{n}^1 + \text{n}^2 + \text{n}^3 + \text{n}^4 + \text{n}^5 + \text{n}^6 + \text{V}:$$

- *тако ся напервей ко оным першим родителем нашим показал* [1, с. 24] – ‘так прежде всего к этим прародителям нашим *показался*’;
- *ижь бы ся много иних прикладами ваших княжацских милости будовати могли* [1, с. 26] – ‘так, чтобы многие другие примерами ваших княжеских милостей *укрепляться* могли’;

$$\text{ся} + \text{n}^1 + \text{n}^2 + \text{n}^3 + \text{V}:$$

- *оною ся ажь до смерти тѣшили* [1, с. 24] – ‘ею аж до смерти *радовались*’;
- *может ся ширей у другое управити* [1, с. 29] – ‘может шире в другой *сделаться*’.

Единичными, но довольно развитыми возвратными конструкциями представлены следующие модели:

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{n}^5 + \mathbf{n}^6 + \mathbf{n}^7 + \mathbf{V}:$$

– А так явне **сѧ** и з Старого и з Нового закону *оказует* [1, с. 25] – ‘а так явно и из Старого, и из Нового завета *следует*’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{n}^5 + \mathbf{n}^6 + \mathbf{n}^7 + \mathbf{n}^8 + \mathbf{n}^9 + \mathbf{n}^{10} + \mathbf{V}:$$

– *але бы сѧ тежь ваши княжацкие милости и того здавна славного языка словенъского розмиловати... рачили* [1, с. 25] – ‘но чтобы тоже ваши княжеские милости и этот издавна славный славянский язык *любить* хотели’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 \dots + \mathbf{n}^{38} + \mathbf{V}:$$

– *што сѧ на тот час хотя не с таковое годъности, яковое бы святые таблицы Божие достоины были, але з якого ж колвек даного таланту, вѣрне, от вѣрного Христоваго збору братьи а слуг ваших княжацких милости, на том новом початку накоротѣе выдать могло* [1, с. 26] – ‘что к этому времени, хотя не с таким почѣтом, какого таблицы божие достоины были, но с каким-либо талантом, вернее, от верного христова збора братьев и слуг ваших княжеских милостей на том новом начале вскоре *случиться* могло’.

Эпизоды данного раритетного типа с большим количеством делимитеров свидетельствуют не столько об объёме оперативной памяти лица, порождающего речь, сколько о стратегии построения фразы, предусматривающей обязательное наличие возвратной клитики, о своеобразной стилизации при возможности безошибочного перепрочтения (реридинга) технически правильно составленного *печатного* текста читателем той эпохи, способным оценить и витиеватость синтаксиса, и дань древней традиции выражения мысли, при котором клитика всё ещё играет полузнаменательную роль в структуре предложения.

Также единожды представлены дистактные модели с меньшим количеством делимитеров:

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{V}:$$

– *чого бы сѧ и сами учили* [1, с. 29] – ‘чему бы и сами *учились*’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{V}:$$

– *потому сѧ всегда напротив грѣшному человеку заховал* [1, с. 24] – ‘потому всегда по отношению к грешному человеку *сохранился*’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{n}^5 + \mathbf{V}:$$

– *святый обычай, которого сѧ перьвая церѣков по повеленію Христову держала* [1, с. 27] – ‘своятой обычай, которого первая церковь по повелению Христа *придерживалась*’.

Несмотря на утрату к этому времени самостоятельного значения энклитической формы **сѧ** местоимения *себе* (*себя*), следуя, видимо, древней книжной традиции и поэтому стилизуя веский слог «Катехизиса», автор дважды наделяет клитику полноценным значением **возвратного местоимения**:

– *пред сѧ его дивным обычаем от блуда и грехов выривал* [1, с. 24] – ‘перед *собой* его дивным обычаем от блуда и грехов спасал’;

– *Упадет всяк, кто сѧ слепому водити допускаеть* [1, с. 28] – ‘упадёт всякий, кто *себя* слепому водить позволяет’.

На знаменательность клитики (или на самую сильную её позицию в исследуемых моделях) в подобных случаях указывают, прежде всего, выступающие перед ней предлоги, как это отмечалось нами при исследовании Лаврентьевской летописи [4, с. 98]. Морфологии современного польского возвратного глагола свойственны случаи бивалентности (и поливалентности) клитики (возвратной морфемы) *się*, которая одинаково соотносится с двумя и более глаголами. Данный приём, выработавшийся в процессе многовековой речевой практики, позволяет избегать фонетической тавтологии, привносит в устное или письменное высказывание лаконичность. Это явление рассмотрено нами ранее на примерах текстов современных польских авторов [5, с. 134–135], [6 с. 148].

Бивалентность клитики:

– *тежь сѧ зачать и в том одном правдивом верном спольку множить и рость* [1, с. 26] – ‘тоже *зачаться* и в том одном настоящем верном кругу *множиться* и расти’.

Что до дистактной *постпозиционной* структуры возвратных моделей старобелорусского периода, испытавшего, безусловно, значительное польскоязычное влияние, то такие эпизоды

также встречаются в «Катехизисе», причём в качестве делимитеров здесь выступает либо односложный противительный союз, либо энклитическая форма личного местоимения. Моделью $V + n^1 + ся$ описываются нижеприведённые эпизоды:

– *Катихісіс слово ест греческого языка, **скажет** же **ся** на словенскую рѣчь Оглашеніе* [1, с. 26] – ‘катехизис есть слово греческого происхождения, **переводится** же на славянскую речь ‘оглашение’;

– *Розъсмотри, **молю** ти **ся** боголюбче* [1, с. 28] – ‘рассмотри, **молюсь** тебе, боголюбче’;

В анализируемом произведении выявлена также и одна глагольная форма, представленная в дистактной препозиционной и весьма рудитативной моделью:

– «**ся** + $n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + n^5 + n^6 + n^7 + n^8 + n^9 + RG$ » (RG – от лат. reflexivum gerundium ‘возвратное деепричастие’): *которыи **ся** за преданіа, або лепей за сны и старческие басни **взявши**, слово божіе были опустили* [1, с. 28] – ‘которые за предания, или даже за сны и старческие басни взявшись, слово Божие было оставили’.

Таким образом, как свидетельствует проанализированный материал данного источника, в исследуемый период истории (XVI–XVII вв.) старобелорусская письменность во многом отражает функционирование возвратных глагольных моделей, сходных как с современными белорусскими и русскими соответствиями (примеры слитного написания клитики с глаголами и глагольными формами), так и с современными польскими (многочисленные эпизоды дистактного препозиционного употребления). Безусловно, что на стиль выходявших из несвижской типографии книг того времени оказывали значительное влияние представители редакционного коллектива, воспитанные и получившие образование в тех заведениях, где отнюдь не чуждым был польский язык, сохранивший до наших дней древнюю структуру возвратного славянского глагола. Однако справедливым будет и то допущение, что грамотному читателю того времени были также приемлемы и естественны все грамматические формы (знаменательность клитики, супплетивизм белорусской и польской языковых стихий), отраженные в текстах того периода.

Литература

1. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Акадэмія навук БССР, Інстытут літаратуры імя Я. Купалы ; рэд. А. І. Мальдзіс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 309 с.
2. Итигина, Л. А. Белорусские старопечатные предисловия XVI – первой половины XVII в. (просветительские тенденции) / Л. А. Итигина // Тематика и стилистика предисловий и послесловий ; изд. подготовили : А. С. Демин [и др.]. – М. : Наука, 1981. – С. 27–44. – (Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)).
3. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка : УМК по курсу «Историческая грамматика русского языка» : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В. В. Колесов. – СПб. : СПбГУ, 2010. – 512 с. – (Русский мир : учебники для высшей школы).
4. Сериков, Г. В. Энклитика **ся** в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи / Г. В. Сериков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2023. – № 1 (136). – С. 91–99.
5. Сериков, Г. В. Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского / Г. В. Сериков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2022. – № 4 (133). – С. 131–137.
6. Сериков, Г. В. Возвратные модели в польском переводе Б. Шварцман-Чарноты / Г. В. Сериков // Веснік Мазырскага дзярж. пед. ўн-та ім. І.П. Шамякіна. – 2022. – № 2 (60). – С. 143–149.

Раскрытие содержательно-концептуальной информации в поликодовом тексте посредством англоязычных антропонимов

А.В. СОБКО

Ввиду того, что отечественными и зарубежными лингвистами уделяется немного внимания изучению современного русскоязычного кинематографа, появилась необходимость вычленить корпус англоязычных антропонимов, наиболее часто встречающихся в русскоязычных кинолентах разных жанров. Изучив механизмы авторского имятворения, а также использования того или иного англоязычного антропонима в фильмах советского и постсоветского кинематографа, можно установить динамику процессов восприятия англоязычного имени русскоговорящими реципиентами. Исследование текстов сценариев является актуальным в рамках лингвистических исследований, связанных с литературной ономастикой. Англоязычный антропонимический материал поликодовых текстов представляет собой ценный, малоизученный пласт для исследований в области многих языковедческих дисциплин.

Ключевые слова: поликодовый, антропоним, ономастика, билингвальный, имятворение, транслитерация, калькирование, транскрипция.

Due to the fact that our native and foreign linguists don't pay much attention to studying modern Russian-language cinema there appeared the necessity to extract the corpus of the English anthroponyms which are most commonly used in modern Russian-language films of different genres. Having studied the mechanisms of an author's namecreating as well as the use of this or that English-language anthroponym in Soviet or Postsoviet films we can establish the dynamics of the process of the perception of an English-language name by Russian speaking recipients. The study of the scenario texts is actual within the linguistic research which deals with literary onomastics. English-language anthroponymic material of polycode texts is a valuable little-studied stratum for the research in the field of many linguistic disciplines.

Keywords: polycode, anthroponym, onomastics, bilingual, namecreating, transliteration, tracing, transcription.

Несмотря на то, что поликодовый текст включает в себя помимо знаков естественного языка визуальный и мелодический компоненты, к нему возможно применять общелингвистический анализ, т. к. процесс проникновения в идейно-тематическую интенцию автора такого рода произведений возможен посредством привлечения текстового материала сценариев. Ввиду того, что в текстах произведений художественного и кинематографического дискурсов процесс интродукции и создания первичного образа героя происходит посредством одних и тех же механизмов, представляется возможным анализ словесно-речевых средств, используемых авторами сценариев для создания первичного образа, на базе которого у зрителя формируются представления о персонаже. Многие фильмы и телесериалы снимаются по мотивам художественных произведений, в которых уже заложен корпус антропонимов, переходящих в сюжетную линию кинопроизведения без изменений.

Авторские тенденции именования в произведениях кинематографического дискурса идентичны тому, как писатели именуют своих героев в произведениях художественного дискурса.

I. Использование естественных, нейтральных имён.

Корпус англоязычных имён, используемых в текстах кинематографического дискурса, во многом совпадает с антропонимами, наиболее часто встречающимися в реестрах Великобритании и США в том или ином временном отрезке, совпадающим со временем написания сценария к русскоязычному фильму или телесериалу: Алекс, Эмили, Уильям (Билли, Бил), Сэм, Джейн, Джон, Роберт, Пол, Дик, Майкл (Майк), Дональд, Нельсон, Грин, Фрэнк, Брюс, Дуглас, Дэн, Эллис, Мур, Фил, Тим, Даниэл [1], [2], [3, с. 37], [4].

II. Использование аллюзий.

Нередко на персонажа переносятся индивидуальные характеристики, свойственные определённому известной личности, литературному герою, киноперсонажу: Джеймс Бонд (секретный агент), Манфред (тёмная сила), Джон (англичанин, американец), Симпсон (америка-

нец), Ромео (влюблённый герой), Шерлок Холмс (детектив), Джон Сильвер (пират), Лекс Лютор (злодей), Стэн (фанат), Бэйн (злодей), Мистер Бин (герой комедии), Эйс Вентура (герой комедии), Малифисента (злодейка), Поттер (герой-кудесник), Джоли (Анджелина) (красотка), Питер Пен (неуловимый юноша), Хук (безрукий бандит), Линч (судья), Моби Дик (недостижимая цель, мечта, непобедимый исполин), Хью (пират), Страйкер (стрелок), Тайсон (боец), Элли (девочка, унесённая далеко от дома), Хантер (охотник), Барби (красотка), Малдер (верящий в пришельцев человек), Джек Воробей (благородный пират), Джон Уик (киллер), Брэд Питт (красавчик), Питер Паркер (герой), Джейк Салли (герой-боец), Тайсон (боксёр).

А. Геласимов в книге «Фокс Малдер похож на свинью» использует имя агента Малдера из известного американского мистического телесериала «X файлы» [5]. В названии фильма «Барби и медведь» можно найти аналогию с известной сказкой «Красавица и чудовище» [6]. Имя Барби многие десятилетия используется для бренда куклы-красавицы и имеет устойчивую ассоциацию не только у русскоязычного человека с красотой, грацией, элегантностью. В фильме «Историк» псевдонимом главного героя, рисующего комиксы и помогающего следствию ловить маньяков, Андрея Викторовича Изворина, является антропоним Хантер, что дословно переводится с английского языка «охотник» [7]. Данный антропоним можно считать аллюзивным именем ввиду частого употребления авторами произведений современного художественного и кинематографического дискурсов в качестве фамилии или прозвища для персонажей, чья деятельность связана с поимкой преступников, военными действиями, охотой. Антропоним Страйкер также можно считать аллюзивным именем, т. к. «страйк» означает «стрелять». Данное английское слово можно встретить во многих современных компьютерных играх, в которые играют люди разного возраста в современном обществе. Герой с таким именем всегда будет связан с оружием, которым будет хорошо владеть. В фильме «Выжившие» бандита-рекетира зовут Тайсон [4]. Он, как и всемирно известный боксёр, хорошо работает кулаками и не умеет контролировать свой гнев и ярость. При упоминании имени легендарного боксёра Майка Тайсона возникает образ несокрушимого противника. Имя Ромео, употреблённое в названии советского фильма «Ромео, мой сосед», настраивает зрителя на романтический лад, говоря о том, что в сюжете мелодрамы герои будут испытывать любовные переживания [8]. Так как имя Ромео связано с широко известным произведением Шекспира, оно является прецедентным и относится к аллюзиям.

В фильме «Дом, который построил Свифт» присутствует персонаж доктор Ричард Симпсон [9]. Фамилия Симпсон распространена на территории всех англоязычных стран. Время написания одноимённой пьесы Г. Гориним (1982 г.) не даёт нам возможности утверждать, что в контексте данного литературного произведения фамилия Симпсон является аллюзией, т. к. американский мультипликационный сериал «Симпсоны» приобрёл всемирную известность лишь в 1989 г. В данном мультфильме высмеиваются все пороки современного американского общества, а само семейство Симпсонов представляет собой собирательный образ жителей США. В русскоязычном обществе даже закрепились фразы «Не будь Симпсоном». Соответственно, в контексте пьесы фамилия Симпсон выбиралась автором из реального корпуса распространённых английских имён, чтобы создать соответствующую атмосферу, в которую погружается читатель или зритель.

III. Трансформация имени при перемещении персонажа из одной языковой среды в другую или же его переименование на английский манер.

При создании яркого и красочного литературного полотна русскоговорящие сценаристы, обращаясь к английскому антропонимикону, пользуясь техниками переноса фонем, морфем и слов из одного языка в другой, применяют транслитерацию, транскрипцию, калькирование или семантический перевод при переносе антропонима из одной языковой среды в другую в контексте литературного произведения. В случаях, когда сюжетная линия произведения требует изменения имён персонажей, переехавших за границу, то новое имя даётся чаще всего путём транслитерации, данный способ перевода имени фиксировался в 54 % изученных поликодовых текстов. Однако встречаются и случаи перевода имён с русского на английский язык или наоборот посредством перевода составляющих их основ, представ-

ляющих собой нарицательные слова. Этот способ перевода антропонимов был зафиксирован в 32 % сценариев. Что касается перевода имён на уровне фонем, то этот способ составил 14 % от всех зафиксированных вариантов. В зависимости от единицы перевода процентное соотношение типов перевода, используемого русскоговорящими писателями и сценаристами при переименовании персонажа в процессе повествования, выглядит следующим образом:

– непосредственный перевод имени: Джон – Иван, Евгений – Юджин, Миша – Майк; Маша – Мэри;

– фонемный перевод (переводческая транскрипция и переводческая транслитерация): Катя – Кейт, Лиза – Лиз, Денис – Дэн, Филлип – Фил, Алексей (Александр) – Алекс, Николай – Ник, Анна – Энн;

– морфемный перевод: Василий Конев – Билл Конвей, Иван Беляев – Айван Белью, Андреев – Эндрюс;

– перевод слов: Звёздная – Стар, Майка – Тишот, Дроздов – Озеллинг;

– перевод словосочетаний: Новиков – Ньюман, Хорошев – Гудмэн.

IV. Использование говорящих и скрытоговорящих имён.

В случаях, когда английский язык лежит в основе такого рода именовании, декодировать авторские интенции можно посредством перевода семантического ядра антропонима: Грин, Блэк, Уайт, Литлби, Смолбой, Хэлмэн. В случаях, когда связь между именем персонажа и заложенной в его основу семантикой английского слова не может быть очевидна всем русскоговорящим зрителям, необходимо вывести антропонимы такого рода в разряд «скрытоговорящих», т. к. значение английского слова, лежащего в основе семантического ядра антропонима, может знать либо специалист в области английского языка, либо смысл заложенного автором в именование значения англоязычной основы будет раскрыт лишь после просмотра фильма или телесериала: Поллак, Придейтер, Ригл.

V. Использование реальных имён известных личностей настоящего и прошлого.

В некоторых случаях авторы называют своих персонажей по аналогии с реально существующими, известными в той или иной области людьми или же с героями художественных произведений: Меган Райт, Джейсон Стейтем, Киану Ривз, Роберт Паттинсон.

Все зафиксированные антропонимические трансформации и новообразования являются проявлением определённого социокультурного феномена современной билингвальной личности, интегрированной во вторичный социум и получающей представление о природе и культуре другого этноса благодаря знанию его языка. Благодаря проведённому лексико-семантическому разбору антропонимов, создаваемых как живущими в России этнически не русскими писателями, так и этническими русскими авторами, живущими за пределами Российской Федерации, можно говорить о художественном билингвизме как отражении билингвального языкового сознания современной русскоговорящей личности.

Можно проследить четыре основные тенденции именовании героев литературных произведений в отношении к фамилиям:

– автор использует англоязычную фамилию известной многим читателям или зрителям личности, чтобы создать определённую атмосферу, дать ключи-подсказки к развитию сюжетной линии или же погрузить аудиторию в определённый временной промежуток, в котором известный человек жил или творил (Вашингтон, Армстронг). Порой с этими же целями используется фамилия известного литературного или кино персонажа (Франкенштейн, Поттер);

– писатель создаёт какую-либо фамилию для своего героя, используя определённые грамматические клише, заставляющие звучать имя или фамилию персонажа по-английски, при этом в процессе словотворчества писателя может создаваться не существующий ранее в англоязычном пространстве антропоним (Клеминг, Фаутсон, Плэткинс, Ронинглас);

– сценарист или писатель могут использовать технику прямого перевода русского слова на английский язык и наоборот, таким образом сохраняется внутреннее содержание антропонима, но при этом придаётся необходимый авторскому произведению колорит. Порой от автора требуются достаточно хорошие знания иностранного языка, которые позволяют ему не только перевести смыслообразующий корень слова, но и использовать в процессе словообразования мор-

фемы (Новиков / Ньюман – «new» + «man», Скворцов / Старлинг – «starling», Угрозов / Менэс – «menase», Дроздов / Озеллинг – «ouzel» + «ing», Дубравин / О'Кэри – «oakery», Рыбалкин / Fisher / Fishing – «fish» + «ing», Ястребов / Хокер – «hawk» + «er», Петров / Питерс – «Peter» + «s», Столбцов / Пилларс – «pillar» + «s», Летов / Саммерс – «summer» + «s», Жакетов / Джекетсон – «jacket» + «son», Золоторенко / Голдби – «gold» + «by»).

– в случаях, когда сценаристу не хватает знаний английского языка, с целью упрощения восприятия англоязычного или англоподобного антропонима русскоговорящей аудиторией, используется техника уподобления буквенно-звукового содержания двух взаимозаменяемых фамилий, без учёта перевода самого смыслового ядра антропонима. В таком случае акцент смещается именно на звучание фамилии, а смысловая нагрузка антропонима при этом отсутствует (Конев / Конвей, Гранитский / Грант, Гипсов / Гибсон, Барловский / Барлоу, Кортнев / Кортни).

Используя фамилии типа Уайт, Блэк, Грин, Браун, через передачу цвета, соответствующего переводу фамилии, автор может демонстрировать определённую характеристику персонажа, показывать развитие сюжетных линий. Подсчёт всех англоязычных имён, которые встречались в проанализированных 199 поликодовых текстах, показал, что в число самых часто используемых антропонимов вошли фамилии Грин, Стамп, Адамс, Линк, Браун, Симпсон.

Ввиду того, что сущность номинации является многослойной, способ создания художественного образа включает в себя процесс и результат создания наименований, которые скрываются за разными фрагментами реальности. Результат исследователям очевиден, но наблюдать за процессом авторского именования персонажей «изнутри» мы не имеем возможности, поэтому выводы, основанные на наших собственных убеждениях и познаниях, могут носить гипотетический характер. Лишь многократная фиксация одной и той же позиции, идентичности авторского имятворения даёт возможность концептуального подхода к предмету исследования.

Литература

1. Наркотрафик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kistv.ru/serialy-k2/russkyie-k2/48984-narkotrafik>. – Дата доступа : 28.04.2022.
2. Невеста из Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/120739/content/>. – Дата доступа : 29.04.2022.
3. Tropea, J. Classical Biblical Baby Names: Timeless Names for Modern Parents / J. Tropea. – NY. : Vantam, 2006. – 336 p.
4. Выжившие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/110678/annot/>. – Дата доступа : 27.03.2023.
5. Геласимов, А. Фокс Малдер похож на свинью / А. Геласимов. – М. : ОГИ, 2005. – 324 с.
6. Барби и медведь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/179008/annot/>. – Дата доступа : 12.01.2023.
7. Историк [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/118976/annot/>. – Дата доступа : 18.07.2022.
8. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Ромео,_мой_сосед. – Дата доступа : 21.02.2021.
9. Горин, Г. И. Дом, который построил Свифт / Г. И. Горин. – М. : ЛитРес, 2008. – 70 с.

Фразеологизированные конструкции «предлог *по* + форма дательного падежа субстантива» со значением соответствия в русском языке

Е.И. ТИМОШЕНКО

Статья посвящена анализу лексического наполнения фразеологических оборотов, построенных по модели «предлог *по* + форма дательного падежа субстантива» и выражающих значение соответствия. Установлено, что в качестве лексической базы подобных оборотов используются слова, называющие части тела и органы человека, а также его нравственные, духовные и интеллектуальные способности. Семантика соответствия во всех случаях сопряжена со значением оценки или модальным значением возможности/невозможности.

Ключевые слова: фразеологизм, конструкция «предлог *по* + дательный падеж существительного», семантика соответствия, оценка, модальность возможности/невозможности.

The article is devoted to the analysis of the lexical content of phraseological phrases constructed according to the model «preposition *by* + the dative case form of the substantive» and expressing the meaning of correspondence. It has been established that the lexical base of such phrases uses words naming human body parts and organs, as well as their moral, spiritual and intellectual abilities. The semantics of conformity in all cases are associated with the value of evaluation or the modal value of possibility/impossibility.

Keywords: phraseology, construction «preposition *by* + dative case of a noun», semantics of correspondence, evaluation, modality of possibility/impossibility.

Большинство фразеологических оборотов русского языка представляют собой грамматические структуры, состоящие из знаменательных, лексически более или менее полноценных слов. Наряду с ними существует определенное количество фразеологизмов, представленных адвербиализованными предложно-падежными сочетаниями типа *на круг* ‘в среднем, по приблизительному подсчету’, *в крови* (у кого) ‘органически, от рождения присуще кому-либо; в характере, в натуре кого-либо’, *на мази* (прост.) ‘близко к осуществлению, завершению и т. п. О благоприятном ходе, развитии, состоянии чего-либо’, *с (от) пеленок* ‘с раннего детства, с младенчества’, *из-за угла* ‘вероломно, тайно, исподтишка (делать, совершать что-либо)’, *на глаз* ‘примерно, приблизительно, без точного измерения, подсчета и т. п. (прикидывать, считать, определять, брать и т. п.)’ и под. Несмотря на присущее таким оборотам категориальное значение адвербиальности, в предложении они способны выполнять разнообразные синтаксические функции, – не только обстоятельства, но и определения, и предиката (см., например, [1, с. 205]). Фразеологизация подобного рода предложно-падежных конструкций связана как с переосмыслением лексического значения существительного, так и с грамматической семантикой падежа, которая формируется в значительной степени на основе семантики предлога, входящего в состав словоформы.

Известно, что одним из базовых концептов в языковой картине мира является концепт нормы, которая неразрывным образом связана с понятиями меры и долженствования, а в широком смысле – с понятием соответствия (условиям, требованиям, ситуации и т. п.). Сравним толкования слов *норма* и *мера* в толковом словаре: *норма* ‘установленная мера, размер чего-л.’ [2, т. 2, с. 508]; *мера* ‘то, что служит основанием для оценки чего-л. или для сравнения с чем-л.’, а также устойчивого выражения *чувство меры* ‘понимание должных границ, должной степени в проявлении чего-л., в каких-л. действиях’ [2, т. 2, с. 252] [подчеркивание наше. – Е.Т.]. Для всех этих понятий так же, как и для семантически близкого им понятия «закон», ключевой является сема предела, границы. Эта сема обнаруживается во внутренней форме слов, выражающих данные понятия. Так, у лексических соответствий русскому *мера*, известных славянским языкам, фиксируются следующие значения: болг. *měra* ‘мера, предел, граница’; сербохорв. *mjěra* ‘mēnsura, мера, мерило, граница, край, время, поря; намерение’; чеш. *míra* ‘размер, мерка; мера, предел, граница; душевное равновесие, умеренность’; словин. *māra* ‘мера, размер;

соразмерность, предел' и др. [3, с. 179–180]. Ядром концепта «Закон» в русском сознании, как пишет академик Ю.С. Степанов, является понятие предела: «<...> оно отчетливо проступает как в предыстории, т. е. в этимологии, так и в словоупотреблениях наших дней, ср. новейшее *беспредел* 'полное беззаконие; произвол; развал всякого общественного порядка и власти; непристойность' [4, с. 571]. Этимологически слово *закон* связано с корнем **kon-* (**kin-*), сохраняющим свои следы в словах *конец* и *начало*, явственно связанных с идеей края, границы (сравн. толкование слова *закон* у В.И. Даля: 'предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти' [5, с. 588]).

Семантика соответствия в русском языке выражается целым рядом разноуровневых языковых средств – как лексических, так и грамматических. Одним из способов ее выражения являются предложно-падежные конструкции. В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой, содержащем описание семантических функций (среди прочих частей речи) падежных форм существительного, перечислен ряд таких форм, способных выступать в значении коррелятива. Это конструкции, построенные по модели «предлог *к* + форма дательного падежа существительного» (*Шляпа тебе к лицу; Эта фраза не к месту*); «предлог *в* + форма винительного падежа существительного» (*Я знаю, что гожусь ему в тетки, но я не хочу скрывать от вас, что я стала чаще думать о нем. И.С. Тургенев*), «предлог *под* + форма винительного падежа существительного» (*По долговечности брусника под стать дубам – живет до 300 лет. С. Андреев*) [6, с. 135, 172, 218]. Еще один тип предложно-падежных конструкций, способных передавать значение соответствия, – это словоформы дательного падежа с предлогом *по* – типа *работа не по силам, костюм не по росту, серьезный не по годам* и т. п. [6, с. 148–149]. (В устаревших конструкциях с указанным значением предлог *по* может сочетаться с формой предложного падежа: *А на него со всех сторон Рогатины, и ружья, и собаки: Так драка не по нём. И. Крылов* [6, с. 339].)

Многие словоформы дательного падежа в сочетании с предлогом *по* способны выражать указанное значение, сохраняя при этом свободную сочетаемость, сравн.: *костюм не по росту, наказать по заслугам, одежда не по сезону, серьезный не по годам, прическа по моде* и под. Однако ряд подобных сочетаний фразеологизируется; существительное в составе такого сочетания утрачивает свое прямое значение, а вся конструкция переосмысливается. Статья посвящена рассмотрению устойчивых оборотов с семантикой соответствия, представленных словоформой дательного падежа с предлогом *по*. Ставится цель определить круг имен существительных, способных в указанной грамматической форме, образующей устойчивый оборот, выражать значение соответствия, и выявить типы значений, сопутствующие ядерной семантике соответствия. Языковой материал извлекался из толковых и фразеологических словарей русского языка и из Национального корпуса русского языка [7].

Прежде всего нужно сказать о том, что словоформа дательного падежа с предлогом *по* может выступать как компонент устойчивых выражений предикативного характера с семантикой соответствия: *по Сеньке и шапка* [, *по Ерёме колпак*] 'кто-либо того и достоин; получил то, что заслужил' (в историко-этимологическом фразеологическом словаре русского языка под редакцией В.М. Мокиенко семантика фразеологизма объясняется как отражение сословной принадлежности человека в его внешнем облике, в частности в тех предметах одежды, которые он имел право и возможность носить [8, с. 632]); *по Сеньке и шапка, по холопу и барин* (– *Боже милостивый! Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили, Рылеева удавили... Достоевского к расстрелу таскали; Гоголя с ума свели... А Шевченко? А Полежаев? Скажешь, – правительство виновато? Да ведь по холопу и барин, по Сеньке и шапка. И.А. Бунин* [9, с. 532]); *по уму и честь; по доходам и расходы* и т. п.

Как показывают наблюдения над языковым материалом, устойчивые обороты указанной структурной модели с семантикой соответствия образуются именами существительными, называющими органы и части тела человека, а также его нравственные, духовные и интеллектуальные свойства и способности. Названия частей и органов тела выступают в таких случаях, с одной стороны, как названия носителей соответствующих внутренних свойств человека, а с другой – как названия субстанций, отвечающих за выполнение определенных физических, физиологических, психических и интеллектуальных функций.

Так, целый ряд устойчивых оборотов, представленных формой Дат. падежа с предлогом *по*, образуются на базе субстантивов, называющих внутренние органы человека или свойственные ему духовные и мыслительные способности (в составе оборота возможны вспомогательные глаголы *прийтись*, *быть*, устар. *прийти*):

– **(не) по сердцу** ‘(не) по вкусу, (не) нравится’: *Елисавета Павловна нашла себе по сердцу суженого, и это всего больше заставило меня поспешить развязкою.* А.А. Бестужев-Марлинский [7]; **прийтись (не) по сердцу**: *Татьяне Николаевне незаметно даже стало нравиться его присутствие, он и ей, и старухе пришёлся по сердцу.* В.В. Крестовский [7];

– **приходиться, быть (не) по душе** кому-л. ‘нравиться или не нравиться кому-л.’: *По-сылаю тебе Миргород. Авось либо он тебе придется по душе.* Н.В. Гоголь [10, с. 540–541];

– **(не) по нутру** (прост.) ‘(не) нравится’: *Лаврецкому такое множество народу было не по нутру.* И.С. Тургенев; *Потом к Жан-Жаку Руссо пристрастилась. Натура, видишь, больно ей по нутру пришла.* П.И. Мельников-Печерский [9, с. 288];

– **(не) по нраву** ‘(не) нравится’: *Чем бы ни было корит, // Всё ей не по нраву.* А.Т. Твардовский; *Федос настолько пришёлся по нраву матушке, что она ему даже суконный казакин и шаровары приказала шить.* М.Е. Салтыков-Щедрин [9, с. 287–288];

– **(не) по мысли** (устарелое) ‘(не) нравится’: *Тут этак, там не так; Ну не придет никто по мысли ей никак* И.А. Крылов; *[Василий Шуйский:] Куда бежишь? Аль речи не по мысли?* А.Н. Островский [9, с. 257];

– **(не) по уму** ‘(не) нравится’, ‘(не) подходит’: *После родной моей службы во флоте служба в Симбирске была мне по душе, по сердцу и по уму.* Э.И. Стогов [7]; *[Софья Игнатьевна Турусина:] Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму и не по силам* [7] (в последнем контексте значение соответствия сопрягается с модальным значением невозможности);

– **(не) по вкусу** ‘(не) нравится’: *[Дядюшке Бельтова] пришлось не по вкусу петербургская жизнь, и он поселился в Москве.* А.И. Герцен [9, с. 70–71];

– **не по ноздре** (грубо-просторечное) ‘не нравится’: *Тут уж, как в рот положено стало, что в Сысертской стороне что-то делается, и шибко им – барским-то приставникам – не по ноздре.* П.П. Бажов [9, с. 285].

Во всех приведенных устойчивых оборотах значение толкуется как оценочное, но очевидно, что подобное толкование является результатом семантического развертывания, в основе которого лежит представление о соответствии сущности явления, свойства, ситуации и т. п. интеллектуальным или нравственным представлениям субъекта. Субстантивы *сердце*, *душа*, *нутро* и *нрав* объединяются в одну микролексическую группу с общим значением ‘внутренний, душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства’ (сердце и нутро в представлениях носителей языка выступают как символы душевного мира и чувств человека). Существительные *вкус* и *ноздря* также могут быть семантически объединены на основе принадлежности к обозначениям физиологических способностей человека – соответственно способности к восприятию вкуса и запаха (существительное *ноздря* в данном случае употребляется метонимически, причем метонимический перенос оказывается двойным: ноздря как часть носа (синекдоха) и нос как орган, предназначенный для восприятия запахов). Субстантивы *мысль* и *ум* отражают способность к интеллектуальной деятельности. Таким образом, семантика соответствия в устойчивых оборотах модели «предлог *по* + форма Дат. падежа существительного», сопряженная с семантикой оценки, формируется на базе лексических единиц, называющих прежде всего душевные и интеллектуальные способности человека, или единиц, называющих органы и части тела человека, отвечающие за соответствующие способности.

В толковых и фразеологических словарях в качестве регулярной для подобных оборотов синтаксической функции указывается функция сказуемого и приводится соответствующий иллюстративный материал, сравн.: *Но княжна Болконская, это другое дело; во-первых, я вам правду скажу, она мне очень нравится, она по сердцу мне* (Л.Н. Толстой); *Мне всех больше пришёлся по душе Грановский* (А.В. Никитенко) и под. Однако рассматриваемые фразеологические выражения могут употребляться и в роли единственного главного члена безличного предложения как слова категории состояния (*Видно, барыням не по нутру, коли*

у нашего брата глаза зрячие. И.С. Тургенев), и в роли второстепенного члена предложения – обстоятельства, категориально соотносясь с наречием (*Ясно, что тут дело шло совсем не об том, чтобы подбирать себе общество по душе*. М.Е. Салтыков-Щедрин).

Общее значение соответствия, свойственное рассматриваемой фразеологизированной грамматической модели, может совмещаться не только со значением оценки, но и со значением модальным, в частности значением возможности/невозможности. Подобный синкретизм семантики также наблюдается в ряде устойчивых оборотов. Таковы, например, устойчивые сочетания *(не) по плечу* и *(не) по зубам*. Уместно заметить, что если обороты, совмещающие значение соответствия со значением оценки, формируются на основе субстантивов, называющих прежде всего психические и интеллектуальные свойства и способности человека, то в устойчивых выражениях, совмещающих значение соответствия со значением модальным, выступают существительные, называющие части тела, отвечающие за способность к физической и физиологической деятельности. Приведем толкование данных слов: *зуб* ‘костное образование, орган во рту для схватывания, кусания, измельчения и разжевывания пищи’ [2, т. I, с. 623]; *плечо* ‘часть туловища от шеи до руки’ [2, т. III, с. 141]. Роль плеча в физической деятельности человека хорошо известна; она отразилась в переносном значении слова: (техническое) ‘часть рычага от точки опоры до точки приложения действующей на рычаг силы’. Назначение же рычага как технического приспособления заключается в его использовании для поднятия тяжестей. Таким образом, функции называемых данными словами органов человека лежат в основе формирования абстрактного модального значения возможности/невозможности:

– *(не) по зубам* – 1) ‘трудно разжевать’: *Ели тетеньки только суп и пирожное, так как остальное кушанье было не по зубам*. М.Е. Салтыков-Щедрин; 2) перен. ‘(не) под силу, не по способностям’ [2, т. I, с. 623]: *Но эта книга оказалась мне не по зубам: как это ни странно, меня оттолкнула непонятность заглавия*. Л.К. Чуковская [7];

– *(не) по плечу* ‘(не) соответствует силам, возможностям, (не)доступно для выполнения (о работе)’: *Весьма бесцеремонно нашел он, что нынешней критике пришелся не по плечу талант Островского*. Н.А. Добролюбов [7].

Совмещение значения соответствия с модальным значением невозможности наблюдается еще в одном фразеологическом обороте – *не по карману* ‘не по средствам, слишком дорого для кого-либо’: *Жить в городе ему [Серебрякову] не по карману*. А.П. Чехов [9, с. 195]. Карман – деталь одежды – место, где могут храниться деньги, выступает как олицетворение материальных, финансовых возможностей человека.

Как уже было замечено, семантика соответствия, свойственная рассматриваемым оборотам, обусловлена также и грамматической семантикой падежа. Падеж, называемый дательным, исконно употребляется для обозначения направленности действия к какому-либо предмету. В одной из своих функций, причем наиболее регулярной, форма дательного падежа употреблялась при глаголе *дать* – *давать* (отсюда и название падежа). Как пишет В.В. Виноградов, «дательный падеж служит для обозначения того, что понятие, выраженное глаголом или именем, имеет значение для другого предметного понятия, ему предназначается, к нему склонно (*hinneigt*), к нему направлено» [11, с. 141]. Аналогичным образом формирование семантики соответствия происходит в устойчивых оборотах, содержащих форму дательного падежа с предлогом *к*, типа *(не) к месту*, *(не) ко двору*, *(не) ко времени*, *(не) к лицу* и т. п.

Таким образом, семантика соответствия формируется во фразеологических оборотах, построенных по модели «предлог *по* + форма дательного падежа» на базе имен существительных, называющих органы и части тела человека, а также его нравственные, духовные и интеллектуальные свойства и способности (типа *сердце*, *душа*, *нутро*, *мысль*, *ум*, *вкус*, *плечо*, *зуб*). Во всех подобных устойчивых оборотах наблюдается совмещение значения соответствия с оценочным, модальным или модально-оценочным значением.

Литература

1. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / А. П. Евгеньева (гл. ред.). – М. : «Русский язык», 1981–1984.

3. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. академика РАН О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1992. – Вып. 18 : (**matoga – *měkyšьka*). – 255 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1981. – Том I : (А–З). – 699 с.
6. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://processing.ruscorgpora.ru>. – Дата доступа : 10.02.2023.
8. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз. ; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. 4 : Д. – М. : Русский язык, 1993. – 576 с.
11. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 07.09.2023

Эпітэты ў прыпеўках Гомельшчыны

К.Л. ХАЗАНАВА

У артыкуле даследуюцца стылістычныя функцыі мастацкіх азначэнняў у мове прыпевак, выяўленых на Гомельшчыне. Многія лагічныя азначэнні ў мове прыпевак маюць адметнае інтанацыйнае нарастанне і атрымліваюць асаблівае стылістычнае значэнне. Паводле граматычнага выражэння, эпітэты ў тэкстах прыпевак у большасці выпадкаў з'яўляюцца прыметнікамі. Сустрэкаюцца мастацкія азначэнні, выражаныя ўсечанымі ад'ектывамі. Уласцівыя для мовы прыпевак сталыя эпітэты. Мастацкія азначэнні ўдзельнічаюць у стварэнні вобразнасці і эмацыянальнасці мовы прыпевак. Эпітэты ў мове прыпевак перадаюць багатую гаму разнастайных эмоцый.

Ключавыя словы: фальклор, прыпеўка, эпітэт, азначэнне, ад'ектыў, прыметнік, прыдатак, эмацыянальнасць, экспрэсіўнасць.

The article researches the stylistic functions of the artistic definitions in the language of ditties found in the Gomel region. Many logical definitions in the language of ditties have a distinctive intonation rising and acquire a special stylistic meaning. According to the grammatical expression, epithets in the ditties are in most cases adjectives, frequently truncated adjectives. The ditties are characterized by traditional epithets. Artistic definitions participate in creating the imagery and emotionality of the language of the ditties. Epithets in the language of ditties convey a rich range of various emotions.

Keywords: folklore, ditty, epithet, definition, adjective, application, emotionality, expressiveness.

Прыпеўкі – надзвычай адметны жанр вуснай народнай творчасці. Звычайна невялікія па памеры вершаваныя радкі, пакладзеныя на лёгка запамінальную музыку, прыпеўкі традыцыйна маюць пэўны гумарыстычны змест і маюць на мэце высмейванне асобных з'яў і рэалій чалавечага жыцця. Большасць беларускіх народных прыпевак у сваім змесце «разважаюць» пра цяжкасці і праблемы асабістых адносін паміж дзяўчынай і маладым чалавекам.

Прыпеўкі мелі месца на вячорках, дзе моладзь забаўлялася шляхам прыдумвання і выканання прыпевак, у якіх у іранічна-з'едлівай форме юнакі і дзяўчаты маглі намякнуць і звярнуць увагу на недахопы адзін аднаго.

Дзякуючы невялікаму памеру і рыфмоўцы прыпеўкі, як і прыказкі, прымаўкі і загадкі, з'яўляюцца актыўна функцыянальнымі і трывала захаванымі фальклорнымі тэкстамі. Таксама гэтаму садзейнічае і мова прыпевак, у якой маецца арганічна спалучаная сістэма вобразна-выяўленчых сродкаў [1], [2].

Асобнай этналінгвістычнай увагі заслугоўвае мова прыпевак розных рэгіёнаў Беларусі. Пад нашу даследчыцкую ўвагу трапілі прыпеўкі Добрушкага раёна Гомельскай вобласці. Фактычным матэрыялам даследавання сталі фальклорныя тэксты, захаваныя ў фальклорным архіве кафедры рускай і сусветнай літаратуры ГДУ імя Ф. Скарыны [3].

Адным з пашыраных сродкаў вобразнага выяўлення ў мове беларускіх народных прыпевак з'яўляецца эпітэт. Эпітэты з'яўляюцца надзвычай уласцівымі для мовы беларускіх фальклорных твораў [4], [5], [6], [7].

У разгледжаных тэкстах прыпевак Гомельскага рэгіёна часта ўжываюцца сталыя мастацкія азначэнні. Сталыя эпітэты характарызуюцца ўстойлівай сувяззю з паяснёным словам. Непарыўная сувязь азначэння і азначанага слова паходзіць са старажытнасці. Такія спалучэнні ўяўляюць сабой замацаваныя вобразна-паэтычны выраз, які перадаецца з аднаго фальклорнага тэксту ў іншы.

Сталыя эпітэты ў прыпеўках азначаюць з'явы прыроды: *Ой, месяці, ой, месяці ясны, А я тут над табою Трошкі настаю* [3].

Часам традыцыйнае мастацкае азначэнне ўжываецца з найменнямі асоб: *Сірацінку бедную Прыгалубіць некаму. Складу ручачкі на грудзь, Прыгалубце, хто-нібудзь* [3]. Бацькі даруюць чалавеку жыццё і з'яўляюцца асноўнай апорай і крыніцай дапамогі на пачатку

жыцця, у дзяцінстве ды і надалей. Страта бацькоў заўсёды цяжка перажываецца. І гэтыя перажыванні знаходзяць выяўленне ў вобразна-выяўленчай мове фальклору. Выраз *бедная сірата* ў розных варыяцыях адлюстроўвае ў мове прыпевак спачуванне і сум дзяўчыны (бо ў большасці выпадкаў прыпеўкі маюць аповед пра дзяўчыну і ад імя дзяўчыны), што не мае бацькоў: *Гаварыла я мілomu: Не ні многа водкі. Наблюдай ка ты мяне, Беднае сіроткі* [3].

Пра пачуцці і перажыванні выразна апавядаюць многія прыпеўкі. Эмоцыі маюць на мэце адлюстроўваць традыцыйныя эпітэты: *Я таную і паю, А душа заўнылая, Што ў сваёй дурной галовачкі Замяніла мілага* [3].

Значная частка сталых азначэнняў – абзначэнні колеру. Як і ў іншых фальклорных творах, у прыпеўках пашыраныя ад’ектывы *злэны, сіні*, што дапасуюцца да назоўнікаў, якія называюць пэўныя з’явы прыроды. У прыпеўках часта сустракаюцца спалучэнні *злэная трава, сіняе мора: Мене мілы изменіў, А я і не охну. Не злэная трава, У полі не засохну* [3]; *К сіню мору падхадзіла – Сіня мора не гарыць, Пра любоў мяне пытае, Пра сваю не гаварыць* [3]. Іншы раз прыметнік *злэны* азначае назву дрэва: *Я палала буракі Пад злэным дубам, Палюбіла гарманіста З кучаравым чубам* [3].

Папулярным у мове прыпевак з’яўляецца азначэнне *чорны*: *У мілёнка чорны брукі, І такі жа пінжачок. Падмігне яму другая, Ён бяжыць, як дурачок* [3].

З дапамогай прыметніка *чорны* прыпеўкі прапануюць устойліва замацаваную ў беларускім фальклоры дэталю своеасаблівага стэрэатыпізаванага ідэала прыгажосці – *чорныя вочы*: *Харашо гармонік грае, Пальчыкі вучоныя, Не гармонік захапляе, Вочы яго чорныя* [3]; *І яшчэ чорныя глаза Рэжуць сэрца без нажа* [3].

Прыпеўкі даволі часта звяртаюцца да ўказання асобных дэталю знешняга выгляду, асабліва рыс твару. У тэкстах амаль абавязкова заўважаецца пра вочы. І натуральна, вочы апісваюцца з дапамогай азначэнняў-каларонімаў. Акрамя чорных вачэй, узгадваюцца ў мове прыпевак *вочы карыя*: *Выхажу я танцаваць, Прашу не смяцца, Маі карыя глаза Совесці баяцца* [3]. Варта заўважыць пры варыянтнасць прыпевак, што функцыянуюць у названым рэгіёне. Асобныя тэксты адрозніваюцца якраз азначэннямі, што называюць розны колер вачэй: *Пасадзілі гарманіста Пад самыя абраза. Не гармошка заўляе Яго карыя глаза* [3].

Дадзенае вар’іраванне сведчыць аб разнастайнасці густаў дзяўчат-аўтарак прыпевак: якія вочы былі ў каханага або аб якім юнаку марыла, пра такога і складалася прыпеўка.

Неаб’якавыя фальклорныя тэксты і да колеру броваў хлопцаў: *Ох, маць, мая маць, Пусці на станцыю гуляць. Там вагоны новыя, Парні чарнабровыя* [3]. І тут ужываецца складаны прыметнік, утвораны ад ад’ектыва-калароніма.

Не абыходзяцца прыпеўкі без ад’ектыва, які сведчыць аб знешнім выглядзе асобы ў цэлым: *Алая хусціначка У моры паласкалася. Дзяўчыначка прыгожая Дурачку напалася* [3]. Аўтары прыпевак у пераважнай большасці маладыя людзі, часцей, як ужо заўважалася, дзяўчыны, і таму азначэнне *прыгожы* мае частае выкарыстанне: *На вячоркі мы ідзём, Дарагія дзевачкі, Гарманіст у нас прыгожы, Грае нам прыпевачкі* [3].

Разам з тым прыпеўкі бываюць і больш крытычныя да знешнасці хлопцаў: *Не дай, Божа, з такім лёсам Любіць хлопца з доўгім носам* [3].

Пераважны спосаб граматычнага выражэння мастацкага азначэння ў мове прыпевак Гомельшчыны – гэта якасныя прыметнікі. Такія азначэнні называюць пэўныя трапныя ўласцівасці асобных рэалій, сярод якіх выдзяляюцца з’явы прыроды: *На шырокай паласе Перапела песні ўсе. Дура я, дзяўчоначка, Не спела пра мілёначка* [3]; *Чэраз рэчку буструю Кальцо я перакінула. Гуляйце, дзеўкі, з маім мілым, Я яго пакінула* [3].

Аднак часцей якасныя прыметнікі ў стылістычнай функцыі мастацкага азначэння ў даследаваных фальклорных тэкстах вобразна і маляўніча характарызуюць асоб. Гэта і заканамерна, бо ў прыпеўках у своеасаблівай манеры звычайна абмяркоўваюцца асабістыя, а часта – нават інтымныя стасункі.

У мове прыпевак Гомельшчыны адзначаюцца эпітэты, выражаныя якаснымі прыметнікамі, што маюць станоўчую азначнасць і перадаюць асаблівыя адносіны да адрасата тэксту, адлюстроўваючы замілаванне і пяшчоту: *Ой, сяброўка дарагая, Давай памяняем, Ты з маім, а я з тваім Вечарочак пастаім* [3]; *А мой мілы гарманіст, А я падпевалачка. Няхай людзі гавараць, Вясёлая парачка* [3].

Паколькі ў большасці выпадкаў прыпеўкі маюць на мэце адлюстраваць адносіны паміж дзяўчатамі і хлопцамі, то натуральна, што сустракаюцца і мастацкія азначэнні, якія перадаюць супрацьлеглыя адносіны і эмоцыі, напрыклад, выражаючы негатыўнае стаўленне да ўдзельнікаў любоўнага трохкутніка: *Палюбіла я мілога, Думала, што будзе мой, А пракалятая падруга Пайшла на перабой* [3].

Адмоўную ацэнчасць маюць таксама і іншыя азначэнні, выражаныя якаснымі прыметнікамі: *Мае вочкі – як калыскі, Толькі не качаюцца. А суседзі – злыя людзі, Толькі не кусаюцца* [3].

Для мовы прыпевак уласцівым з'яўляецца ўжыванне метафарычных эпітэтаў. Такія мастацкія азначэнні сумяшчаюць рысы эпітэта і метафары і ў сваёй вобразнай аснове маюць перанос лексічнага значэння па падабенству. Пры выкарыстанні метафарычных эпітэтаў дасягаецца надзвычайная вобразнасць мовы прыпеўкі менавіта за кошт абазначэння якасцей нежывой прыроды найменнямі, асноўным, першасным, лексічным значэннем якіх з'яўляецца назва ўласцівай чалавека: *Кучаравая бяроза, Няма ветру, а ты шуміш. Роднае мае сардэчка, Няма гора, а ты баліш* [3].

Вобраз кучаравай бярозы – характэрная ўласцівасць разгледжаных фальклорных твораў: *Кучаравая бяроза, Табе месца ля ракі. А я табе не нявеста, Ты мяне не берагі* [3].

Не маглі абысціся такія фальклорныя тэксты, як прыпеўкі, без эпітэта *залаты*. Гэты прыметнік надзвычай пашыраны ў славянскім фальклору [8]. Метафарызацыя адноснага ад'ектыва ў фальклору адбываецца на рознай аснове. Мастацкае азначэнне *залаты* ў славянскім фальклору метафарычна можа абазначаць колер, блізкі да жоўтага. Прыгадаем беларускія народныя прыказкі і прымаўкі, у якіх прыметнік *залаты* мае семантыку 'жоўты': *Маладзік малады, рог залаты* [9, с. 53]; *У сошкі залатыя рожкі* [9, с. 118].

Яшчэ адна пашыраная вобразная семантыка прыметніка *залаты* метафарычна кажа пра працавітасць, майстэрства. Варта ўспомніць самае папулярнае словазлучэнне ў славянскім фальклору *залатыя рукі* 'пра добрага, якаснага майстра'. Выраз фіксуецца ў беларускіх парэміях: *Рукі залатыя, да гарло ўсё пажарло* [9, с. 252]. З семантыкай 'умелы, працавіты, старанны' азначэнне *залаты* выкарыстоўваецца ў прыпеўках: *Рассытця, гарох, На чатыры кучкі, А ў нашага гарманіста Залатыя ручкі* [3].

Сустракаюцца прыпеўкі, цалкам пабудаваныя на іншасказанні, дзе за зааморфнымі вобразамі захоўваюцца пэўныя асобы: *Стары заяц сена косіць, А ліса зграбае, Муха сена к возу носіць, А камар складае* [3].

Вядома, што прыпеўкі – фальклорны жанр, што захаваўся са старажытнасці. Разам з гэтым мова асобных прыпевак пераканаўча сведчыць, што скарбонка гэтага жанру пастаянна папаўняецца новымі тэкстамі, з новымі сродкамі вобразнага выяўлення. У прыпеўках фіксуецца прыметнік *атамны*, адносна новы ў беларускай літаратурнай мове і зусім не характэрны для мовы фальклору. Азначэнне ў тэксце прыпеўкі метафарызуецца і выкарыстоўваецца ў функцыі метафарычнага мастацкага азначэння ў складзе метафары, перадаючы велічыню і інтэнсіўнасць якасці – *атамны* 'вялікі': *Ах, любоў, ты, любоў, Атамная сіла, Майго мілага ўсю ноч Па сялу насіла* [3].

Мастацкія азначэнні, выражаныя прыметнікамі, што адзначаюцца ў мове даследаваных прыпевак, адрозніваюцца паводле структуры і формы. Акрамя прыведзеных вышэй поўных прыметнікавых формаў, захоўваюцца ў мове прыпевак храналагічна самыя раннія ад'ектыўныя формы – кароткія прыметнікі: *Ой, дзед, ты мой дзед, А я твая бабка. Кармі мяне пірагамі, Каб я была гладка* [3]. Кароткія прыметнікі не з'яўляюцца ўласцівымі для сучаснай беларускай мовы, аднак трывала захоўваюцца ў беларускіх фальклорных тэкстах: *Красна восень снапкамі, а зіма ўмалотам* [9, с. 88]; *На святога Ігната зіма багата, а Ігнат грамніцам рад* [9, с. 95]. У сінтаксічных адносінах кароткія прыметнікі маюць прэдыкатыўную функцыю.

Іншы раз аманімічнымі кароткім ад'ектыўным формам выяўляюцца ўсечаныя, або сцягнутыя, формы прыметнікаў. У параўнанні з кароткімі і поўнымі прыметнікамі ўсечаныя формы больш познія. Утварыліся ўсечаныя прыметнікі ад поўных формаў праз выпадзенне [j] і зліццё дзвюх аднолькавых галосных у канчатку. Сцягнутыя прыметнікі звычайна выкарыстоўваюцца ў атрыбутыўнай функцыі і маюць значнае распаўсюджанне ў фальклору. Беларускія прыказкі кажуць: *Смачна кашка, ды рабіць цяжка* [9, с. 225].

Самыя пашыраныя формы ўсечаных прыметнікаў – формы назоўнага і вінавальнага склонаў адзіночнага ліку жаночага роду. Абедзве гэтыя формы адзначаюцца ў мове прыпевак Гомельшчыны: *Усю краіну я аб'ехаў, Сёлы, вёскі, гарада, Не найшоў я краішэ тебе, Мая міла сірата* [3]. *Каля нашага двара Была сакрэтна лавачка. Гуляў ты, гуляла я, Не знала родна мамачка* [3].

У тэкстах прыпевак, выяўленых на Гомельшчыне, мастацкія азначэнні праяўляюць разнастайнасць пазіцыі адносна азначанага слова. Даволі пашыраная постпазіцыя эпітэтаў: *Я любіла, любоў скрала, Пра любоў ніхто не знаў. А ў мілога розум кароткі Ён знаёмаму казаў* [3]; *Выхаджу і пачынаю Першую начальную. Не магу развесяліць Галаву печальную* [3]; *Чэраз рэчку быструю Я масточак выстраю. Хадзі мілы, хадзі мой. Хадзі летам і зімой* [3].

Мова разгледжаных фальклорных твораў адрозніваецца таксама эпітэтамі, выражанымі прыметнікамі ў форме суб'ектыўнай ацэнкі. Адметнай рысай фальклорнай мовы з'яўляецца выкарыстанне памяншальна-ласкальных формаў. Азначэнні, выражаныя дэмініўнымі прыметнікамі, у мове прыпевак часам маюць сцягнутую форму: *Я іду, а бабы судзяць Дзеўку малодзеньку, А нарочна надзяваю Юбачку кароценьку* [3].

Суфіксальныя ад'ектыўныя ўтварэнні часцей перадаюць таксама ступень інтэнсіўнасці прыкметы: *Па дзярэўнішла і пела Дзеўка здаравенная, Задам за вугал задзела – Заравела бедная!* [3]. Такія самыя стылістычныя функцыі замацаваныя за своеасаблівым ад'ектывам, утвораным шляхам рэдулікацыі ў спалучэнні з прэфіксальнай дэрывацыяй: *Палюбіла я яго Ціхага-прыціхага, А ў ціхам омуце чарцей Паўным-паўно напіхано* [3].

Яшчэ адзін спосаб граматычнага выражэння эпітэтаў – назоўнік. Субстантыўнае выражэнне мастацкіх азначэнняў адбываецца ў выпадках, калі назоўнік выкарыстоўваецца ў сінтаксічнай функцыі прыдатка. Мова прыпевак прапануе разнастайнасць эпітэтаў-прыдаткаў. Сярод такіх мастацкіх азначэнняў сустракаюцца сталыя, добра вядомыя і іншым фальклорным жанрам: *Ты сарока-белабока, Навучы мяне лятаць, Не высокая, не далёка, А каб мілага відаць* [3]. Некаторыя эпітэты-прыдаткі можна лічыць за індывідуальна-аўтарскія азначэнні: *Базар бальшы, Нічога не відна. Мужыкі-дуракі Б'юцца за навідла* [3].

Такім чынам, мова прыпевак, выяўленых на Гомельшчыне, даволі багатая на мастацкія азначэнні. Многія лагічныя азначэнні ў мове прыпевак маюць адметнае інтанацыйнае нарастанне і атрымліваюць асаблівае стылістычнае значэнне. Уласціваць, названая эпітэтам, быццам дапасуецца да рэаліі, названай азначаным словам, і ўзбагачае яго ў семантычных і эмацыянальна-экспрэсіўных адносінах. Паводле граматычнага выражэння, эпітэты ў тэкстах прыпевак у большасці выпадкаў з'яўляюцца прыметнікамі. Сустракаюцца мастацкія азначэнні, выражаныя ўсечанымі ад'ектывамі. Уласцівыя для мовы прыпевак сталыя эпітэты. Мастацкія азначэнні ўдзельнічаюць у стварэнні вобразнасці і эмацыянальнасці мовы прыпевак. Эпітэты ў мове прыпевак перадаюць багатую гаму разнастайных эмоцый, як пазітыўных (замілаванне, пяшчоту, спачуванне), так і негатыўных (нянавісць, нядобразычлівасць).

Літаратура

1. Хазанава, К. Л. Вобразна-выяўленчы патэнцыял мовы беларускіх народных прыпевак / К. Л. Хазанава // Канцэптасфера народнай духоўнай культуры : традыцыі і сучаснасць : зб. навук. артык. / рэдкал. : А. М. Воінава (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2021. – С. 263-268.
2. Хазанава, К. Л. Фігуры паўтору ў мове народных прыпевак Гомельшчыны / К. Л. Хазанава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2022. – Вып. 31. – С. 402-411.
3. Фальклорны архіў кафедры рускай і сусветнай літаратуры ГДУ імя Ф. Скарыны.
4. Хазанава, К. Л. Паэтыка азначэнняў у каляндарна-абрадавым фальклоры Гомельска-Бранскага пагранічча / К. Л. Хазанава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2016. – Вып. 20. – С. 440-447.
5. Хазанава, К. Л. Эпітэты ў малых жанрах фальклору Гомельшчыны / К. Л. Хазанава // «Мова мая, я з табою ў жыцці шчасце маю...» : зб. навук. артык. ; рэдкал.: А. М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – С. 175-179.

6. Хазанава, К. Л. Аб ролі ад'ектываў у экспрэсівізацыі паэтычнага кантэксту беларускай народнай пазаабрадавай лірыкі / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1 (112). – С. 141–144.
7. Хазанава, К. Л. Стылістыка азначальных канструкцый у загадках Гомельшчыны / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2022. – № 1 (130). – С. 159–162.
8. Хазанава, К. Л. Эпітэты ў перакладзе «Слова пра паход Ігаравы» на беларускую мову : пераемнасць традыцый усходнеславянскай духоўнай культуры і выпрацоўка беларускіх моўных сродкаў / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2007. – № 4 (43). – С. 128–133.
9. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Нав. і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 04.09.2023

Прыём сінтаксічнага паралелізму ў беларускіх парэмічных канструкцыях

Н.П. ЦІМАШЭНКА

У артыкуле разглядаюцца беларускія прыказкі і прымаўкі, у якіх рэалізуецца прынцып сінтаксічнага паралелізму; прасочваецца сувязь сінтаксічнага паралелізму з іншымі сродкамі мастацкай выразнасці; праводзіцца аналіз дадатковых прыёмаў, якія ляжаць у аснове прымянення сінтаксічнага паралелізму. Асабліва ўвага надаецца функцыям гэтага мастацкага прыёму, з дапамогай якога ўзмацняецца энергія, сіла сцвярджэння думкі, рытмічнасць маўлення.

Ключавыя словы: сінтаксічная арганізацыя, прыказкі і прымаўкі, парэмічныя канструкцыі, сінтаксічны паралелізм, мастацкі прыём, сродак выразнасці.

In the article the author examines Belarusian proverbs and sayings, which implement the principle of the syntactic parallelism; the connection between the syntactic parallelism and other means of artistic expression is traced; additional techniques underlying the use of the syntactic parallelism are analyzed. Particular attention is paid to the functions of this artistic technique, which intensifies the energy, the power of the thought confirmation, and the rhythm of the speech.

Keywords: syntactic organization, proverbs and sayings, paremic constructions, syntactic parallelism, artistic technique, means of expression.

Сінтаксіс мастацкага стылю вельмі разнастайны па сваіх стылістычных асаблівасцях. Гэта тлумачыцца, як правіла, пастаянным кантактам і ўзаемадзеяннем пісьмова-кніжных і гутарковых адзінак. Сінтаксіс фальклорных тэкстаў адметны тым, што ў ім найбольш багата і ярка праяўляюцца індывідуальныя асаблівасці моўнай манеры народа-пісьменніка. Яшчэ задоўга да таго, калі мастацкае слова было зафіксавана ў пісьмовых помніках, народ перадаваў свае настроі і думкі праз песні, казкі, паданні, якія былі першымі праявамі яго мастацкай творчасці. Яны на працягу многіх гадоў і стагоддзяў свайго бытавання перадаваліся з вуснаў у вусны і станавіліся сапраўднымі творами мастацтва. Не з'яўляюцца выключэннем і беларускія прыказкі і прымаўкі, у якіх адлюстраваліся ўсе важнейшыя асаблівасці народнага жыцця з самых далёкіх часоў: сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць, любоў да Радзімы, сяброўства і вернасць, сям'я і каханне, здароўе, сіла, хвароба і інш. Актуальнасць даследавання заключаецца ў тым, што беларускія прыказкі і прымаўкі як разнавіднасць фальклорных жанраў маюць цікавы моўны матэрыял для разгляду асаблівасцей розных сінтаксічных адзінак. У даным артыкуле наша ўвага будзе скіравана на прыём сінтаксічнага паралелізму, які часта рэалізуецца ў парэмічных тэкстах.

Паняцце 'паралелізм' прыйшло да нас з грэчаскай мовы і азначае «той, хто ідзе побач». Сінтаксічны паралелізм характарызуецца аднолькавай або падобнай сінтаксічнай будовай суседніх сказаў ці адрэзкаў маўлення: *Ногі нахадзіліся, рукі нарабіліся, вочы наглядзеліся* [1, с. 151]; *Жыве кот, жыве сабака, жыве і гэты небарака* [1, с. 203]; *Абяцаюць зямлю – надзяваюць пятлю* [1, с. 54]. На думку прафесара А.А. Станкевіч, «аднатыпнасць сінтаксічнай будовы канструкцый стварае аснову для аналогіі, супастаўлення выражаемага імі зместу» [2, с. 164]. Гэты кампазіцыйны прыём выдзяляе ў мастацкай літаратуры структурную сувязь некалькіх элементаў стылю. Сінтаксічны паралелізм можна сустрэць у паэзіі, прозе, паколькі ён дазваляе дадаць выразнасці, эмоцый і глыбіні пры перадачы інфармацыі. Паралелізм сказаў (прэдыкатыўных частак у межах складанага сказа) стварае выразную сінтаксічную сіметрыю. У гэтым выпадку члены сказа расстаўлены ў адной паслядоўнасці і выражаны, як правіла, аднолькавымі формамі, што сведчыць пра сінтаксічны і марфалагічны паралелізм: *Новае не порацца, добрае не валочыцца* [1, с. 228]; *Конь з канём, вол з валом, свіння з вуглом* [1, с. 91]; *Цяжка саду без зязюлі, цяжка доньцы без матулі* [1, с. 147]; *Бацька за парог, дзеткі за пірог* [1, с. 128]. Ёсць, канешне, прыклады паралелізму не толькі сказаў або іх частак, але і цэлых абзацаў або сказаў з асобных абзацаў, аднак калі весці размову пра вусную народную творчасць, то такі прыём характэрны вялікім фальклорным твораў, напрыклад казкам:

Ну, прадалі каня, купілі вала...

Прадалі вала, купілі казу...

Прадалі гусака, купілі брусок... [3, с. 120–121]. Для прыказак і прымавак такі тып сінтаксічнага паралелізму немагчымы па прычыне іх лаканічнай формы.

Сінтаксічным паралелізмам напоўнены многія творы вуснай народнай творчасці: песні, быліны, прыказкі, прымаўкі і інш. З яго дапамогай можна перадаваць адценні пачуццяў, надаваць любому тэксту дынамічнасць, рытмічнасць, эмацыянальнасць: *Дзе гультай ходзіць, там зямля не родзіць* [1, с. 255]; *Калі маеш хлеб, то будуйся, калі маеш грошы, то правуйся* [1, с. 76]; *Добрая слава ў кошыку ляжыць, а благая па дарожцы бяжыць* [1, с. 158]. На наш погляд, мэта выкарыстання сінтаксічнага паралелізму ў парэмічных канструкцыях – параўнанне дзвюх або некалькіх з’яў, заснаванае на кантрасце або падобнасці, супастаўленні або градацыі.

Параўнанне, заснаванае на кантрасце, афармляецца, як правіла, пры дапамозе антытэзы як стылістычнага прыёму, калі супрацьпастаўляюцца процілеглыя з’явы, прадметы, пачуцці, вобразы і г. д. Ажыццяўляецца гэта праз ужыванне антанімічных пар, а кантраст мацней падкрэсліваецца за кошт выкарыстання прыёму сінтаксічнага паралелізму: *З разумным пагавары – розуму набярэшся, а з дурнем – і свой страціш* [1, с. 205]; *Вяселле славіцца песнямі, хаўтуры – плачам* [1, с. 196]; *Добрая слава людзей збірае, а дрэнная – разганяе* [1, с. 89]; *Адзін з агнём, другі з вадою* [1, с. 88]; *Бедавальнікаў многа, а ратавальнікаў мала* [1, с. 88]. Прыказка або прымаўка імкнецца да выкарыстання антытэзы з мэтай максімальна яркага выражэння сэнсу: *Паноў радасць збірае, а мужыкоў – гора* [1, с. 70]; *Багатым жыццё, а бедным выццё* [1, с. 60]; *Дурань з дурнем сварыцца, разумны з разумным цешыцца* [1, с. 154]; *Праўда халодная, а манá цёплая* [1, с. 301]; *Згода будзе, нязгода руйнуе* [1, с. 86]. Тым не менш антытэза ствараецца ў парэмічных канструкцыях не толькі за кошт лексічных антонімаў, але і за кошт разнародных паняццяў: *Калі вераць, не бажыся, калі б’юць, не прасія* [1, с. 210]; *Лета збірае, а зіма праядае* [1, с. 107]. У выніку ў значэнні парэмічнай канструкцыі ўзнікае з’ява, блізкая да кантэкстуальна абумоўленай антаніміі.

Разгледжаныя прыклады выкарыстання антытэзы ў беларускіх прыказках і прымаўках паказваюць, што гэты прыём добра спалучецца з іншымі сродкамі моўнай выразнасці, а таксама садзейнічае ўзмацненню значэння парэмій. Гіпербала – адзін з асноўных сродкаў мастацкай выразнасці, які выкарыстоўваецца ў народных выслоўях. Такі прыём дапамагае максімальна ярка прадставіць будзённыя, тыповыя з’явы ў парэмічных канструкцыях. Адзначым, што ў прыказках і прымаўках гіпербала выкарыстоўваецца не зусім звычайна: яна рэдка выяўляецца на словаўтваральным узроўні, а само перабольшанне часцей ствараецца не за кошт слоў з экспрэсіўным значэннем, а з дапамогай яркага супастаўлення або катэгарычнага разважання. Па гэтай прычыне гіпербала ў тэкстах прыказак і прымавак нярэдка суседнічае з антытэзай: *Дзе людзі бяднеюць, там паны багацеюць* [1, с. 62]; *Бедны пот лье, а багаты яго кроў п’е* [1, с. 60].

Варта адзначыць, што не заўсёды антытэза звязана з паралелізмам. Напрыклад: *Рада людзей гуртуе, а крык і свіст разганяе* [1, с. 93]; *Радні багата, а наабедаць няма дзе* [1, с. 141]; *Дзесяць дуг, а каня няма* [1, с. 266]; *Спадзяваўся навячэрацца, ажно кума есці не варыла* [1, с. 236]; *Малая граната, ды многа толку* [1, с. 55]. І наадварот, выкарыстанне паралелізму не заўсёды суправаджаецца антытэзай: *Куранят увосень лічаць, а бітых фашыстаў круглы год* [1, с. 55]; *Усіх коней перагоніш – гадоў не дагоніш* [1, с. 173].

Вельмі часта беларускія прыказкі і прымаўкі, пабудаваныя з выкарыстаннем прыёму сінтаксічнага паралелізму, праз параўнанне выражаюць значэнне падобнасці: *Якая птушка, такое і гняздзечка* [1, с. 148]; *На пазычаным хлебе касіць – што на лечаным кані ў дарогу ехаць* [1, с. 67]. У такім выпадку ў парэмічных тэкстах асноўным сродкам выяўлення падобнасці выступаюць лексічныя паўторы (*Як добрая свякроў, то добрая і нявестка* [1, с. 148]) і кантэкстуальныя сінонімы (*З дурным сварыцца, як з вадою біцца* [1, с. 268]; *У каго дзеці, у таго шчасце* [1, с. 144]). Акрамя таго, эфект падобнасці вельмі часта дасягаецца за кошт займеннікава-суадносных пар: *Які госць, такое і частаванне* [1, с. 96]; *Які куст, такі і адростак* [1, с. 148]; *Які Хомка, такая яго і жонка* [1, с. 148]; *Як ты мне, так я табе* [1, с. 96]; *Як будзем рабіць, так і будзем радзіць* [1, с. 121].

Параўнанне, заснаванае на супастаўленні, таксама прадстаўлена ў парэмічных тэкстах: *У адных кірмаш, а ў другіх жыцця нямаш* [1, с. 286]; *Тварык беленькі, ды розум дробненькі*

[1, с. 181]; *Дождж не дубіна – і я (мы) не гліна* [1, с. 202]; *Шукае цар царыцы, а пастух пастушыцы* [1, с. 96]; *Вясну хваляць за дажджы і сонца, а лета – за снапы і вазы* [1, с. 99]; *Гарбатага выпрасае магіла, а ўпартага – дубіна* [1, с. 129].

Параўнанне, заснаванае на градацыі, прадстаўлена ў парэмічных канструкцыях, якія пабудаваны часцей за ўсё як складаназалежныя сказы: *Адкуль дым, адтуль і полымя* [1, с. 190]; *Калі з'елі кароўку, то з'ежце і вяроўку* [1, с. 75]; *Калі ў школе з матчынай гаворкі пасмяецца, то на старасці ад маткі адрачэцца* [1, с. 82]; *Чыя сіла, таго і праўда* [1, с. 77]; *Дзе адзін пануе, там сто гаруе* [1, с. 62]; *Пакуль з багатага пух, то з беднага дух* [1, с. 69]. У адзінкавых выпадках прыём градацыі прадстаўлены ў складаных канструкцыях іншай будовы, напрыклад, у складаных сказах з рознымі відамі сувязі: *Бацька памрэ, то палавіна сіраты, а як маці памрэ, то цэлая сірата* [1, с. 128].

Сінтаксічны паралелізм, які выкарыстоўваецца ў народных выслоўях, часта суправаджаецца марфалагічным паралелізмам, што заснаваны на наяўнасці аднолькавых словаформ: *Адзін з сошкаю, а сямёра з ложкаю* [1, с. 59]; *Багаты зажабруе, а каваль запануе* [1, с. 59]; *На базары долі не купіш, а ў судзе праўды не знойдзеш* [1, с. 76]; *Сівізна ў бараду, а чорт у рабрыну* [1, с. 151]; *Быль як смала, а небыліца як вадзіца* [1, с. 158]; *Боты новыя, а пяты голяы* [1, с. 177]; *Зямлю не ўгноіш – і хлеба не намалоціш* [1, с. 103]; *Старасць – не радасць, а смерць – не пацеха* [1, с. 151]; *Старасць – не радасць, доўг – не карысць* [1, с. 151].

Акрамя таго, немалаважную ролю пры пабудове парэмічных канструкцый адыгрывае вобразны паралелізм, у аснове якога ляжыць упадабленне дзеянняў або стану людзей працэсам, што адбываюцца ў прыродзе: *Мужык багаты – яму добра, сабака кудлаты – яму цёпла* [1, с. 67]; *Рыба шукае, дзе глыбей, а чалавек – дзе ляпей* [1, с. 233]; *Жні пшанічку прызеляненькую, аддавай дачку маладзенькую* [1, с. 132]; *Курыца – не птушка, нявестка – не дачушка* [1, с. 135]. Прыродныя з'явы праясняюць дзеянні людзей, даюць магчымасць ацаніць іх. Такім чынам, гэты прыём – паралель двух вобразаў: першы адлюстроўвае адносіны паміж людзьмі, другі – адносіны ў прыродзе.

У многіх прыказках і прымаўках прысутнічае рытмічны паралелізм, які часта ўзмацняецца шляхам выкарыстання розных лексіка-семантычных варыянтаў адной лексемы: *Госцікі – за стол, лішні – хоць пад стол* [1, с. 89]; *На чужыне чужы да чужога, як у лесе сляпы да сляпога* [1, с. 142]; *Ад добрага цяжэй адвыкаць, як да добрага прывыкаць* [1, с. 190]; *Не чалавек для грошай, а грошы для чалавека* [1, с. 227]; *Кумка кумцы па сакрэту, а кумка – усяму свету* [1, с. 299]; *Не спяшайся языком, а спяшайся справаю* [1, с. 225]; *Не хваліся сеўшы, а хваліся з'еўшы* [1, с. 227].

У навуковай літаратуры паводле структурнай арганізацыі адрозніваюць просты і разгорнуты паралелізм. Просты паралелізм «у якасці аб'екта супастаўлення вылучае адну прымету» [2, с. 164]: *У гасцях добра, а дома лепей* [1, с. 94]; *Думай з вечару, а рабі з рання* [1, с. 202]. Разгорнуты паралелізм «змяшчае некалькі агульных прымет прадметаў супастаўлення і іх дзеянняў» [2, с. 164]: *Што край, то абычай, што горад, то нораў, а што галава, то розум* [1, с. 248]; *Галоднаму – ежы, халоднаму – цяпла, а сытаму – музыкі* [1, с. 197].

Акрамя структурнай арганізацыі, паралелізм характарызуецца з боку паўнаты яго рэалізацыі ў тэксе, у адпаведнасці з чым існуе падзел на поўны і частковы паралелізм. Пры поўным паралелізме «члены сказа расстаўлены ў адной паслядоўнасці і выражаны аднолькавымі формамі, што стварае своеасаблівую сінтаксічную сіметрыю» [2, с. 165]: *Чорт душу выйме, а пан скуру здыме* [1, с. 73]; *У будны дзень згуляць грэх, а ў святы дзень зрабіць не грэх* [1, с. 117]; *Матка плача па дзіцяці ад веку да веку, а жонка па гаспадару ад рання да змяркання* [1, с. 136]; *Еду ціха – са мною ліха, еду скоро – са мною гора* [1, с. 63]; *Ідзі хутка – бяду здагоніш, ідзі навалі – цябе здагоніць* [1, с. 64]. Пры частковым (няпоўным) паралелізме «члены сумежных сказаў размяшчаюцца ў адвольным парадку» [2, с. 165]: *Які палец ні парэж, то ўсякаму баліць, – хоць якому дзіцяці кепска, то ўсё бацькам баліць* [1, с. 64]; *У людзях завуць Анання, а ў дварэ (дома) няма яму такога наймя* [1, с. 316]; *Як ратавалі, сякеру далі, а як выратавалі – ані тапарышча* [1, с. 319]; *Дзе стары куст, там двор не пуст* [1, с. 150]; *Дзе нянек многа, там дзіця бязнога* [1, с. 266].

Варта падкрэсліць, што наяўнасць у арганізацыі парэмічных канструкцый сінтаксічнага паралелізму з'яўляецца адной з асаблівасцей гэтых кароткіх народных выслоўяў, якія па сваёй структуры суадносяцца з рознымі тыпамі сказаў:

1) простымі двухсастаўнымі сказамі, калі паралелізм прадстаўлены, як правіла, у арганізацыі граматычнай асновы (паміж дзейнікам і выказнікам): *Дзень пражыць – фашыста ўлажыць* [1, с. 54]; *З ваўкамі жыць – па-воўчаму выць* [1, с. 75]; *Хату зрабіць – не скрынку збіць* [1, с. 118]; *Дзетак узгадаваць – не грыбкаў назбіраць* [1, с. 131];

2) простымі аднасастаўнымі сказамі, дзе сінтаксічны паралелізм выяўляецца часцей за ўсё паміж аднароднымі членамі: *Бойся быка спераду, каня ззаду, а дурня з усіх чатырох бакоў* [1, с. 193]; *Купляй вопратку шытую, а хату крытую* [1, с. 214];

3) складаназлучанымі сказамі: *Хоць рукі чорныя, але работа белая* [1, с. 119]; *Адны каюцца, а другія спяшаюцца* [1, с. 190]; *З табою добра і без цябе някепска* [1, с. 205]; *Матка дзяцей вучыць, а мачыха сушыць* [1, с. 136]; *Ад парады язык не адваліцца і зубы не высыплюцца* [1, с. 88]; *Увосень любага гасця частуюць малаком, а нялюбага – мядком* [1, с. 118]; *У гультая і страхá цячэ, і печ не пячэ* [1, с. 261]; *І службу службы, і сябру дапамажы* [1, с. 91]; *У людзей пытай, але свой розум май* [1, с. 239]; *Малады расце (малады мацуецца), а стары да зямлі хіліцца* [1, с. 151]; *Малады сілу наказвае, а стары спосабу шукае* [1, с. 151]; *Абыякі двойчы робіць, а скупы тройчы траціць* [1, с. 252]; *Адно ў мыслях, а другое на языку* [1, с. 309]; *З воч іскры сыплюцца, а з языка мёд цячэ* [1, с. 311]; *Знайка па дарожцы бяжыць, а нязнайка на печы ляжыць* [1, с. 206]; *Сон на заўтра адлажы, а справу сёння зрабі* [1, с. 116]; *Яду на заўтра адлажы, а справу сёння зрабі* [1, с. 121]; *У стральца дым густы, ды абед пусты* [1, с. 118]; *Пушыны хлеб – не голад, а зрэбная кашуля – не галізна* [1, с. 172]; *Парожня бочка звініць, а поўная маўчыць* [1, с. 301]; *Свіння не родзіць бабра, а сава не выведзе арла* [1, с. 234]; *Не глядзі на мяне, на фэст ідучы, а глядзі на мяне, лён тручы* [1, с. 137]; *Радасць не ў дастатку і шчасце не ў багаці* [1, с. 232]; *І воўк сыты і козы цэлыя* [1, с. 207]; *Згодаю двор збудуеш, а нязгодаю – гатовае разгубіш* [1, с. 86];

4) складаназалежнымі сказамі: *Там добрая рада, дзе шчырая парада* [1, с. 94]; *Куды людзі, туды і я* [1, с. 86]; *Адкуль прыйшоў, туды і пайшоў* [1, с. 190]; *Як матка памерла, дык бацька аслеп* [1, с. 148]; *Як будуць граць, так будзем і скакаць* [1, с. 188]; *Як няма рыбы без косці, так няма чалавека без злосці* [1, с. 250]; *Хто спяшае, той перарабляе* [1, с. 244]; *Дзе пакачаецца скацінка, там застанецца шарсіцінка* [1, с. 200]; *Дзе хвост дрыжыць, там галава маўчыць* [1, с. 200]; *Лепей у сваіх людзях з голаду паміраць, чым у чужых людзях золата збіраць* [1, с. 82]; *Як сіла слабая, то і доля благая* [1, с. 176]; *Дзе гультай ходзіць, там зямля не родзіць* [1, с. 255];

5) бяззлучнікавымі складанымі сказамі: *Адны пануюць, другія гаруюць* [1, с. 58]; *Згода збірае, нязгода растрасае* [1, с. 86]; *Няцяжка зрабіць – цяжка надумаць* [1, с. 156]; *Недасол на сталі, перасол на спіне* [1, с. 171]; *Багата снегу – багата хлеба* [1, с. 97]; *Глыбей узарэш – болей зярэш* [1, с. 100]; *Маеш дачку – май і гарэлачку ў глячку* [1, с. 135]; *Фашыст за сталом – свіння ў карыце* [1, с. 57]; *Палавіна свету скача, палавіна свету плача* [1, с. 69]; *Радзіма – матка, чужына – мачыха* [1, с. 83]; *Трэба дровы – будуйся, трэба хлеб – ажаніся* [1, с. 238]; *Старасць – не радасць, доўг – не карысць* [1, с. 151]; *Млын меле – мука будзе, язык меле – бяда будзе* [1, с. 299]; *Жэняцца – скачуць, разводзяцца – плачуць* [1, с. 132]; *Ад яблыні яблык, ад елкі шышка* [1, с. 182]; *Тут былі фашыстам куры, тут былі ім і хаўтуры* [1, с. 56]; *Гаспадар за чарку – жонка ў сварку* [1, с. 129];

6) складанымі сказамі з рознымі відамі сувязі: *Гаспадыня – за талерачку, гаспадар – за гарэлачку, а гасць – у гасцях* [1, с. 88]; *Зямля сялянская, лясы партызанскія, шаша нямецкая, а ўлада савецкая* [1, с. 54]; *Не пытайся, ці галоўка гладка, а пытайся, ці падмеценая хатка* [1, с. 110]; *Не той чалавек, што грошы мае, а той чалавек, што няпраўды не мае* [1, с. 161]; *Не так будзе, як пан скажа, а так будзе, як мужык зробіць* [1, с. 68]; *Пакуль да бога, то чорт душу выйме, пакуль да цара, то пан скуру здыме* [1, с. 69]; *Што дурань сапсуе, разумны паправіць, што разумны сапсуе, ніхто не паправіць* [1, с. 157]; *Як ідзе дожджык у сакаўцы, то хлеба будзе ў рукаўцы, а як ідзе дождж у май, то хлеба будзе і на гультай* [1, с. 122]; *І жыў – не любіла, і памёр – не тужыла* [1, с. 133]; *Калі любіш – ажаніся, а не любіш – адкасіся* [1, с. 134]; *Не кажы, што бацька ўзяў, а кажы, што бацька даў* [1, с. 137].

Падкрэслім, што ў складаных сказах камбінаванай будовы характэрна парнае размяшчэнне прэдыкатыўных частак: *Не тая радзіна, што мяне радзіла, а тая радзіна, што жонку радзіла* [1, с. 138]; *Як малое падае, то анёл з пярынкаю, а як старое, то чорт з бараною* [1, с. 152]; *Конь вырвецца – здагоніш і зловіш, а слова вырвецца – не зловіш* [1, с. 160]; *Ніхто не бача, як сірата плача, але ўсякі бача, як сірата скача* [1, с. 139]; *Усякі бачыць, што на мне, ды ніхто не бачыць, што ўва мне* [1, с. 181].

Такім чынам, сінтаксічны паралелізм – мастацкі прыём, з дапамогай якога ўзмацняецца энергія, сіла сцвярджэння выказвання, рытмічнасць маўлення. Беларускія прыказкі і прымаўкі ўвасабляюць сабой узоры народнай мудрасці, а паралельныя сінтаксічныя канструкцыі, якімі яны прадстаўлены, акцэнтуюць увагу чытача (слухача) на пэўнай думцы, падкрэсліваючы сувязі некалькіх элементаў. Акрамя таго, паралелізм, выконваючы экспрэсіўную функцыю, узмацняе эмацыянальнасць выказвання і надае яму асобы дынамізм.

Літаратура

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 494 с.
2. Станкевіч, А. А. Рыторыка : вучэб. дапам. / А. А. Станкевіч. – Мінск : РІВШ, 2010. – 316 с.
3. Людзей слухай, а свой розум май : Беларускія народныя казкі / апрацоўка А. Якімовіча. – Мінск : Юнацтва, 1988. – 207 с.

Гомельскі гасударственный
медыцынскі университет

Поступила в редакцию 19.01.2024

Неканонические способы выражения критики в научной дискуссии

О.Н. ЧАЛОВА

В статье выделяются и характеризуются основные случаи «отклонений» (девиаций) от коммуникативных стандартов научного общения, устанавливаются причины модификации первичных параметров научного дискурса, к числу которых прежде всего относятся его жанровая принадлежность, а также форма существования. В заключение формулируется вывод о небеспредельности дискурсивных модификаций и об обусловленности их границ конститутивными признаками научного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, речевой акт, критическое замечание, речевое воздействие, принципы конструктивного общения.

The research examines the main types of «deviations» from the communicative standards of a scientific communication as well as the reasons for modifying the primary parameters of a scientific communication that mainly include both the genre affiliation of a scientific discourse and the form of its developing. In conclusion, the limited character of discursive «deviations» is stated as well as the dependence of the restrictions imposed on deviations on the primary principles of a scientific discourse.

Keywords: discourse, scientific discourse, speech act, critical statement, speech persuasion, principles of a constructive communication.

Введение. Научный дискурс обладает конкретными чертами и соответствует определенным прагматическим канонам, в частности принципу кооперации (Г.П. Грайс) и принципу вежливости (Дж. Лич) как традиционным принципам конструктивного общения.

По крайней мере с таких позиций научный дискурс рассматривается в рамках стилистического анализа, где он трактуется как фиксированный набор признаков и свойств и характеризуется как речь, ориентированная исключительно на выработку нового знания и отвечающая требованиям объективности, четкости, логичности, толерантности и проч.

Однако в реальной практике научной коммуникации обнаруживаются регулярные отклонения от описанных в лингвистической литературе канонов научной речи, что обуславливается жанровой спецификой научного общения, текущими условиями и обстоятельствами общения, статусно-ролевыми характеристиками участников, их интенциями и установками и проч. ([1]–[6] и др.).

Во всяком случае коммуникативные девиации наблюдаются в таком жанре научного дискурса, как *устная научная дискуссия (научный диалог)*, прагматическое своеобразие которой (полемический характер, быстрая смена реплик и др.) сдвигает общепризнанные нормы речевого общения в сфере науки, мотивирует использование способов воздействия на адресата, не соответствующих «идеалу» научной коммуникации, но при этом способствующих либо существенно не препятствующих продуктивности научного общения.

По нашим данным, в научной дискуссии к числу приемлемых для научного общения отступлений от принципов кооперативного речевого поведения целесообразно относить некоторые отклонения от постулатов релевантности, количества, качества и способа, а также от принципа вежливости *в ситуации выражения критики*. Рассмотрению этих отклонений, не наносящих серьезного урона содержательной стороне научного диалога в целом (хотя иногда и приводящим к незначительным коммуникативным неудачам на определенном участке речевого взаимодействия), а также выявлению причин их использования, и посвящена настоящая работа. Решение этой задачи может позволить расширить наши представления о границах коммуникативного пространства научного дискурса.

Как известно, *критика* (во всем многообразии ее проявлений – от несогласия с научной позицией собеседника до отрицательной характеристики его конкретного высказывания) является неотъемлемым компонентом научного дискурса, в том числе и научной дискуссии, поскольку представляет собой действенный инструмент верификации знаний, надежный вид экспертизы качества научной деятельности.

Согласно содержательным и этикетным стандартам научной речи, **каноническое критическое замечание** в научной дискуссии должно представлять собой (и в большинстве случаев представляет) корректно сформулированное **а) заявление** (прямое или косвенное) о «слабых» сторонах позиции оппонента или заявление о несогласии, сопровождаемое **б) доводами** в пользу данного заявления, а в некоторых случаях – и **в) деинтенсифицирующим компонентом**, например формулами вежливости (наподобие благодарности за участие в научном форуме) или констатацией своей неуверенности в неправомерности позиции оппонента. Другими словами, стандартная критика в научной дискуссии выстраивается по формуле:

«Критическое суждение = заявление о несогласии (или об уязвимых местах позиции оппонента) + доводы / аргументы + (опционально) деинтенсифицирующий компонент», где факультативность последнего компонента объясняется кооперативным характером выражения других элементов критического замечания.

Так, критическое замечание (несогласие с мнением коллеги) *«Тогда следующий вопрос на счет различия экспериментальной и инновационной работы. Я с этим не соглашусь, и вот по какой причине. Любая инновация представляет собой образчик, выполненный в некоторой системе. <...> Поэтому освоение кем-то созданной инновации – процесс, на мой взгляд, экспериментальный»* можно вполне трактовать как каноническое, поскольку оно содержит все элементы предлагаемой формулы, а именно констатацию несогласия, аргументативную часть и деинтенсифицирующий компонент (*на мой взгляд*).

Любые содержательные или этикетные отступления от этой формулы можно рассматривать в качестве **неканонических способов выражения критики**.

Несмотря на то, что неканонические виды критики в той или иной степени нарушают принципы и постулаты общения, они обнаруживаются в целом ряде научных дискуссий, пусть и в качестве исключения. Такая регулярность и стабильность подобных исключений позволяет приписать им статус элемента, обязательного для отображения действительности, а соответственно, отнести к разряду варианта нормы, хотя и неконвенциональной.

Основная часть. Остановимся подробнее на **основных видах неканонической (неконвенциональной) критики**, представленных в научной дискуссии.

1. Апелляция к личности. Под апелляцией к личности подразумевается дискредитация не конкретной позиции ученого (или группы ученых), а его самого как исследователя или человека, его профессиональной и повседневной деятельности в целом: *Наверное, есть какие-то случаи такого рода, о которых вы говорите, хотя я думаю, что когда представители других наук, в частности, философии, цитируют что-то, касающееся происхождения слов, то всё-таки они берут это у лингвистов, не обязательно у такого рода любительских лингвистов* (в данном случае критика представлена в форме ироничного комментария по поводу профессиональных качеств оппонента).

В основе данного вида критики лежит референтный сдвиг, то есть смена объекта негативной оценки (с конкретного суждения на автора этого суждения или школы / организации, к которой он принадлежит), и прием обобщения / преувеличения:

Мне кажется, катастрофические прогнозы строятся некомпетентными людьми, причем степень их невежественности поражает.

(1): *Не совсем так. В таком смысле я не могу...*

(2): *Жалко. Это портит твою профессиональную позицию.*

Безусловно, такое речевое поведение нельзя считать корректным, поскольку оно слабо содействует реализации глобальной цели научного дискурса – решению определенной научной проблемы и приращению знания. Кроме того, апелляция к личности носит деструктивный характер не только в аспекте содержательного развития научного диалога, но и с этикетной точки зрения, так как нарушает один из главнейших постулатов научного общения – дружеское и вежливое отношение к собеседнику. Тем не менее подобная критика имеет место в научных дискуссиях, что, вероятно, объясняется причинами субъективного порядка, личностными свойствами критикующего, его сильным стремлением четко обозначить свою позицию в отношении конкретного лица и оказать сильное императивное воздействие на адресата.

Как видно, апелляция к личности может принимать форму **навешивания ярлыков**, проявляющуюся в приписывании оппоненту негативных качеств на основании истинной или кажущейся ошибочности его мнения. Так, в примере ниже несогласие с теорией замедления Гольфстрима, которое (несогласие) уже само по себе носит ярко выраженный экспрессивный характер за счет использования стилистически сниженного слова «чушь», подкрепляется обвинениями в некомпетентности тех, кто отстаивает данную точку зрения:

(1): *Спасибо. И последний вопрос по поводу течений в Мировом океане. Время от времени появляется информация о том, что прогнозируются какие-то изменения с Гольфстримом. Вы можете это как-то прокомментировать?*

(2): **Могу двумя словами – чушь полная.** *Прогнозируется то, что интенсивность Гольфстрима уменьшится до такой степени, что Северная Атлантика покроется льдом, и, соответственно, Нью-Йорк, Лондон, Париж приобретут климат, близкий к сибирскому. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. **К таким выводам могут приходиться только люди, плохо знакомые с историей климата.** <...>.*

Автор приведенной реплики в категоричной и бескомпромиссной форме формулирует вывод о малограмотности (в области истории климата) сторонников концепции усиливающегося замедления Гольфстрима (*К таким выводам могут приходиться только люди, плохо знакомые с историей климата*) и, таким образом, формирует негативный образ последних, несмотря на то что изначально запроса на оценку их профессионализма не поступало со стороны других участников научной дискуссии. В этой связи анализируемое критическое замечание стоит квалифицировать не просто как невежливое, но и некооперативное сообщение в самом широком смысле, поскольку оно не соответствует одной из базовых категорий гармоничного речевого поведения – категории отношения / релевантности («Не отклоняйся от темы»).

Еще более ярко прием навешивания ярлыков манифестируется в репликах, где критике подвергается не обобщенный образ ученого или научного сообщества, а конкретный человек, ср.: (о Марии Монтессори) *Правильно. Вы нашли себе **неудавшегося поэта и неудавшегося театрала**, который переквалифицировался в педагога... Чтобы не было концов, чтобы там, дальше, уже нельзя было найти предтечи.*

Автор приведенной реплики не только в довольно экспрессивной форме не соглашается с мнением коллеги, а параллельно с этим подвергает жесткой критике еще одного ученого (Марию Монтессори), которая характеризуется им как неудачница, человек, несостоявшийся сразу в нескольких сферах жизни, что совершается с целью умаления ее авторитета не только в обозначенных областях (поэзия и театр), но и педагогике. Однако наличие ошибок в прошлом вовсе не означает, что при смене деятельности человек также потерпит фиаско. Другими словами, констатация несостоятельности М. Монтессори как педагога является некорректным и нарушает такой постулат кооперативного речевого поведения, как качество («Говори то, на что имеешь достаточно оснований»). Более того, подобные критические замечания противоречат и принципу вежливости, основанному на уважении позиции оппонента, но при этом превращают научную дискуссию из «бледной и бесстрастной фотографии действительности» (В.Л. Наер) в живое и эмоциональное общение, не лишенное личностного начала.

2. Апелляция к негативным эмоциям. Если апелляция к рациональному является абсолютной нормой для научной дискуссии, то апелляция к эмоциям (грусти, гнева, ужаса, страха, удивления, умиления, отвращения, недовольства, настороженности, недоумение, возмущение, раздражение и другим негативным переживаниям, вызванным несогласием с конкретной научной позицией) – относительной: *У меня два вопроса. Первый – **недоумение**: почему ты выделяешь проблематизацию средств, а не всего содержания методологической работы? или Меня **ужасно раздражало и смущало** в этом всё слово «психология». Какая психология? Что такое вообще психология? <...>.*

Спорадический характер подобного рода критики обусловлен ее несоответствием базовым принципам научного дискурса (объективности, логичности и проч.), ср.: *Я люблю Индию и об Индии сейчас пишу, и мне просто каждый раз **больно** слышать теорию входа арийцев, и она повторяется в учебниках, везде. Это ужасно. А если мы перевернем все представление о ходе и движении рас и языков, то это все должно отпасть само собой.* В то же время апелляция к не-

гитивным переживаниям с присущей ей избыточной эмоциональностью служит средством демонстрации заинтересованности коммуникантов в предмете обсуждения, в научном диалоге, в его участниках и их воззрениях. Более того, такое несогласие стоит считать приемом, не столько повышающим эмоциональный фон дискуссии, сколько средством, понижающим степень ее полемичности, устоявшимся способом маскировки интеллектуальной оценки (негативной).

3. Указание на нелепость взглядов оппонента. Указание на нелепость взглядов оппонента – это ещё одна разновидность критики, отличающаяся резкостью и категоричностью, в том числе и за счет использования стилистически сниженной лексики, и напоминая описанную выше ссылку на эмоции. Только если в предыдущем случае эмоциональная оценка (смещающаяся в сторону интеллектуальной) представляет собой прямое указание на чувства автора, то ссылка на нелепость позиции оппонента – имплицитную апелляцию к негативным переживаниям (возмущению, гневу, недоумению, ужасу, отвращению и др.), обусловленную полным несогласием с положениями коллеги:

Должен быть присвоен инвентарный номер! Какой музей, где нет инвентарного номера единицы хранения? Что вы ерунду говорите? Скажите, какой музей.

Многие фразы, написанные здесь, просто уму непостижимы, и в этом смысле я не могу оценить текст, потому что я его не понимаю.

Теперь по поводу того, о чем говорилось в ходе дискуссии. Есть некоторые формулировки, которые вызывают у меня желание схватиться за голову. <...> И вторая формулировка, от которой хочется залезть на стену – «нормальное общество». Я не знаю, что такое «нормальное общество».

Это фантастический бред по поводу того, что происходило с климатом Северного Ледовитого океана.

На первый взгляд, приведенные формулировки противоречат всем возможным принципам и постулатам кооперативного общения, но, с другой стороны, разнообразят речевой процесс и в силу специфики своей формы (в некоторых случаях стилистически сниженной) служат средством быстрого и эффективного воздействия на адресата, позволяющим последнему посмотреть на подлежащие защите положения по-другому и пересмотреть свои взгляды.

4. Интенсифицированное несогласие. *Интенсифицированное несогласие* – несогласие, содержащее высокую концентрацию ссылок на изъяны и неточности (*Для меня схема мыследеятельности как онтологическая схема – ложная. Она ничего не представляет как модель процессов мыследеятельности, как оно вводилось в наших рассуждениях. На мой взгляд, там огромное количество графических ошибок. Графемы там неадекватны*), а также языковые или речевые повторы, иногда в сочетании со специальными словами-акцентуаторами (*очень, сильно, абсолютно* и др.), указывающими на избыточную степень проявления качества: *Я абсолютно не согласен с тем, что либерализм – это не о том, как свергнуть старый строй. Подчеркну, я абсолютно не согласен с тем, что либерализм в целом, а не отдельные его течения, против революции.*

Как видно из последнего примера, несмотря на некоторую навязчивость и категоричность повторов-несогласий, а также их отступление от постулата количества (выделяемого в теории кооперативного речевого поведения), они выполняют ряд важных для научного диалога функций, прежде всего выделительную, привлекают внимание оппонента и окружающих к уязвимым «местам» положений, а также играют уточняющую роль.

5. Неаргументированная критика. Не подкрепленная доводами критика нарушает аргументативную логику рассуждения (*Я в этом сомневаюсь*), а если при этом содержит стилистически сниженную лексику (*Бред это всё! Мифы ваши!.. Вульгарного сенсуализма!..*), то и повышает степень эмоциональности диалога, что в очередной раз противоречит принципам традиционной научной речи.

Тем не менее содержательная насыщенность научной коммуникации обычно настолько высока, что отдельные малоинформативные эпизоды, наподобие неаргументированной критики, не оказывают на развитие научного общения хоть сколько-нибудь ощутимого отрицательного воздействия и, по всей видимости, используются целенаправленно, с целью максимального сжатого изложения данных, экономии времени и оказания как можно более быстрого воздействия на оппонента и получения от него мгновенной вербальной реакции.

6. Критика, перебивающая оппонента. Хотя научная речь едва ли ассоциируется с прерыванием человека, перебивания в научной дискуссии – явление естественное, поскольку служит средством мгновенного перераспределения коммуникативной инициативы. Критическое замечание, перебивающее партнера, одновременно является инструментом захвата речевой инициативы, то есть достаточно недружелюбным способом взять слово, и вместе с тем – средством его передачи критикуемому лицу, который вынужден защищать свои взгляды:

(1): *...Но все, что я говорил про то, что гражданское общество – это не сфера, а способ действий...* – (2): *...Я когда Кина излагал, я сказал, что независимость от государства – это либеральный блеф.*

Прерывающая критика редко приводит к коммуникативным сбоям. Более того, благодаря перебиваниям научный диалог приобретает динамичность и ярко выраженный полемический характер, который необходим для интенсификации мыслительной деятельности коммуникантов и благоприятного (в содержательном плане) исхода дискуссии.

7. Ироничная критика. На первый взгляд, ирония тоже может показаться элементом, чуждым научному диалогу. По крайней мере, она противоречит таким качествам научной речи, как эксплицитность, четкость, точность и др. и является достаточно жестким способом дискредитации оппонента, поскольку используется с целью насмешки и издевки:

Светлана: *Мне кажется, что лекция достаточно длинная и в чем-то интересная, но вы банальны: доброта, альтруизм и другие общественно-полезные качества людей имеют отчасти наследственную, генетическую природу. И все?*

То есть ничего нового не добавил? Взял кантовскую типологию и углубил её.

Историку Анфимову, по-моему, было бы лучше его последнюю работу, «Неоконченные споры», не писать.

Во всех трех примерах ирония ориентирована на то, чтобы свести на нет усилия автора. Если в первых двух случаях ирония, сосредоточенная во фразах «И всё?» и «То есть ничего нового не добавил?», фактически направлена на констатацию бессмысленности доклада коллеги и обесценивание значимости его выступления, то в третьем случае ирония, актуализирующаяся посредством совета, выражает скептическое отношение к качеству более значимой работы и имеет целью нанести более серьезный урон авторитету собеседника.

Еще более дискредитирующий характер носит ирония, использованная по отношению к профессиональным качествам ученого в целом. Такая ирония может реализовываться посредством слов с уничижительной семантикой, либо изначально заложенной, либо приобретаемой в контексте, как в случае с неопределенным местоимением «некий», которое в конкретных ситуациях является негативно-окрашенным, ср.: *В сегодняшних или вчерашних «Аргументах и фактах» я прочел уже восьмую серию **некоего** доктора философских наук (**даже не помню его фамилию и не хочу помнить**).* В данном примере ирония, содержащаяся в слове «некий» и подкрепленная фразой «*даже не помню его фамилию и не хочу помнить*» на осуждение характера всей профессиональной деятельности ученого, на то, чтобы отнести его к числу незначительных отрицательных персонажей.

Конечно, ироничная критика в научной дискуссии бывает менее агрессивной, и в этом случае она приобретает развлекательные свойства, разряжает обстановку, разнообразит процесс обсуждения проблемы, ср.: (1): *Вы в это верите?* – (2): *Я, в общем, часто в таких...* – (3): ***Вы социальный романтик, да?***

Таким образом, несмотря на свой неоднозначный характер, прием иронии достаточно широко представлен в научной дискуссии, что оправдывается его высоким прагматическим потенциалом. Во-первых, ирония, которая представляет собой имплицитную, но при этом как правило легко считываемую критику, выполняет аксиологическую функцию, что относится к ее первоочередным задачам, во-вторых, регулирует статусно-ролевые отношения между участниками научного диалога через установление асимметричных отношений доминирования-подчинения между участниками коммуникации (говорящим, адресатом и объектом иронии) [7, с. 15–16], в-третьих, привлекает особое внимание к моменту обсуждения и имеет развлекательный характер.

8. Критика, смягченная неординарным способом. Смягченная критика (например, посредством указания на положительные моменты исследования: *Она движется в своей логике и даёт нам интересный материал. Но мышление остановилось там*) встречается в научной дискуссии нередко, поскольку, во-первых, способствует реализации принципов толерантного и вежливого общения, а во-вторых, интенсифицирует мыслительную деятельность адресата, побуждает его домысливать отрицательнооценочный компонент реплики, который обязательно последует за положительнооценочным, и, соответственно, верифицировать свои умозаключения.

Если смягчение критики само по себе является обыденным для научной коммуникации феноменом, то появление отдельных способов смягчения критики вызывает вопросы, а оправданность их использования требует пояснений, например: **Я настолько люблю Юрия Михайловича как автора, что с моей стороны хвалить его значит тратить время совершенно впустую.** Как видно, в данном случае смягчение несогласия отличается особой экспрессивностью, за счет использования такого речевого действия, как «признание в любви», не свойственного научной речи. Признание в любви даже в повседневной речи является весьма эмоциональным речевым актом, а оказываясь в пространстве научного дискурса, становится еще более аффективным, превращается в максимально эффективное и действенное средство достижения цели, в данном случае – деинтенсифицировать критику. В основе такой деинтенсификации лежит прием двойной смены оценки: во-первых, переключение с одного объекта оценки на другой (с конкретной научной позиции – на личность исследователя), а во-вторых, модификация вектора оценки – с отрицательной на положительную.

Понятно, что такие экспрессивные речевые акты являются достаточно редким явлением в научной дискуссии и используются в особых ситуациях, например с целью компенсации ущерба, который наносит репутации собеседника резкая критика. Подобная апелляция к профессиональным и личностным качествам коллеги полностью нивелирует направленную в его адрес критику, способствует укреплению его авторитета, ср.: (1): <...> *Вы можете как-то прокомментировать концепцию Светланы Бурлак <...>?* – (2): **Мне очень нравится она сама, но не ее концепция.** Очевидно, что фраза «Мне очень нравится она сама» направлена на минимизацию последствий, к которым может привести последующее несогласие.

Характеризуя систему неканонических способов и приемов выражения критики в целом, стоит отметить следующее:

1) в научной дискуссии одни виды неконвенциональной критики легко комбинируются друг с другом, что усиливает прагматическое воздействие несогласия на адресата (например, неаргументированная критика и указание на нелепость взглядов оппонента), а другие – редко встречаются вместе (например, указание на нелепость взглядов оппонента, с одной стороны, и ирония, с другой, в которых полемический компонент имеет настолько разное выражение – максимально эксплицитное и максимально имплицитное соответственно, что сочетание упомянутых способов выглядело бы как речевой парадокс);

2) каждый из указанных способов выполняет ряд полезных для развития научного диалога функций (от усиления воздействия на адресата до развлечения аудитории), описанных выше, и в силу своего высокого прагматического потенциала редко приводят к коммуникативным неудачам (наподобие **Что ты на меня напал, я тебе задал вопрос. Ты демократ и я демократ, а ты на меня нападаешь**), несмотря на их небезобидный характер. Более того, их присутствие в научном диалоге, наверное, можно в какой-то степени объяснить ленью человеческой мысли, ведь для формулировки и интерпретации завуалированного или аргументированного несогласия, соответствующего всем канонам научной речи, требуется более высокий уровень коммуникативной компетенции и серьезный когнитивный опыт участников речевого взаимодействия, чем для выражения резкой критики, упрощающей речь и делающей ее более доступной и легкой для понимания.

Заключение. Таким образом, диапазон разновидностей неканонической критики в научной дискуссии, с одной стороны, не отличается разнообразием, а с другой – не ограничивается всего несколькими способами, что свидетельствует об их особом статусе в структуре научного диалога – не обязательного, но и не маргинального элемента, превращающего стандартное для научной речи словоупотребление в неординарное.

Литература

1. Соловьева, Н. В. Толерантность в научной дискуссии : лингвостилистический аспект : на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Соловьева. – Пермь, 2007. – 244 л.
2. Дементьев, В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях : к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» / В. В. Дементьев // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (39). – С. 11–16.
3. Вольвак, Н. П. Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. П. Вольвак. – Владивосток, 2002. – 189 л.
4. Задворная, Е. Г. Эмоциональная оценка в научном диалоге / Е. Г. Задворная // Профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации : теория и практика : сб. науч. ст. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Е. В. Баланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 88–93.
5. Маслова, Л. Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
6. Нистратова, С. Л. Об экспрессивности синтаксических средств научной речи / С. Л. Нистратова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М., 2004. – Вып. 28. – 192 с.
7. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 50 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.09.2023

Тэматыка, праблематыка і паэтыка апавяданняў са зборніка «Сямнаццатай вясной» (1957) І.Я. Навуменкі

К.М. ЧАРОТА

Артыкул прысвечаны ранняй творчасці І.Я. Навуменкі. У ім комплексна даследуюцца апавяданні, якія ўвайшлі ў зборнік «Сямнаццатай вясной». Праведзены аналіз твораў дазволіў аўтару сцвярджаць, што яны прысвечаны тэме змагання беларускага народа з фашысцкімі захопнікамі падчас Вялікай Айчыннай вайны, маюць даволі высокі мастацкі ўзровень і вылучаюцца праўдзівасцю, шчырай непасрэднасцю, лірызмам, рамантычна-ўзнёслай танальнасцю, мяккім гумарам і тонкім аналізам псіхалогіі летуценных юнакоў.

Ключавыя словы: ваенная проза, апавяданне, І. Навуменка, вобраз героя, мастацкія сродкі.

The article is devoted to the early works of I.J. Navumienka. The short stories included in the collection «Seventeenth spring» are comprehensively examined in it. The analysis of the works allows the author to state that I.J. Navumienka demonstrates a sufficiently high artistic level in his early works. The short stories dedicated to the theme of the struggle of the Belarusian people against fascist invaders during the Great Patriotic War stand out for their veracity, ingenuousness, lyricism, romantic-sublime tonality, soft humor and subtle analysis of the psychology of dreamy young men.

Keywords: war prose, short story, I. Navumienka, image of the character, literary devices.

Іван Якаўлевіч Навуменка (1925–2006) – асоба шматграннага таленту: журналіст, пісьменнік, крытык, літаратуразнаўца, публіцыст, выкладчык, грамадскі дзеяч.

Свой шлях у літаратуру будучы народны пісьменнік Беларусі пачаў з напісання вершаў, якія былі апублікаваны ў розных абласных і рэспубліканскіх перыядычных выданнях: «Вясна» (29 мая 1946 г.), «Ты выйдзі, паслухай...» (5 снежня 1946 г.), «Ёлка» (1 студзеня 1947 г.), «Я голас аддам...» (9 лютага 1947 г.), «Загулі трактары...» (24 красавіка 1947 г.), «Брыгадзір» (7 лютага 1948 г.) і інш. Гэтыя свае першыя спробы праяўляў ацэньваў невысока і ў інтэрв'ю «Вяртанне ў маладосць» прызнаваўся: «...паэта, лічу, з мяне не атрымалася. Проза была бліжэй» [1, с. 84]. Толькі ў 1957 г. ўбачыла свет першая кніга пісьменніка – зборнік «Сямнаццатай вясной», у які, акрамя апавядання, што дало яму назву, увайшлі яшчэ два: «Трое з зялёнай будкі» і «Эх, махорачка...». Гэты дэбют Івана Якаўлевіча быў паспяховым. Крытыка добразычліва сустрэла дадзеную кнігу, адзначыўшы, што «ў беларускую літаратуру прыйшоў новы, цікавы прэзаік», «мінуючы па сутнасці тую “стадыю пачаткоўца”, якая звычайна цягнецца гадамі» [2, с. 3] (Тут і далей пераклад з рускай і іншых моў наш – К.Ч.), што аўтар валодае «добрай пісьменніцкай назіральнасцю» і ўмее «падмеціць у жыцці і ў людзях тое самае важнае і галоўнае, без чаго нельга зрабіць мастацкага абагульнення» [2, с. 3], што «пра даўно вядомае, ні адзін раз чулае пісьменнік расказвае нам так, што мы чытаем яго творы з вялікай прыемнасцю» [3, с. 182], што «з першых крокаў у літаратуры Іван Навуменка звярнуў на сябе ўвагу чытача свежым словам пра простага чалавека, шчырасцю інтанацый, тонкім лірызмам у спалучэнні з мяккім дасціпным гумарам» [4, с. 3], што «ў яго апавяданнях ёсць галоўнае, што патрэбна для літаратуры, – сапраўды мастацкае асэнсаванне жыцця, удумлівы падыход да жыццёвых з'яў, уменне аўтара карыстацца прыёмамі і сродкамі літаратурнай тэхнікі» [5, с. 151] і г. д.

Даволі высокі мастацкі ўзровень ужо першых апавяданняў І.Я. Навуменкі, на наш погляд, тлумачыцца некалькімі прычынамі. Нельга не пагадзіцца з Н. Гілевічам наконт таго, што на «такое хуткае разгортванне пісьменніцкага таленту» [2, с. 3] Івана Якаўлевіча паўплываў ужо дастаткова вялікі на той момант жыццёвы і прафесійны вопыт. Да выхаду зборніка «Сямнаццатай вясной» яго аўтар больш за дзесяць гадоў прапрацаваў журналістам, сцвердзіўся як літаратуразнавец, абараніўшы ў 1954 г. кандыдацкую дысертацыю. Значную ролю, на нашу думку, адыграла і тое, што майстэрства мастака слова І.Я. Навуменка паспеў адтачыць і адшліфаваць на надрукаваных у газеце «Звязда» і часопісе «Маладосць» нарысах, якія лічыў «прыступкай» да прозы [1, с. 84].

Апавяданні «Сямнацатай вясной» (1957), «Трое з зялёнай будкі» (1956) і «Эх, махорачка...» (1955), што склалі дэбютны зборнік пісьменніка, аб'ядноўвае адна тэма – змаганне беларускага народа з фашысцкімі захопнікамі падчас Вялікай Айчыннай вайны. У прыватнасці, першыя два прысвечаны дзейнасці падполля на акупіраванай тэрыторыі, трэці – партызанскай барацьбе. Зямляк народнага пісьменніка Беларусі, літаратуразнавец С.С. Лаўшук, які працаваў разам з Іванам Якаўлевічам у Інстытуце літаратуры імя Я. Купалы, сцвярджае, што «пры адборы апавяданняў у зборнік улічваліся не толькі сюжэтная фактура, але і іх стылёва-выяўленчыя асаблівасці» [6, с. 636]. Акрамя таго, са слоў І.Я. Навуменкі таксама вядома, што агульным у апавяданнях «Сямнацатай вясной» і «Эх, махорачка...» было яшчэ і тое, што «сюжэтная лінія ў іх аўтабіяграфічная ці блізкая да аўтабіяграфіі. Зразумела, быў і домysel. Я пісаў пра людзей, якіх ведаў, – пра даваеннае пакаленне» [1, с. 74].

Нягледзячы на тое, што на момант выхаду зборніка «Сямнацатай вясной» на тэму барацьбы беларусаў з нямецкімі акупантамі было ўжо даволі шмат напісана айчыннымі мастакамі слова і паэтычных, і праяічных твораў, тым не менш крытыкі адзначалі новы, свежы погляд І.Я. Навуменкі на падзеі 1941–1945 гг. Як слушна заўважыў літаратуразнавец М. Лазарук, «сакрэт прывабнасці гэтых апавяданняў у тым і заключаецца, што аўтар свае намаганні скіроўвае не на тое, каб паказаць чытачу некалькі новых фактаў з жыцця народа ў час Айчыннай вайны, а на псіхалогію гэтых фактаў, мастацкае ... іх асэнсаванне» [5, с. 151]. Да таго ж трэба дадаць, што І.Я. Навуменка знайшоў арыгінальны падыход для адлюстравання жорсткага і крывавага аблічча вайны, паказваючы яго праз прызму бачання шаснаццаці-сямнаццацігадовых хлопцаў і дзяўчат.

Менавіта такі падыход і выкарыстаў праяік у апавяданні «Сямнацатай вясной», пачаўшы распрацоўку сваёй «уласнай» тэмы пра пакаленне юнакоў, якое «не паспела расквітнець і было абпалена полымем вайны» [7, с. 146], але не пакарылася фашысцкім захопнікам і змагалася супраць іх. Апавед у гэтым творы вядзецца ад імя галоўнага героя Цімоха, якому ішоў сямнацаты год. Апісаныя ім падзеі адбываліся вясной, «вельмі багатай на кветкі, на цеплыню, на тыя цудоўныя дні, калі, здаецца, сама зямля спявае песню сонцу, жыццю, высокаму сіяму небу» [6, с. 129] і расцвітае бэз, які найбольш палюбіў галоўны герой. Аднак той радасці жыцця, якую трансліравала прырода, Цімох не адчуваў, бо ішла вайна, якая парушыла ўсе планы і ставіла пад пытанне яго будучыню: на фасадзе яго школы «трапятаў чужы сцяг з чорнай свастыкай», а ў ёй самой, дзе настаўнікамі павінна было «сеяцца» разумнае, добрае, вечнае, размясціўся нямецкі камендант. Прырода знаходзіцца на кантрасце з настроем галоўнага героя. З дапамогай менавіта такога прыёму і ажыццяўляецца ўзмацненне драматызму мастацкага выкладу. Замест школьных экзаменаў Цімох вымушаны быў прайсці суровы жыццёвы іспыт. Ён і яго сябры Цішка Дрозд, Мікола і Сымон Біцюгі – тыповыя прадстаўнікі таго даваеннага пакалення, якое характарызувалася «рамантыкай, марай пра подзвіг, цнатлівасцю і чысцінёй» [1, с. 74], – робяць свой выбар і вырашаюць не сядзець склаўшы рукі, а дзейнічаць. Як паведамляе галоўны герой, нямецкі камендант выдаў загад, за невыкананне якога пагражаў смяротнай карай: не захоўваць агнястрэльную зброю, не распаўсюджваць злосныя чуткі пра непераможную германскую армію, не паяўляцца на вуліцы ў начны час [6, с. 129]. Ужо нават тое, што яны, як хваліцца Цімох, «добра сумленна» выконвалі толькі апошні, самы «няшкодны» для немцаў пункт загаду, а астатнія парушалі, паказвае іх катэгарычнае непрыняцце акупацыйнай улады. Юнакі рабілі партызанам «сякія-такія паслугі» [6, с. 134] і «рыхтавалі з сябе барацьбітоў, бязлітасных, мужных, зацятых», каб здзейсніць што-небудзь гераічнае. Айчынны літаратуразнавец В.П. Жураўлеў адзначаў, што «відавочную і прыцягальную мастацкую адметнасць і сілу раннім апавяданням і аповесцям І. Навуменкі ў вельмі многім надае глыбокае аўтарскае веданне ўзроставых духоўна-псіхалагічных магчымасцей сваіх герояў і высокапрафесійнае раскрыццё, выяўленне гэтага юнацкага патэнцыялу духоўнасці ў канкрэтных жыццёвых абставінах» [8, с. 16–17]. Якраз у апавяданні «Сямнацатай вясной» аўтар выявіў сябе як тонкі псіхалаг, які дасканала ведае ўнутраны свет свайго героя. Героям апавядання ўласцівы юначы максіmalізм, з-за якога яны лічаць, што «весяліцца, танцаваць у такі час, калі ідзе вайна, калі ліецца кроў, проста

ганебна» [6, с. 130], і ўсіх тых, хто гэта робіць, успрымаюць як здраднікаў. За бестурботны смех, за звонкае шчабятанне «ў такі час» Цімох спачатку ацэньвае дзяўчыну Стасю, у якую пазней закахаецца, як «асобу пустую, нікчэмную, не вартую ўвагі наогул» [6, с. 131].

Смешна і наіўна гучаць іх «падставы» для таго, каб называць сябе баявой групай: «На нашым узбраенні ўжо быў вінтовачны абрэз, дзве лімонкі з капсулямі, з паўпуда аманалу і кавалак бікфордавага шнура», ды і сам намер хлопцаў «аб’явіць германскаму фашызму бязлітасную вайну» [6, с. 130]. Нягледзячы на такі невялікі арсенал, нявопытнасць і поўную адсутнасць уяўлення аб тым, як павінны дзейнічаць падпольшчыкі, галоўнаму герою і яго сябрам удалося ўзарваць масток і смяротна параніць паліцэйскага Кірылу Сёхмана. Дарэчы, ствараючы вобраз гэтага калабарацыяніста, які «да вайны стаяў ... пры дзвярах клуба кантралёрам, але абакраў касіра, і яго засудзілі» [6, с. 130–131], І.Я. Навуменка ўдала выкарыстоўвае мастацкую дэталю: «Ён быў важны, надзьмуты і раз-пораз пазіраў на свой наручны гадзіннік, які раздабыў нядаўна» [6, с. 130]. Малаверагодна, што ён купіў гэты гадзіннік.

Але апавяданне «Сямнаццатай вясной» не толькі пра падпольную барацьбу юнакоў і пра іх дыверсію. Гэты твор прасякнуты гуманістычным антываенным пафасам, бо ён больш «...аб каханні, аб маладосці, аб першым чыстым незаплямленым пачуцці і аб крывавай вайне, якая супрацьстаіць усяму прыгожаму на зямлі» [9, с. 59]. Малады прэзаік дакладна і праўдзіва перадаў не толькі паводзіны, але і ўсю гаму пачуццяў упершыню закаханага і няўпэўненага ў сабе юнака, які рамантычна ўспрымае рэчаіснасць: «Першы час я праходзіў міма дзяўчыны з самым незалежным выглядам. Я не кінуў у яе бок ніводнага прызнага позірку, стараўся на яе не паглядаць» [6, с. 131]; «У сваім уяўленні я маляваў сябе ў розных геройскіх ролях. Вось я на вачах у дзяўчыны забіваю нямецкага каменданта, забіваю Кірылу Сёхмана, забіваю цэлы дзясятка фашыстаў, нарэшце, падаю забіты сам... Белая дзяўчына перастала смяцца, у яе вачах захапленне, распач, пакута. Яна плача, вінаваціць сябе за свой смех. Яна становіцца другой...» [6, с. 131–132]; «Я нячутна паўтараў імя Стасі тысячу разоў у дзень, яно звінела ў маіх вушах як музыка. ...калі заўважаў Стасю, сэрца ў грудзях пачынала біцца, нібы птушка, злоўленая ў сіло» [6, с. 132]; «...мая дзяўчына акінула мяне хуткім позіркам. Мне здалася, што гэты позірк быў насмешлівы. Мой твар гарэў ад сораму, мне было ў той вечар балюча і крыўдна, як ніколі» [6, с. 133] і г. д.

У канцы апавядання І.Я. Навуменка выкарыстоўвае прыём «прыятнага узнавання» [2, с. 3]: Цімох даведваецца, што яго каханая Стася таксама ўдзельнічала ў падпольнай барацьбе з ворагам.

Большасць прадстаўнікоў пакалення, да якога належаў сам аўтар зборніка «Сямнаццатай вясной», марыла стаць вынаходнікамі, палярнікамі, лётчыкамі, геалагамі, вучонымі і г. д. Але І.Я. Навуменка робіць галоўным героем апавядання «Трое з зялёнай будкі» непрыкметнага юнака Сашу Пеціка, у прафесіі якога мала гераічнага, бо ў дваццаць гадоў ён узяўся за нажніцы і брытву і стаў цырульнікам. Дзяўчына Віка, у якую Саша закахаўся, «мала сказаць, што ... невысока ставіла Пецікаву пасаду, яна проста насміхалася з Пеціка» [6, с. 139]. Магчыма, каб дагадзіць дзяўчыне, малады чалавек і змяніў бы прафесію, але яго прызначылі загадчыкам цырульні. Адчуваючы адказнасць і разумеючы, што «яго ўцёкі з работы можна было расцаніць як самае звычайнае дзэзерцірства» [6, с. 139], ён вырашае даказаць каханай, што «яго работа мае свой сэнс і што недарма з самай раніцы ў цырульні выстрайваецца доўгая чарга» [6, с. 139]. Але аднойчы цырульня згарэла. Праведзеная рэвізія выявіла недастачу «цэлых чатырох літраў адэкалону “Бэз”», за што Сашу Пеціку далі тры месяцы прымусова-выпраўленчых работ. Камізм сітуацыі заключаецца ў тым, што загадчык цырульні не краў і не прысвойваў гэтага адэкалону, яго асудзілі, таму што «крымінальны кодэкс ніколі не хацеў лічыцца з тым, што па шчырасці сваёй душы Пецік асвятляў твары кліентаў звыш усялякіх норм, зацверджаных прэйскурантам» [6, с. 140]. Чытач можа здагадацца, што і ў Вікі былі пачуцці да Сашы Пеціка, інакш як можна растлумачыць тое, што яна падышла на станцыю, калі «злачынцу» на цягніку адпраўлялі адбываць пакаранне.

Былы загадчык цырульні з’явіўся ў родным пасёлку, калі той ужо «жыў трывожным жыццём фашысцкай акупацыі» [6, с. 140]. Усім сваім выглядам і паводзінамі ён дэманструе, што, «нягледзячы на нягоды вайны, мае пэўныя жыццёвыя поспехі» [6, с. 140] і што «вайна яго не датычыла. Ён рабіў сваю справу і болей нічога на свеце не хацеў ведаць» [6, с. 143].

Малады чалавек таксама расказаў Віцы пра сваю працу ў цырульні ў самым Кіеве, дзе яго кліентамі былі нямецкія генералы, тым самым падкрэсліваючы сваю лаяльнасць да новай улады. Пачуўшы гэта, дзяўчына паспяшалася дадому і нават не падала яму на развітанне рукі. Незвычайнай была рэакцыя Сашы Пеціка на гэтую няўвагу з боку дзяўчыны: непавага і раўнадушнасць нікольні не кранулі хлопца і «на яго твары свяцілася задавальненне» [6, с. 141]. У чытача можа закрасціся думка, што хлопец разлюбіў Віку. «У апавяданні “Трое з зялёнай будкі” адчувальныя элементы прыгодніцкай прозы, дэтэктыву...» [9, с. 66], – сцвярджае Г. Сіненка. Сапраўды, пісьменнік на працягу ўсяго твора трымае чытача ў напружанні і нейкімі дэталямі, заўвагамі дае падказкі, што ўсё не зусім так, як можа падавацца, і многія персанажы не тыя, кім хочучь здавацца. Гэта датычыцца як галоўнага героя, так і яго пастаянных кліентаў – юнака Цішкі, які працаваў рамонтным рабочым на чыгунцы, і землеўпарадчыка Трапезы. Паступова становіцца зразумелым, што не без іх удзелу былі арганізаваны і праведзены многія дыверсіі ў тыле акупантаў і што для канспірацыі «ліў на сябе памыі Пецік» [6, с. 141], а Цішка, у якога «на верхняй губе рос толькі рэдзенькі пушок» [6, с. 143], штодзень наведваў цырульню.

На наш погляд, дзве асноўныя думкі ўвасоблены І.Я. Навуменкам у апавяданні «Трое з зялёнай будкі». Першая – героямі не нараджаюцца, а становяцца, прычым нават тыя, хто ў мірным жыцці нічым не вылучаўся, а проста жыў і працаваў. Дзеля гэтага неабходна быць гатовым ахвяраваць не толькі сваім жыццём, але і нечым вельмі дарагім для цябе. У дадзеным выпадку цяжка ўявіць, як пакутваў Саша Пецік ад таго, што Віка нават не глядзела ў яго бок і лічыла здраднікам, і колькі душэўных намаганняў ён прыклаў, каб не парушыць канспірацыю і не адкрыцца перад каханай. Другая – перамога над акупантамі была б немагчымай без падтрымкі народа і яго садзейнічання, без такіх «моцных» духам людзей, як цётка Мальвіна, што два месяцы хавала і лячыла чыравонаармейца, і тэлеграфіст Сіла Прохаравіч, якія, рызыкуючы жыццём, без лішніх слоў бяруцца дапамагаць Сашу Пеціку змагацца супраць фашыстаў.

Заканчваецца апавяданне «хэпі-эндам»: у вызвалены ад немцаў пасёлак апрануты ў вайсковую форму Саша Пецік прыязджае на вайскавай машыне і заходзіць у зялёную будку, каб павітацца з цёткай Мальвінай і Сілай Прохаравічам. Пакуль ён быў там, «непадалёку... нецярпліва пахаджвала Віка» [6, с. 150].

У цэлым гэты твор І.Я. Навуменкі цікавы, мае захапляльны сюжэт. Аднак аналіз ужо першых двух твораў са зборніка «Сямнацатай вясной» паказаў, што пісьменнік занадта часта карыстаецца прыёмам «прыятнага узнавання» [2, с. 3].

Гумарыстычнае апавяданне «Эх, махорачка...» сведчыць пра тое, што малады пісьменнік умела карыстаўся магчымасцямі гэтага жанру. Яно з'яўляецца прыкладам таго, як на аснове нязначнага бытавога эпізода з партызанскага жыцця часоў Вялікай Айчыннай вайны можна напісаць сапраўды высокамастацкі твор і як адна дэталю можа дапамагчы раскрыць душу героя. Хоць гэты твор быў надрукаваны, і, відаць, напісаны раней за апавяданне «Сямнацатай вясной», але па храналогіі ён з'яўляецца працягам гісторыі барацьбы Цімоха і яго сяброў з нямецкімі акупантамі.

Намі ўжо было адзначана, што гэтыя два апавяданні аўтабіяграфічныя, а агульнавядома, што І.Я. Навуменка трапіў у партызаны ўжо пасля таго, як быў удзельнікам маладзёжнага падполля ў Васілевічах. На сувязь паміж названымі творамі ўказвае таксама імя і прозвішча сябра галоўнага героя: у абодвух апавяданнях ён завецца Цішкам Драздом. У апавяданні «Эх, махорачка...» безыменны галоўны герой, які са сваім сябрам робяць свой пасільны ўнёсак у агульную справу змагання супраць фашыстаў і адказваюць у партызанскім атрадзе за наладжванне і падтрыманне сувязі з падпольнымі групамі, расказвае цікавую гісторыю знаёмства з «заядлым курцом» Апанасам Мядзведзькам. У той час усе партызаны з нецярпеннем чакалі прыходу Чырвонай арміі і «прагна лавілі прыглушаны гул далёкай страляніны» [6, с. 72].

Чытач даведваецца, што адменны падрыўнік дзядзька Апанас, смешны на выгляд з-за свайго адзення, быў не без хітрынкі чалавекам, якога ўсе ў атрадзе паважалі і любілі. Адноўчы, калі хлопцы накіраваліся ў гарадок да падпольшчыкаў, іх дагнаў дзядзька Апанас, які папрасіў зайсці да Фёдара Пінчука і прынесці махоркі. Толькі тады юнакі зразумелі, з якой ласкі падрыўнік перад гэтым стаў да іх такі добры і чаму пачаставаў мёдам. Хлопцам

удалася раздабыць некалькі пачак нямецкага тытуню. З гумарам галоўны адзначае, што «...акцыянерная кампанія Фрыца Вольфа і К^о, як было напісана на пачках, мусіць, і не здагадалася, што яе прадукцыяй забяспечваецца самы непрымірымы вораг германскай імперыі – дзядзька Апанас», які «...ледзь не палез да нас цалавацца, калі мы аддалі яму тытунь» [6, с. 74]. Пасля таго, як «адменны падрыўнік» зацягнуўся нямецкай махоркай, ён даў ёй і яе вытворцам наступную ацэнку: «Смердзюхі, увесь свет захацелі заваяваць, а махоркі людскай зрабіць не ўмеюць... Гэта ж не махорка, а пацяруха нейкая. Ні табе крэпасці, ні смаку, як саломы» [6, с. 74]. Аднак у далейшым дзядзька не грэбаваў нямецкай махоркай, але кожны раз, калі атрымліваў ад хлопцаў чарговую партыю, ад яго «...моцна пападала і Гітлеру, і ўсёй яго радні за нізкую якасць тытунёвай прадукцыі» [6, с. 74].

У творы добра і пераканаўча перадаецца радасная атмасфера, якая панавала ў партызанскім атрадзе напярэдадні доўгачаканага вызвалення Чырвонай арміяй роднай зямлі ад ворага: кананаду слухалі як «найпрыгажэйшую музыку», дзядзька Апанас нібыта памаладзеў і пачаў ужо ствараць планы на мірнае жыццё. Ужо немалады партызан-падрыўнік, убачыўшы першых байцоў рэгулярнай арміі, адрэагаваў наступным чынам: «Ён падбегам шыбаваў да нас, падбіраючы полы свайго нямецкага шыняля, і на вачах у яго, здаецца, былі слёзы. Ён нічога не змог сказаць пры сустрэчы, толькі паціснуў разведчыкам рукі і пайшоў поруч з намі» [6, с. 76]. Каб перадаць бязмерную радасць, якая перапоўніла душу заядлага курца ў той момант, настолькі моцную і вялікую, што ад яе нават «позняя восень можа быць на дзіва падобнай да сонечнай вясны» [6, с. 76], пісьменнік выкарыстоўвае адну дэталю. Дзядзька Апанас просіць закурыць у разведчыкаў. Тыя частуюць яго той самай нямецкай махоркай, якую на працягу доўгага часу прыносілі яму галоўны герой з Цішкам Драздом. Не ведаючы гэтага, партызан-падрыўнік скруціў з яе цыгарку, прыкурыў і зацягнуўшыся прамовіў: «Ну, дзякуй вам, хлопчыкі, адразу пачуў сапраўдны смак. Вы не ведаеце, якую мы дрэнь курылі цэлыя два гады...» [6, с. 76].

Звернем увагу яшчэ на адзін момант: параўноваючы маладых партызан з падпольшчыкамі з апавядання «Сямнаццатай вясной», можна заўважыць, што яны тут паўстаюць перад чытачом больш дарослымі, вопытнымі і свядомымі барацьбітамі з ворагам: галоўны герой і яго сябар Цішка Дрозд ужо ведаюць, што такое канспірацыя, і ўсведамляюць яе важнасць і неабходнасць у ваенных умовах: «Адно неасцярожнае слова – і загубіш шмат людзей, тых, што ваююць без зброі, у падполлі» [6, с. 74]; разумеюць, за што і навошта ваююць: «...зноў можна будзе хадзіць па зямлі, не баючыся напаткаць вырожую кулю» [6, с. 75]; гатовы пераадольваць стому і, не зважаючы на яе, выконваць такое важнае і адказнае заданне, як наладжванне «сувязі з наступаючымі часцямі нашай арміі» [6, с. 75].

На думку айчыннага пісьменніка і літаратуразнаўца У.М. Юрэвіча, «Вобраз дзядзькі Апанаса па сіле мастацкага ўвасаблення просіцца, каб стаць побач з вядомым дзедам Талашом», а яго характар індывідуалізаваны з амаль коласаўскай ступенню майстэрства [10, с. 431]. І наогул ён лічыў, што ўжо ў першых апавяданнях лёгка знайсці пацверджанне таму, што талент І. Навуменкі-празаіка «...развіваецца не без адчувальнага ўплыву Якуба Коласа з яго рэалістычнай манерай пісьма, высокай праўдзівасцю адлюстравання, неўтаймоўнай жыццярадаснасцю, якой памагаюць светлая іронія і лагодны гумар, выключнай прастатой апавядання і нейкай па-сялянску сцішанай, непаказнай мудрасцю» [10, с. 431].

Трэба сказаць, што на гэта звярталі ўвагу многія даследчыкі ранняй творчасці І.Я. Навуменкі. Напрыклад, Г. Сіненка ў сваёй манаграфіі пісаў: «Стыль яго апавяданняў, аповесцей, раманаў нясе на сабе даволі выразны адбітак творчай вучобы ў Якуба Коласа. Сплаў у адзінай непадзельнай геме высокай патэтыкі і гумару, будзённай інтанацыі з цёплай, часам ледзь улоўнай усмешкай – гэта ад Коласа» [9, с. 54]. Ды і сам І.Я. Навуменка ў адным з інтэрв'ю, адказваючы на пытанне, каго лічыць сваім літаратурным настаўнікам, назваў толькі аднаго мастака слова: «...з беларускіх пісьменнікаў на мяне, відаць, найбольш уплываў Колас. Я і цяпер лічу, што стыль Коласа – гэта стыль будучага... Яго проза эмацыянальная, ёмістая сэнсава, шматпластовая...» [1, с. 105–106]. Разам з тым даследчыкі літаратуры лічаць, што ў апавяданнях са зборніка «Сямнаццатай вясной» можна знайсці таксама менш прыкметныя сляды літаратурнай вучобы ў Кузьмы Чорнага: «...Навуменка, відаць, не без уплыву

К. Чорнага, правільна зразумеў выяўленчыя магчымасці мастацкай дэталі і такі закон мастацтва, як уменне ў малым, звычайным убачыць значнае, у кароткай рэпліцы пачуць голас душы чалавека» [5, с. 153]; «Урокі Чорнага пісьменнік засвойвае ў тым сэнсе, што імкнецца прасачыць тыя ці іншыя псіхалагічныя з’явы ва ўсёй іх глыбіні, ад пачатку да канца, даць ім назву, занатаваць самыя тонкія рухі і зрухі чалавечай душы» [9, с. 54].

Не толькі намі заўважана, што, чытаючы некаторыя раманы І.Я. Навуменкі, прыгадваеш вобразы, сітуацыі, цэлыя эпізоды з папярэдніх яго твораў [10, с. 433]. Справа ў тым, што І.Я. Навуменка лічыў, што апавяданне «можа стаць як бы сціслым канспектам будучай больш разгорнутай рэчы, яе першай апрабацыяй. На аповесць, раман трэба патраціць месяцы і гады, але думку, якая пазней ляжа ў іх аснову, можна выказаць і ў апавяданні. Калі думка плённая, яна будзе абрастаць новымі падрабязнасцямі, разаяецца ўглыб і ўшыр... Апавяданне – і стартавая пляцоўка для больш развітой эпічнай формы: аповесці, рамана, і самастойны твор» [1, с. 157]. На наш погляд, апавяданні «Сямнацатай вясной», «Эх, махорачка...» сталі «канспектамі» раманаў «Сасна пры дарозе» (1962), «Сорак трэці» (1973) адпаведна.

Падсумоўваючы сказанае вышэй, адзначым: у апавяданнях, якія ўвайшлі у зборнік «Сямнацатай вясной», І.Я. Навуменка «намацаў», пра што і як ён будзець пісаць у далейшым, у выніку чаго «на шырокім, неабсяжным плацдарме ваеннай тэмы найперш менавіта яму ўдалося адкрыць і па-свойму, у наватарскім рэалістычным і лірыка-рамантычным ключы раскрыць унутраны свет учарашніх юнакоў-школьнікаў, якім па волі абставін давялося стаць удзельнікамі самай вялікай і крывавай вайны і многім з якіх не суджана было вярнуцца пад дах бацькоўскіх хат» [8, с. 16]. У гэтых творах, якія вылучаюцца праўдзівасцю, шчырай непасрэднасцю, лірызмам, рамантычна-ўзнёслай танальнасцю, мяккім гумарам, сардэчнай цеплынёй, тонкім аналізам псіхалогіі летуценных юнакоў, багатай народнай фразеалогіяй, ужо прасочваюцца характэрныя рысы мастацкага стылю І.Я. Навуменкі. Апавяданні «Сямнацатай вясной», «Трое з зялёнай будкі», «Эх, махорачка...» сведчаць пра ўменне маладога прызіка карыстацца мастацкай дэтאלлю для абмалёўкі характараў сваіх герояў, «спалучаюць у сабе лаканічнасць формы з асаблівай насычанасцю зместам, стройнасцю будовы, багаццем і выразнасцю моўна-выяўленчых сродкаў» [11, с. 22].

Літаратура

1. Навуменка, І. Я. Збор твораў : у 10 т. / І. Я. Навуменка ; падрыхт. тэкстаў, камент. і паслясл. Н. Пыско. – Мінск : Маст. літ., 2012–2017. – Т. 10 : П’еса, вершы, інтэрв’ю, анкеты, выступленні, водзвывы на дысертацыі, некралогі, аўтабіяграфія, успаміны, дзённікавыя запісы, лісты. – 2017. – 989 с.
2. Гилевич, Н. Рассказы Ивана Науменки / Н. Гилевич // Знамя юности. – 1957. – 13 ноябр. – С. 3.
3. Пшыркоў, Ю. Апавяданні Івана Навуменкі / Ю. Пшыркоў // Польша. – 1958. – № 7. – С. 181–183.
4. Крышталь, В. Удаляя творчая заяўка / В. Крышталь // Літаратура і мастацтва. – 10 верасня. – С. 3.
5. Лазарук, М. Першая кніга / М. Лазарук // Маладосць. – 1957. – № 11. – С. 151–153.
6. Навуменка, І. Я. Збор твораў : у 10 т. / І. Я. Навуменка ; прадм. П. Навуменкі, падрыхт. тэкстаў, камент., паслясл. І. Шаладонава, паслясл. С. Лаўшука. – Мінск : Маст. літ., 2012–2017. – Т. 1 : Апавяданні і нарысы, 1946–1972. – 2012. – 766 с.
7. Дзюбайла, П. К. Беларускі раман аб Вялікай Айчыннай вайне / П. К. Дзюбайла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1964. – 160 с.
8. Жураўлёў, В. П. На сумежжы мастацкай і літаратуразнаўчай думкі / В. П. Жураўлёў // Творчасць Івана Навуменкі : славянскі, еўрапейскі, сусветны кантэкст : матэрыялы Рэсп. навук. канф. (да 85-годдзя з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі акадэміка І.Я. Навуменкі), Мінск, 16 лют. 2010 г. / Ін-т мовы і літ. ім. Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – С. 15–27.
9. Сіненка, Г. Иван Навуменка : нарыс творчасці / Г. Сіненка. – Мінск : Маст. літ-ра, 1981. – 207 с.
10. Юрэвіч, У. М. Выбранае / У. М. Юрэвіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1987. – 495 с.
11. Лазарук, М. А. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў : дапаможнік для настаўнікаў / М. А. Лазарук, А. Я. Ленсу. – Мінск : Нар. асвета, 1983. – 191 с.

Философия

УДК 165.62:001.8:167.7:130.121*Э.Гуссерль

EDN: YWMGZQ

Конститутивный метод феноменологии Э. Гуссерля: единство в многообразии

Д.В. МАЛАХОВ

Статья посвящена эвристике феноменологии Эдмунда Гуссерля и феноменологического метода конституирования в отношении современной теории познания. Автор стремится определить сферу, в которой феноменологическая эйдетика интенционального, темпорального, генетического и intersubjectивного конституирования выступила бы в качестве востребованного раздела научного знания. В качестве такой сферы избирается личностное измерение научного познания. Отстаивается позиция о необходимости детального рассмотрения методологии личностно-императивного компонента актуализации научного познания. Предлагаемый подход ориентирован на преобразование фрагментарных и информативных знаний в контексте социально-гуманитарных наук в эйдетический континуум познания, в котором личностные судьбы и идеи людей прошлого и настоящего воспринимались и переживались бы как необходимые для научного творчества, психологии познания и философии образования.

Ключевые слова: Гуссерль, феноменология, конституирование, интенциональность, темпоральность, intersubjectивность, эйдетика.

The article is devoted to the heuristics of Edmund Husserl's phenomenology and the phenomenological method of constitution in relation to modern theory of cognition. The author attempts to define the sphere in which the phenomenological eidetics of intensional, temporal, genetic and intersubjective constitution would have an effect as a demanded part of scientific knowledge. The personal dimension of scientific cognition is chosen as such a sphere. The position regarding the need for a detailed consideration of the methodology of the personal-imperative component of updating the scientific cognition is maintained. The proposed approach is aimed at transforming the fragmentary and purely informative knowledge in the context of social-humanitarian sciences into its eidetic continuum of cognition, in which the personal destinies and ideas of great scientists would be perceived and experienced as necessary for scientific creativity, the psychology of cognition and the philosophy of education.

Keywords: Husserl, phenomenology, constitution, intentionality, temporality, intersubjectivity, eidetics.

В истории своего развития феноменология проходит различные стадии формирования и концептуализации своей методологии. Как показывает Г. Шпигельберг, феноменологический метод последовательно реализует следующие гносеологические интенции: «исследование частных феноменов», «исследование общих сущностей», «схватывание сущностных отношений между сущностями», «наблюдение типов явленности», «наблюдение конституирования феноменов сознания», «заключение в скобки убеждения в существовании (реальном существовании – *Д.М.*), истолкование значений феноменов» [1, с. 641]. Начинаясь как дескриптивный метод, описывающий акты сознания и их интенциональные корреляты, феноменология сформировала целый методологический комплекс, в соответствии с которым имманентная «чистота» феноменов постепенно смещалась в сторону их все большего дополнения со стороны трансцендентного начала сущего, то есть мира сущих вещей, событий, людей. Дескриптивная феноменология постепенно уступала место феноменологии эйдетической, что, надо сказать, в полной мере соответствовало эволюции идей самого Э. Гуссерля и что никоим образом не нарушало основополагающих ценностно-мировоззренческих принципов и оснований замысла феноменологии как априорного знания о духе (разуме) и как трансцендентальных оснований научного познания в целом. Исходя из этого, задачей настоящей статьи выступает рассмотрение различных форм конститутивного метода Э. Гуссерля как позиций смыслового, или эйдетического, проникновения в предмет познания, существующего в ранге феномена, а также поиск оснований их, форм, единства.

Начнем с понятия феномена, от которого и берет начало слово феноменология. Феномен представляет собой данную, или, точнее, даваемую, предоставляемую сознанию вещь, явление, событие в качестве схватываемого самим сознанием смысла, в отношении которого оно в дальнейшем осуществляет целый ряд модификаций и специфических процедур. Однако далеко не каждые вещи, явления или события могут существовать и рассматриваться в качестве феноменов. Приведем весьма точное определение известного российского философа науки А.А. Печенкина: «В нашем понятийном багаже слово “явление” ассоциируется со словом “сущность”. Но явление, за которым стоит сущность, не может быть феноменом. Явление становится феноменом, когда оно полностью, без остатка являет сущность, когда оно не просто “существенно”, но не обременено какими-либо границами, отделяющими его от сущности. <...> Зафиксировав феномен, мы лишь встали на феноменологический путь исследования. Феномен может “призвать” нас к описанию других феноменов, а также к своему собственному прояснению. Ведь феномен может иметь ту или иную модальность (он может восприниматься с осознанием его возможности или необходимости), ту или иную степень очевидности» [2, с. 360]. Что касается понятия «конститутивности», то следует заметить, что данное понятие является базовым методологическим понятием трансцендентальной феноменологии, «разрабатывающей общую теорию сознания в аспекте корреляции между предметами и их эквивалентами в сознании» [3, с. 75], согласно которой «речь идет уже о специфической активности сознания, не просто “обладающего” предметами, но “образующего” их [3, с. 76]. При этом конституирование «становится центральным членом “функционирующей интенциональности”, которая в “смыслопродуцирующей” деятельности сознания конституирует предметы как таковые» [3, с. 76]. Рассмотрим проблемы внутренних различий и перспективы установления единства конститутивного метода, в отношении к которому гуссерлевская феноменология традиционно подразделяется на *статическую*, *генетическую* и/или *темпоральную* и *интерсубъективную*.

Статическое конституирование, базирующееся на «чистой» трансцендентальной феноменологии, изложенной Э. Гуссерлем в *Идеях I* [4] и получившее название метода «усмотрения сущностей», имеет целью конституирование стабильных, то есть не включаемых в процесс изменения значений, или эйдосов как смысловых композиций интенциональной предметности (к примеру, числа, формализма, значения). Оно основано на теории интенциональности, процедурах воздержания от суждений (эпохе), трансцендентальной, или феноменологической, редукции, посредством которой сознание обнаруживает в себе «чистую», или имманентную, сферу самоданности феноменов в противоположность данности сущих вещей мира в естественной установке сознания, а также на эйдетической редукции. К.А. Свасьян справедливо акцентирует генерирующий момент феноменологического конституирования, подчеркивая значение процедур редукций, принятых в качестве базовых в статической феноменологии: «Трудности, связанные с пониманием конститутивной феноменологии, зависят в первую очередь от того, что ее пытаются понять с помощью нередуцированного и отягощенного предположениями мышления. Конституирование выглядит тогда типичной процедурой солипсиста, творящего себе мир силами собственного сознания. На деле ситуация обстоит куда сложнее. Гуссерль предостерегает: речь идет не о «что» мира, а о «как» его. Существование мира не подвергается никакому сомнению; он *есть*; вопрос ставится лишь о том, *как* он есть, а это «как» имеет значимость лишь в пределах анализа сознания. Иными словами, конституирование *творит* мир лишь в том смысле, что осмысляет способы оформления феноменов в сознании. <...> Объект не «творится» в некоем субъективном процессе, и взаимодействующие субъективные процессы не приводят к объективным образованиям» [3, с. 76].

Приоритетной методологической процедурой феноменологического конституирования следует признать эйдетическую редукцию, действие которой в самом общем виде можно описать следующим образом. Первичные содержания сознания (восприятие сенсорных данных – цвета, звука, прикосновения) *оживляются* посредством последовательной актуализации интенциональной формы бытия сознания – фаз переживания (ноэтические фазы), или схватывания первичных содержаний в качестве дающихся сознанию феноменов. Ноэтиче-

ские фазы представляют собой фазы переживаний, придающие смысл чувственно воспринимаемому предмету. Поэты, схватывая смысл феноменов на основе чувственных данных восприятия или в каком-либо сопутствующем им режиме (этот момент интерпретируется в феноменологии и критической литературе неоднозначно), направляются не на сами чувственные данности (что было бы естественно для «эмпирической» теории познания), а на смысловой эквивалент схватываемых феноменов, который Э. Гуссерль именует нозмой. Каждой смыслопорождающей нозмической фазе соответствует смыслообразующая нозматическая фаза, что говорит о неоднозначном, то есть не связанном жесткими каузальными отношениями, единстве чувственного восприятия, опыта имманентизации феноменов и опыта идеального, или эйдетического, конституирования. Связь нозматических фаз, в которой выделяется смысловое ядро, дает полную нозму, выступающую данностью предмета в одном из его возможных смыслов. Нарращивание данных смыслов в процессе их возвратного соотнесения, но уже с эйдетически обогащенными нозмическими фазами, и выступает в качестве экспликации существа эйдетической редукции, когда, по мысли К.А. Свасьяна, конституирование «становится центральным членом “функционирующей интенциональности”, которая в “смыслопроизводящей” деятельности сознания конституирует предметы как таковые» [3, с. 76].

Темпоральное конституирование получает освещение в работах Э. Гуссерля «Феноменология внутреннего сознания времени» [5] и «Бернау-манускриптах о сознании времени» [6]. Оно предполагает перенос внимания на историчность самого трансцендентального *Ego* и те конститутивные формы, которые обуславливают для него переживание единства временного потока сознания и самого времени [7, с. 19]. В отличие от понимания времени в новоевропейской традиции трансцендентальной философии, «не время как априорная форма, но дышащее сознание времени как *переживание* (выделено нами – Д.М.) становится предметом философского, феноменологического анализа» [7, с. 21–22]. Время, таким образом, выступает для Э. Гуссерля не столько в качестве времени объективного (исторического в обычном понимании это слова, которое он, безусловно, допускает и берет в расчет), сколько в качестве внутреннего состояния *длительности* сознания, по отношению к которому «возможна постановка вопроса о единстве акта переживания, которое может в свою очередь подразделяться на длительность как самого временного предмета, так и схватывающего его сознания» [7, с. 19].

Генетическое конституирование рассматривается в феноменологических исследованиях как максимально близкое или даже тождественное конституированию темпоральному [7, с. 20]. Оно реализуется в контексте исторического генезиса взаимообусловленности эмпирической (естественной) и трансцендентальной (феноменологической) субъективности, историчности приобретаемого целостным субъектом познания знания, в качестве историчности феномена философского знания и самой человеческой истории. Оно основывается на позиции Э. Гуссерля, изложенной им в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [8] позднего периода философского творчества. Генетическое конституирование предполагает радикальное усиление естественной установки сознания и, как следствие, столь же радикально ослабляет «чистый» замысел феноменологической редукции. Данный вид редукции, выступавший определяющим в отношении формирования смысла в предыдущих типах конституирования, оказывается, в свою очередь, редуцирован к историчности *целостного* феноменологического субъекта познания в том отношении, что выявляют не чистую сферу имманентизации и смыслополагания феноменов, но исторически обусловленную «зависимость феноменологических операций от горизонтов, в которых сами они «осуществляются посредством выявления связи габитуализации и горизонта в главном аспекте – связи между естественной установкой как пра-привычкой (*Urgewohnheit*) с ее общим тезисом (верой в бытие мира) и горизонтом всех горизонтов, миром» [9, с. 28].

Интерсубъективное конституирование рассматривается в виде особой формы реализации конститутивного метода сравнительно редко, но, по мнению Н.М. Смирновой, заслуживает его по целому ряду причин. Остановимся на этом моменте подробнее, поскольку именно интерсубъективное конституирование выступит далее в качестве объединяющего начала для указанных типов конституирования. Фактически, в понятии интерсубъективного конституирования Н.М. Смирнова не только уточняет, но и радикально обновляет смысл статическо-

го конституирования. В качестве последовательно разворачивающихся двух этапов Н.М. Смирнова называет темпоральное *самоконституирование*, как непосредственно предшествующее эйдетическому конституированию, обуславливающему его и в единстве с ним переходящее в конституирование интересубъективное. Новый содержательный момент этого взгляда состоит в том, что предпосылкой эйдетического синтеза первого этапа выступает *генезис* внутреннего сознания времени трансцендентального *Ego*. Его дление и определяет собой темпоральный модус самого эйдетического конституирования [10, с. 184]. Иными словами, эйдетическая статика приходит в движение, обретает ранг становления, или, как в генетической версии конституирования, измерение имманентно-трансцендентной историчности феноменологического субъекта познания. Н.М. Смирнова акцентирует здесь один нетривиальный момент, который представляется нам решающим в контексте поставленной в статье проблемы.

Исходя из статического конституирования ей предлагается радикальное, но в контексте генетического типа конституирования вполне обоснованное и ожидаемое (по-видимому, этим и вызвано объединение темпорального и эйдетического конституирования на первом этапе), решение: «Другой отсылает (конституирующее его трансцендентальное *Ego*. – Д.М.) к смыслам трансцендентных предметов – природы и культуры» притом, что «именно бытие Другого генерирует смыслы этих важнейших трансценденций» [10, с. 186]. Вследствие этого, конститутивные акты, осуществляемые трансцендентальным *Ego* в отношении подтверждения и смыслового обоснования жизни другого сознания как сущностно *родственного* ему самому и его собственной конститутивной активности, радикально расширяют конститутивное пространство трансцендентальной феноменологии для осуществления маневров в поле *трансцендентных* фактов, событий, смыслов. В конечном счете, это подразумевает, что в рамках «феноменологической теории опыта Другого социальный мир предстает как смысловой горизонт интересубъективного опыта» [10, с. 186]. Ослабляемый на первый взгляд темпоральный тип конституирования, благодаря которому статическое конституирование получает на первом этапе черты историчной эйдетической предметности, в действительности приобретает новое качество не только как условие эйдетического конституирования, непосредственно ведущего к конституированию интересубъективному, но и как основание разумного единства *сообщества* трансцендентальных субъектов, мыслимых в их универсальной историчности.

Примечательно, что в схожем ключе проблему интересубъективного конституирования рассматривает и А.Э. Савин: «Ввиду интересубъективности процесса образования горизонта как “системы правил” течения опыта, габитуализация как “работа времени” или “власть времени”, которая проявляется в движении образования горизонтов как “субъективных” полей возможностей (*Vermöglichkeiten*), содержит момент объединения в сообщество (*Vergemeinschaftung*), т. е. соединения индивидуальных горизонтов в единый горизонт сообщества, и, соответственно, сплавления (*Verschmelzung*) специфических индивидуальных привычек в единый “габитус сообщества”; в предельно развитой форме – в его нравы и обычаи, и, коррелятивно, в семейный, родовой и, в конечном счете, национальный, характер» [9, с. 28]. На наш взгляд, указанный Н.М. Смирновой переход от темпорально-эйдетического к интересубъективному конституированию содержит глубокое понимание природы того экзистенциального и интеллектуального *напряжения*, которое возникает внутри сообщества трансцендентальных субъектов познания.

Обобщая рассмотрение различных типов конституирования, можно сделать вывод о том, что эйдетическая составляющая сопровождает и в той или иной степени определяет существо каждого из них.

Теперь попробуем оценить перспективы сопряжения феноменологической эйдетики с научным познанием. По справедливому замечанию А.А. Печенкина, сущностная интуиция гуссерлевского толка является интуицией «не просто постигающей, но созидающей», поскольку феномен «не просто постигается интуицией, он создается ею» [2, с. 361], то есть ни о каком «объективном и только объективном» познании речи не идет, вследствие чего феноменологическая аподиктическая достоверность оказывается вне критериев достоверности научного знания и научно понимаемой истины. Более того, исходя из принципов идентификации феноменов и феноменальной сферы явленности вещи или события сознанию, «чтобы быть феноменом, явление должно быть не просто замечено или обнаружено, оно должно

быть продуктом интуиции, «жить» в этой интуиции» [2, с. 361]. Действительно, исходя из единства интуиции и созерцания, проясняющего феноменальные данности интуиции, Э. Гуссерлем строится понятие «эйдетики», или «эйдологии», как особой науки о достижении сущностного знания как знания об усмотренных сущностях феноменов. Его цель состоит в том, чтобы «охватить в систематической полноте мир идей, охватить в созерцании в совершенной ясности мир возможных сущностных видов и вообще возможных предметностей; и на базе нозм, находящихся в созерцании, получить вообще все возможные понятийные сущности и поставить в один ряд с ними лишь их выражающие словесные значения и сами слова, которые бы составили всю совокупность совершенно проясненных понятий или же терминов» [11, с. 373]. Таким образом, в ключе гуссерлевской эйдологии концепция истины предстает не в связи с системой логически истинных суждений и/или экспериментально подтвержденными результатами, но в связи со *степенью осмысленности* вещи, явления, события.

В чем тогда следует усматривать значение феноменологии для научного познания и в чем именно следует определять контуры единства конститутивного метода? На наш взгляд, феноменология может быть призвана реальной наукой и теорией познания в том «месте и времени», где есть реальная, застарелая или трудноразрешимая проблема. В качестве примера можно привести эвристику, предложенную феноменологией в отношении отдельных направлений психиатрии, в особенности таких фундаментальных направлений этой науки, как «понимающая патопсихология» К. Ясперса, феноменологический структурный анализ Э. Минковски, медицинская антропология Э. Штрауса, исследования феноменов темпоральности и деперсонализации психически больного у В. фон Гебзаттеля, а также основанные на фундаментальной онтологии М. Хайдеггера экзистенциальный анализ личности Л. Бинсвангера и *Dasein*-анализ М. Босса [12]. В этом смысле замечание В.М. Розина об эвристике гуссерлевской феноменологии в отношении таинственной *личностной* сферы знания, в которой «возникают новые научные идеи, концепции и теории» [13, с. 118], следует признать точным и справедливым.

Феноменологический субъект познания как трансцендентальное *Ego*, естественно, не может быть интегрирован в формально-логические структуры теоретического научного знания в прямом смысле этого слова. Однако в отношении социально-гуманитарных наук мировоззренческие основания способны генерировать определенные ценностные опции, например, личную *расположенность* субъекта познания к жизненному миру человека, его повышенную *чувствительность* к сложным экзистенциальным проблемам личности и социума, что, безусловно, обнаруживает себя в полноте научного анализа и в определяющем ход исследований выборе приоритетного предмета научного познания. Как справедливо замечает В.А. Лекторский, «именно “Я” есть инстанция принятия свободных решений. Лишь при наличии единства сознания возможна ответственность за поступки, которые немислимы в том случае, если сознание распадается на фрагменты, если прошлое не связывается с настоящим и будущим» [14, с. 14].

Как показывает история феноменологического движения, факт беспрецедентного углубления субъективной и, шире, личностной, составляющей процесса познания в феноменологически ориентированной философии является несомненным. В этом смысле значение феноменологии представляется уникальным. Согласно Э. Гуссерлю, «Она стремится дать *объяснение* <...> фактическому событию в объективной природе в психологическом или психофизическом смысле, но *прояснить идею* познания в соответствии с его конститутивными элементами, или законами; она хочет проследить не реальные связи сосуществования и последовательности, в которые вплетены фактические акты мышления, но понять *идеальный смысл* видовых связей, в которых документируется объективность познания; чистые формы познания она стремится возвысить до ясности и отчетливости путем возврата к адекватно осуществляющему [их смысл] созерцанию. Это прояснение осуществляется в рамках феноменологии познания, феноменологии, которая <...> направлена на сущностные структуры «чистых» переживаний и принадлежащий им смысловой состав» [15, с. 25]. Именно данные эйдетические параметры научного познания зачастую остаются вне поля зрения современной теории познания и философии науки, предметно ориентирующихся, скорее, на «третий мир» К. Поппера, нежели на личностную составляющую научного творчества.

В этой связи замечание А.Э. Савина о ключевом аспекте генетического конституирования представляется весьма актуальным для теории познания и перспективе *рефлексивной* работы в направлении наращивания рефлексивного знания в социально-гуманитарных науках: «...гуссерлевский феноменологический подход рассматривает историю из перспективы исторического опыта, т. е. имманентной историчности жизни. <...> Тем самым она возвращает философии истории нормальную почву ее работы – донаучный исторический опыт, предохраняя от искажений и современную историографическую практику» [16, с. 3–4]. Когда А.Э. Савин противопоставляет гуссерлевский подход господствующим в современной социально-гуманитарной эпистемологии нарративизму и конструктивизму, то имеет в виду тип научного знания, который искусственным образом отторгается от действительного исторического аспекта феноменальной данности вещей, событий, человеческих судеб. Они оказываются принципиально вне зоны доступа для *переживающего*, а не конструирующего историчность и достоверность знания субъекта познания. Можно сказать, что собственная, личностная историчность, как и историчность реальных людей прошлого и настоящего, неизменно преобладает в процессе феноменологического конституирования по отношению к абстрактным конструктивистским подходам, которые зачастую оставляют вне поля своего зрения реального человека. Данная стратегия в большей степени соответствует разделам психологии познания и философии образования. Подобное обострение значения феномена личностного начала может выступать в виде требования *конкретного* применения феноменологических идей к сегодняшним реалиям и потребностям научного познания [17, р. 17].

Таким образом, классическая феноменологическая установка на признание эпистемологических прав субъекта познания, переживающего свою собственную историчность как череду событий жизненного мира, в отношении которой им с необходимостью и заинтересованностью совершаются акты рефлексии и смыслополагания, представляется глубоко справедливой. Необходимость обусловлена здесь не формальной логикой познания или конвенциональными установлениями, но экзистенциальной нуждой жить и мыслить в полностью проясненном для себя *человеческом* мире, в котором смысл изначально полагается не столько в качестве гносеологической, сколько экзистенциальной категории. Поэтому феноменологический субъект познания посредством процесса конституирования стремится находиться в позиции внутренней соотносимости вещей, явлений, фактов, событий, в отношении которых осуществляются логические высказывания, выстраиваются повествовательные нарративы или комбинируются интеллектуальные конструкции, со своей собственной историчностью.

Специфика же понимания феномена как *полноты явленности* сущности вещи, события, другого сознания делает возможным апелляцию к личности человека настоящего или прошлого как к их носителю и феноменально *данному* «представителю» исторического исторических событий. Под личностным измерением историчности в аспекте ее темпорально-эйдетического и интерсубъективного конститутивного измерения мы понимаем внутреннюю включенность, или интеллектуальную эмпатию, сознания современного человека в жизнь разума и переживаний людей прошлого. В этом случае, и в соответствии с эйдетикой конститутивного метода, историчность приобретает личностное измерение *переживаемой сознанием встречи* с людьми прошлого в пространстве общности специфики совершаемого интеллектуального усилия, экзистенциальных выборов, принятий на себя меры ответственности, связанных с исторически обусловленными личностными суждениями и выборами.

Литература

1. Шпигельберг, Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / Г. Шпигельберг ; пер. с англ. М. Лебедева, О. Никифорова. – М. : Логос, 2002. – 680 с.
2. Печенкин, А. А. Горизонты философии науки : феноменология / А. А. Печенкин // Современная философия науки : знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада (хрестоматия) : сб. ст. ; сост., пер., вступ. ст., ввод. замеч., коммент. А. А. Печенкина. – М. : Логос, 1996. – С. 358–364.
3. Свасьян, К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян. – М. : Академический проект ; Альма Матер, 2010. – 206 с.

4. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – М. : Академический проект, 2009. – 489 с. – (Философские технологии).
5. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Гнозис, 1994. – 162 с.
6. Гуссерль, Э. Бернау-манускрипты о сознании времени (1917/1918) / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Г. И. Чернавина // Феноменология времени ; под. ред. М. Белоусова. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – С. 43–173. – (Сер. «Феноменология : Современные переводы»).
7. Крюков, А. Н. Время и феноменология. Об аналитике времени в Бернау-манускриптах / А. Н. Крюков // Феноменология времени ; под. ред. М. Белоусова. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – С. 17–41. – (Сер. «Феноменология : Современные переводы»).
8. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.
9. Савин, А. Э. О сущности феноменологической философии / А. Э. Савин // HORIZON. – 2015. – № 4 (1). – С. 9–37.
10. Смирнова, Н. М. Трансцендентально-феноменологический анализ сознания и проблема интросубъективности / Н. М. Смирнова // Проблема сознания : опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей ; под ред. Д. И. Дубровского. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 172–194.
11. Гуссерль, Э. Метод прояснения / Э. Гуссерль ; пер. с нем. А. А. Печенкина // Современная философия науки : знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада (Хрестоматия) : сб. ст. ; сост., пер., вступ. ст., введ. замеч., коммент. А. А. Печенкина. – М. : Логос, 1996. – С. 365–375.
12. Власова, О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ : История, мыслители, проблемы / О. Власова. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2010. – 640 с. – (Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
13. Розин, В. М. Феноменология глазами методолога / В. М. Розин // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 116–126.
14. Лекторский, В. А. Умер ли человек? / В. А. Лекторский // Человек. – 2004. – № 4. – С. 10–16.
15. Гуссерль, Э. Логические исследования : Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Академический проект, 2011. – Т. II, ч. I. – 565 с.
16. Савин, А. Э. Становление трансцендентально-феноменологической концепции истории Эдмунда Гуссерля : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / А. Э. Савин. – М., 2009. – 40 с.
17. Tymieniecka, A.-T. Phenomenology and science in contemporary European thought / A.-T. Tymieniecka. – Toronto : Ambassador Books, Ltd., 1962. – 198 p.

От логики трансцендентальной к логике герменевтической: теория познания Г. Миша

О.В. НИЗОВА

В статье рассматривается трансформация трансцендентальной логики И. Канта в герменевтическую логику немецкого философа Г. Миша на основе анализа его геттингенских лекций по логике и введению в теорию познания; показывается проложенный Г. Мишем путь преодоления кантовского схематизма посредством описания генезиса феномена «логического» из феномена «значимости», который возникает в допредикативном опыте, посредством описания дологических проявлений значения в биосемантике и посредством введения эвокативных высказываний в дополнение к дискурсивным; уделяется внимание актуальному междисциплинарному подходу.

Ключевые слова: герменевтическая логика, теория познания, значение, эвокативные высказывания.

The article deals with the transformation of I. Kant's transcendental logic into the hermeneutical logic of the German philosopher G. Misch on the basis of the analysis of his Göttingen lectures on logic and introduction to the theory of knowledge. Misch's way of overcoming of Kantian schematism by the description of the genesis of the phenomenon of «logical» from the phenomenon of «significance» arising in pre-predicative experience, by the description of pre-logical manifestations of meaning in biosemantics and by the introduction of evocative statements in addition to discursive ones is demonstrated; attention is paid to the actual interdisciplinary approach.

Keywords: hermeneutical logic, theory of knowledge, meaning, evocative statements.

В год трёхсотлетнего юбилея И. Канта всё философское сообщество обращается к наследию великого мыслителя и его последователей. Ввиду продолжающихся в XXI-м в. гносеологических исследований и с учётом их междисциплинарной направленности определенный интерес представляет опыт немецкой герменевтики начала XX-го в. Напомним, что стремительный рост всех областей научного знания в конце XIX-го – начале XX-го вв. сопровождался решением философских задач по построению его общей теории, включающей логику и методологию. Подобные проблемы рассматривали философы разных направлений, среди которых были представители школ неокантианства и связанные с кантианской традицией мыслители Э. Гуссерль, предпринявший критику логического разума, В. Дильтей, оставивший незавершённый проект критики исторического разума, а также их последователи. В материалах лекций по логике и введению в теорию познания, прочитанных Г. Мишем – учеником В. Дильтея – в Геттингенском университете в период с 1927/28 по 1933/34 гг. и изданных под редакцией философа Ф. Роди – ученика философа О.Ф. Больнова – в 1994 г. во Фрайбурге и Мюнхене [1], обсуждается трансцендентальная логика И. Канта и Э. Гуссерля, используется категориальный аппарат дильтеевской философии жизни, критически переосмысливается хайдеггеровская аналитика повседневности с опорой на научные достижения в области филологии, биологии, поведенческой психологии, антропологии тех лет в целях построения здания философской логики. Исследовательский диапазон этой теории познания столь широк, что Ф. Роди в предисловии к этому изданию выразил надежду на то, что публикация этих лекций придаст новый импульс современным философским дискуссиям. Обратим внимание на тот факт, что этой публикации предшествовала многолетняя работа издателя над рукописями и факсимиле Г. Миша, что явилось достижением в применении герменевтических методов и послужило творческим продолжением дильтеевской традиции. Книга ещё не переведена на русский язык, но известна российским и зарубежным исследователям [2]. Многие из затронутых Г. Мишем проблем созвучны современным вопросам когнитивистики: например, в его лекциях осуществляется рефлексия над гипотезами фонологии, над межкультурными исследованиями и сравнительным языкознанием, над биосемантикой, этнологией и т. п. Обращение к данному материалу позволяет не только прочесть «Критику чистого разума» с позиций герменевтической логики начала XX-го в., но и поразмышлять над углублением содержания курса теории познания и философии науки в XXI-м в.

Во вступительной части лекций Г. Миш рассматривает феномен логики как науки в трудах философов, начиная от Платона, Аристотеля и заканчивая Э. Гуссерлем, но принципиально выбирает возвращение к логике И. Канта: «Отделив логику от онтологии, И. Кант открыл новый путь к философскому обоснованию логики, по которому мы последовательно пойдём, избавляясь от некоторых предрассудков его теории» [1, с. 67]. Сохраняя трансцендентальную логику И. Канта как дисциплину, изучающую «объем, происхождение и объективную значимость» априорных знаний [3, с. 158–159], и решая сформулированную им в русле дильтеевской школы задачу «оживления логических категорий» [1, с. 71], философ сосредотачивается на вопросе об их происхождении из самой «жизни», поскольку это позволяет «расширить фундамент для общей теории знания, включающей метафизическое, духовное и практическое знание».

Описание генезиса знания (логоса) Г. Миш ведёт от переживания (Erleben) как психического единства (Darinneinsein im Leben), предшествующего субъект-объектному разделению и получающему своё проявление (Ausserung) в разных формах выражений, начиная от простейших из них в виде мимики, жестов, движений и заканчивая словами (в спектре от междометий до сложных глагольных конструкций), понятиями и высказываниями.

Одно из предубеждений И. Канта, которое приводит к изоляции трансцендентального субъекта, к расколу на мир феноменов и ноуменов и подлежит устранению в общей теории познания, Г. Миш находит в интеллектуальной нагруженности чувственного созерцания, имплицитном понимании его как «суждения восприятия» (Wahrnehmungsurteil). Он отмечает, что до упоминаемого И. Кантом синтеза схватывания (Ergreifen) [3, с. 211] и соответствующего конституирования предмета познания можно описать такие ступени, как «значение», «полагание», «значимость» в жизненной практике субъекта (Lebensverhalten). Полагание (Meinen) как начало акта понимания, выделение некоторого события из потока жизни (Lebensverlauf), Г. Миш этимологически возводит к средневековому немецкому слову Minne, обозначавшему возвышенную любовь рыцаря к даме сердца, и указывает на его эмоциональную окрашенность [1, с. 101], которая исчезает при заимствовании в немецкий язык латинского варианта Intention, что происходит в текстах Ф. Brentano и его философского наследника Э. Гуссерля. Кроме того, в более позднем употреблении немецкий синоним указывает на обращенность к собеседнику. Отметим, что Г. Мишу принадлежит заслуга в создании динамического перехода от «значимости» (Bedeutsamkeit) в биосемиотике Я. Иксюля, связанной с перцептуальным и операциональным миром живого существа внутри его видового сообщества, через сигнификацию в языке животных и древних корнях языков индоевропейской группы к значимости в виде ценности, формирующей личность. При характеристике последней он полемизирует с М. Хайдеггером, заострившим трагические черты повседневности, такие, как одиночество, потерянности в мире, страх, указавшим лишь в качестве примечаний феномены радости, любви и заменившим труд и творчество экзистенциалом «заботы». Признавая оригинальность религиозной поэтики хайдеггеровских экзистенциалов, Г. Миш остаётся приверженцем категориальной философской конструкции, основанной И. Кантом и В. Дильтеем.

Если у И. Канта речь идёт о категориях как понятиях чистого рассудка, о способности воображения, наполняющей наше эмпирическое созерцание, о схематизме в применении категорий и о последующей таблице суждений как основе трансцендентальной логики, то Г. Миш описывает феномен процессуальности, который свойственен созерцанию и его отражению в словах, для того чтобы привлечь внимание к тому типу предметности, который возникает в науках о духе и выражается в ином типе высказываний, не вошедшем в кантовскую таблицу.

Слово как звуковой образ участвует и в общении, и в познании. Г. Миш приводит интересные данные немецкого лингвиста Ф. Бехтеля относительно слов, обозначающих чувственные восприятия в индоевропейских языках. При сравнении значений архаических фонем и корней (war, ma и др.), связанных со слухом, зрением, обонянием, удалось установить, что субъективная сторона восприятия не отражалась в языке: «звучание» означало и слух, «свечение» – зрение и т. д., а его предметная сторона (звук, свет, истечение) получала многообразное выражение. Например, «вибрирующий звук», «резкий оглушающий звук» и т. д. Таким образом, значение образованных этими корнями слов передавало динамику воздействия предметов на субъект речи. Г. Миш выражает мнение, что этот факт языкового развития в

сочетании с другими данными языкознания, например, с наличием активного и пассивного залога, безличных предложений, доказывает искусственность субъект-объектной конструкции трансцендентального идеализма и его подхода к анализу языка. Не только И. Кант, но и такие неокантианцы, как Э. Кассирер, воспринимают язык статически как логические функции, не учитывая генезис значений слов и допредикативные формы.

На основании сравнительно-языкового анализа Г. Миш приходит к выводу, что развитие языка не аналогично процессу работы с понятиями и не тождественно элементарным операциям сравнения. Речь направлена на то, чтобы раскрыть значения в определённых контекстах, поэтому, проводя различие между смыслом и значением, философ закрепляет «значение» (*Bedeutung*) за словом и «смысл» (*Sinn*) за предложением. Основой его конструкции логики становится «значение», выраженное субстантивом глагольной формы, *das Bedeuten*, указывающим на активную деятельность субъекта по означиванию себя и окружающего мира для других: «я открываю тебе то, что я имею в виду, или то, что имеет место» [1, с. 87–88]. Первенство глагольных конструкций над именами существительными в разных языках подтверждает эту мысль: архаические имена существительные часто являются субстантивами.

Согласно Г. Мишу речь как процесс продуктивно-объективированной артикуляции является духовным творчеством. Она связана не только с чистой формой дискурсивного мышления, обусловленного природой рассудка, как это показано у И. Канта в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике», но и с эвокативной формой, раскрывающей интуицию целого, той формой, которую вводит Г. Миш в герменевтику. Высоко оценивая заслуги Канта в описании одной из форм мышления, он указывает на многообразие тех форм, которые существуют «по ту и эту сторону языка, от практического интеллекта до мистического погружения в молчание». Для определения границ дискурсивной формы Г. Миш приводит иронические слова И. Канта из его письма Й.Г. Гаману от 6.04.1774, что он [Кант] «как бедный сын земли совсем не приспособлен к божественной речи созерцающего разума, достигая в полной мере только того, что можно по буквам извлечь из общих понятий по законам логики» [1, с. 427] и сопоставляет их со словами Й.В. Гёте из его «Естественнонаучных трудов», где говорится о «созерцающем рассудке» (*anschauende Urteilskraft*) как метафоре творческой силы природы, частью которой мы являемся, а также – с его более ранними стихотворными строками, указывающими на тщетные усилия нашей «фабрики мысли» по распутыванию природных связей. Признавая жизненное единство мыслесообразности (*Gedankenmaessigkeit*) и непостижимости (*Unergruendlichkeit*), Г. Миш полагает, что интуиция, раскрывающая целое в связях между особенным и общим, может быть объективирована в языке, например, в эвокативных выражениях и высказываниях.

Единство анализа и синтеза, проявляемое в любом из предложений языка, «имманентный синтез», Г. Миш обосновывает при помощи сравнительно-языковых исследований, включающих конструкции китайского, японского, гренландского, русского и других языков по отношению к немецкому варианту выражения языкового значения, а также при помощи языковой концепции В. Гумбольдта. К этим аргументам он добавляет дильтеевское понимание «значения» как порождения диалектического единства «определённого» и «неопределённого» внутри герменевтического круга «жизни» [1, с. 485].

Если дискурсивные формы, а именно: суждения в физике и математике, в которых устанавливаются определения и законы на основе введённых абстрактных понятий (например, «если $a > b$, то $a + c > b + c$ ») – односторонне фиксируют свой предмет, то в гуманитарных науках признаётся многоаспектность предмета, возможность его множественных описаний, возникающая в том числе благодаря многозначности слова. В качестве эвокативных выражений, встречающихся на протяжении истории философии, Г. Миш приводит «брахман» в древнеиндийской мысли, «дао» в древнекитайской, «логос» Гераклита, «жизнь» в философии жизни, нуминозность Р. Отто и др., а также многочисленные примеры «верных выражений» и звукописи из поэзии Й.В. Гёте, произведений К. Гамсуна, Д. Голсуорси и других авторов.

Можно сказать, что философская логика Г. Миша, основанная на расширении трансцендентальной логики И. Канта с помощью «фундамента» в виде «значения» и способов его выражения, была одной из интересных попыток создания общей теории знания, которая не

только объединяла естественные и гуманитарные науки, но и описывала разные уровни когнитивных процессов в соответствии с научными достижениями начала XX-го в. Некоторые из них, например, понятие «Umwelt» Я. Иксюля, описание опытов В. Келера с обезьянами, расшифровка языка танца пчёл К. фон Фришем по-прежнему могут быть использованы для характеристики дологической стадии познания в учебных материалах по гносеологии. Лекции Г. Миша заслуживают внимания современных гносеологов как образец строгой философской конструкции, основанной на понятии «значение» и тем самым способствующей систематизации и классификации разных форм знания, что особенно актуально в наше время, когда современная наука ставит перед философами масштабные по широте междисциплинарных исследований задачи, предоставляя в их распоряжение массивы новых данных о различных сигнификативных процессах, начиная от частичной расшифровки ДНК отдельных видов живых организмов, а также работы нейронов у млекопитающих и человека до компьютерных языковых моделей.

Современный курс теории познания и философии науки должен соответствовать этому уровню исследований, чтобы у студентов и магистрантов разных специальностей подготовки появились возможности для ознакомления с систематизированными научными данными последних лет, что будет способствовать развитию их научного потенциала и препятствовать мозаичности их сознания, усиливаемой информационными интернет-потоками. Кроме того, важна и духовная составляющая герменевтической логики Г. Миша, нацеленность на творческий характер работы с языком, с эвокативными выражениями, в том числе. Благодаря живому языку, «продуктивно-объективированной артикуляции», в полной мере может быть раскрыт уникальный духовный мир личности, не сводимый к набору навязанных извне, шаблонных представлений.

Литература

1. Misch, G. Der Aufbau der Logik auf dem Boden der Philosophie des Lebens : Goettinger Vorlesungen ueber Logik und Einleitung in die Theorie des Wissens / G. Misch. – Freiburg/Muenchen : Verlag Karl Alber, 1994. – 592 s.
2. Соболева, М. Е. Философская герменевтика. Понятия и позиции / М. Е. Соболева. – М. : Gaudeamus, 2014. – 151 с.
3. Кант, И. Собрание сочинений : в 6-ти т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.

Актуальность проблемы определения религии в условиях современной Беларуси

В.А. ОДИНОЧЕНКО

Проблема определения религии в условиях современной Беларуси имеет практический характер. Наша страна находится в состоянии трансформации, одним из ярких проявлений которой является оживление религиозной жизни. От того, как понимается религия в общественном сознании, зависит отношение к ней со стороны граждан, стоящих на различных мировоззренческих позициях, а также проводимая государством конфессиональная политика. В нашем обществе религия рассматривается на примере христианства, которое имеет свои ярко выраженные специфические черты. Но Беларусь является традиционно поликонфессиональной страной, в настоящее время в ней зарегистрировано двадцать пять религиозных направлений. При выработке определения религии мы должны стремиться учесть каждое из них.

Ключевые слова: религия, трансформация, поликонфессиональность, определение религии, сверхъестественное.

The problem of defining religion in the conditions of modern Belarus is of a practical nature. Our country is in a state of transformation, one of the brightest manifestations of which is the revival of religious life. The attitude towards it on the part of citizens holding different ideological positions, as well as the confessional policy pursued by the state, depends on how religion is understood in the public consciousness. In our society, religion is considered using the example of Christianity, which has its own distinct specific features. But Belarus is a traditionally multi-religious country; there are currently twenty-five religious movements registered in it. In developing a definition of religion, we must strive to take each of them into account.

Keywords: religion, transformation, multi-confessionalism, definition of religion, supernatural.

Мы исходим из того, что наличие проблем – один из элементов развития. Современная Беларусь проходит через период всеобъемлющей трансформации, что и порождает проблемы. Мы рассмотрим только одну из них, а именно, актуальность определения религии. Наше изложение будет иметь несколько тезисный характер. Обозначенная проблема имеет множество аспектов, подробное рассмотрение их в рамках статьи невозможно. Однако следует учитывать, что в современной Беларуси уже сложился комплекс исследований, посвященных религии, и данную статью следует воспринимать в его контексте.

Во-первых, необходимо сказать, что такое «актуальность». Поскольку само это слово в современном обществе звучит часто и стало привычным, не всегда осознается его смысл. Оно восходит к латинскому *actualis* – что означает *действенный*. Актуальность – это способность быть пригодным для решения тех проблем, которые возникают перед человеком и обществом. Здесь нам следует подчеркнуть, что одной из фундаментальных характеристик современности является изменчивость, поэтому актуальность постоянно приобретает новый вид. Меняются привычные схемы поведения и восприятия мира, возникают новые проблемы, требующие решения. Также они имеют временные и пространственные рамки, вне которых перестают быть актуальными. Мы рассматриваем актуальность проблемы определения религии для современной Беларуси. То, что было несколько десятков лет назад, и то, что происходит в других странах, для нас имеет актуальность лишь в контексте решения наших сегодняшних проблем.

Во-вторых, рассуждая об актуальности анализируемой проблемы, следует сказать, что такое определение. В логике это «процедура придания строго фиксированного смысла терминам языка» [1, с. 156]. Понятие «религия» не является термином и не имеет строго фиксированного значения. Существует множество его определений. Это объясняется как сложностью самого феномена (в мире насчитывается порядка 5000 религий), так и различными подходами к ее изучению в рамках философии религии, антропологии религии, психологии религии, социологии религии и т. д. В каждой из этих дисциплин разработаны собственные трактовки и, соответственно, определения религии.

Для нас важно следующее: определяя понятие мы не только выявляем его содержание, но также и очерчиваем круг тех явлений, которые оно охватывает. Понятие определение происходит от латинского *definitio – предел, граница*. Посредством него мы структурируем реальность, объединяя и разграничивая явления по каким-либо признакам.

Определение религии имеет для нас практическое значение, поскольку задает способы деятельности по отношению к ней. От того, как определяется религия, зависит то место, которое ей отводится в обществе, ответ на вопрос, что означает быть ее приверженцем, а также конфессиональная политика государства. Актуальность учета данного обстоятельства обусловлена тем, что в современной Беларуси произошел перелом в понимании религии. Во-первых, она стала изучаться другой наукой: на смену научному атеизму пришло религиоведение. В нем применяются новые методологические подходы и, соответственно, новые трактовки религии.

Во-вторых, изменилось восприятие религии в общественном сознании. В марксистском атеизме, который был частью официальной советской идеологии, религия рассматривалась прежде всего с точки зрения ее социальных функций. Она понималась как одна из форм общественного сознания, которая отражает общественное бытие, т. е. экономическую жизнь, и в конечном итоге им определяется. Специфика религии, согласно марксизму, заключается в том, что она дает иллюзорную картину реальности, поскольку в ней надежды на улучшение своего положения человек связывает с «потусторонним миром». По словам Маркса, «религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья» [2, с. 415].

Менее образное определение религии, которое приводилось в советских учебниках и энциклопедиях, было дано Ф. Энгельсом: «Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [3, с. 328].

Атеизм был частью социальной теории марксизма, согласно которой магистральным направлением общественного развития является движение к коммунизму. Предполагалось, что на этом пути должно было произойти освобождение от религиозных предрассудков, посредством которых навязываются ложные схемы поведения. В советской атеистической литературе религия интерпретировалась, во-первых, как устаревшая и изживаемая форма общественного сознания, считалось, что основное число ее приверженцев составляют пожилые малограмотные женщины, во-вторых, как враждебная идеология, поскольку она препятствует построению наиболее передового и справедливого коммунистического общества.

Эти положения явились идейным основанием практики преодоления религии в Советском Союзе. В соответствии с марксистской теорией, утверждалось, что она отомрет сама по мере того, как исчезнет потребность в иллюзорном утешении. Но также религия преследовалась, поскольку воспринималась как форма антикоммунистической идеологии и агент влияния враждебного окружения. В различные периоды антирелигиозная политика была более или менее жесткой, но осуществлялась на всем протяжении существования Советского Союза.

В современной Беларуси сформирована иная общественная ситуация. Прежде всего отсутствует идея построения коммунизма. Целью развития белорусского общества, согласно Конституции, является «человек, его права, свободы и гарантии их реализации» (ст. 2) [4, с. 48], в соответствии с этим выстраивается и политика в религиозной сфере. В законе «О свободе совести и религиозных организациях» сказано, что его задачами являются «обеспечение и гарантирование права каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, на социальную справедливость, равенство, защиту прав и интересов независимо от отношения к религии и религиозной принадлежности, на свободу объединения в религиозные организации» (ст. 1) [5]. И в целом эти задачи законодательством Республики Беларусь выполняются.

В условиях происходящих в современной Беларуси изменений возникла необходимость в переосмыслении понятия «религия» как в области социально-гуманитарных наук, так на уровне общественного сознания в целом. При этом, на наш взгляд, необходимо сконцентрировать внимание не на ее социальных функциях, но на сущностных характеристиках.

Как правило, религия определяется через соотношение со сверхъестественным: «Религия (лат. *religio* – благочестие, набожность, святость) – мировоззрение, миропонимание, мироощущение, а также сопряженное с ними поведение людей и формы его концептуализации, определяемое верой в существование сверхъестественной сферы, артикулируемое в зрелых формах религии в качестве Бога, божества» [6, с. 857].

Следует отметить, что данное определение выявляет лишь один из аспектов религии, хотя, на наш взгляд, и сущностный. Поэтому оно требует пояснений.

Во-первых, что такое естественное в европейской культуре принято определять исходя из картины мира разработанной в классическом естествознании XVII–XIX вв. Для нее была характерна наглядность и соизмеримость с повседневным восприятием. Соответственно, все, что выходило за ее рамки рассматривалось как сверхъестественное, а, следовательно, противоречащее данным науки. Эти схемы рассуждений укоренились в общественном сознании и используются до сих пор. Но в XX в. наука стала исследовать сложные явления, выходящие за границы как классической рациональности, так и повседневного сознания. Одним из следствий этого было то, что великие ученые, создатели современной науки, например, А. Эйнштейн, М. Планк, В. Гейзенберг, стали утверждать, что новые открытия указывают на наличие Разума, упорядочивающего мир. Также и среди верующих начали распространяться мнения, что современная наука подтверждает положения религии. Мы считаем, что все эти установки и утверждения не относятся к сути проблемы. Какими бы сложными не были явления, исследуемые современным естествознанием, они подчиняются природным закономерностям, религия же говорит о явлениях и процессах, которые не вписываются в эти закономерности. Мы исходим из того, что при помощи науки нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить положения религии.

Во-вторых, приведенное выше определение относится только к некоторым религиям, в которых можно выявить четкое различие между естественным и сверхъестественным. Однако к широкому кругу верований, которые традиционно называют «язычеством», данное определение отнести проблематично. Прежде всего потому, что в них отсутствует разделение на естественное и сверхъестественное. Многочисленные боги и духи язычества являются частью этого мира. Их можно увидеть, попросить о чем-то, умиловать, разозлить и т. д.

Также следует учитывать, что понимание того, что такое религия, сформировалось на примере христианства. Само понятие исследователи обычно выводят из латинского глагола *religare* – *связывать, объединять*. От него происходит существительное *religio* – *святость, благочестие*. Древние римляне обозначали этим словом все то, что было связано с почитанием богов. Наиболее распространенное в христианстве объяснение этимологии слова *религия* дал один из Отцов Церкви Аврелий Августин (354–430). Он рассматривал ее как восстановление утраченной связи человека с Богом. Однако это христианский подход: утверждается, что когда-то существовала непосредственная связь человека с Богом, потом из-за грехов людей она была разорвана, и посредством религии ее стремятся восстановить. В других религиях, например, буддизме, таких представлений нет.

Кроме того, следует учитывать, что то, что в европейской культуре обозначается как *религия*, в Китае *chiao* – *наука*, в Индии *dharma* – *учение, добродетель*, в арабских странах *din* – *обязанность*.

В разных верованиях вкладывается различный смысл в понятие религия, что обуславливает различные способы ее восприятия, но также, что более важно, ее различные места в жизни человека и общества. На этой основе возникает проблема сопоставимости различных религий.

Для нас она приобрела актуальность в конце прошлого века, когда в Беларуси стали распространяться нетрадиционные религии. Их специфика заключается не в том, что они новые, но в том, что они базируются на идеях и способах рассуждений, заимствованных из иных культурных традиций, в основном из индийской. Большинство из них даже не называют себя религиями, но духовными практиками. Это делает их привлекательным для современного человека, ориентированного на индивидуальное внутреннее развитие. Предлагаемые духовные практики рассматривались как способы самосовершенствования, приводящие к психическому равновесию, налаживанию отношений с людьми, успехам в предпринимательской деятельности и т. д. Кроме того, ввиду их новизны и необычности для представителей европейской культуры, эти учения первоначально не попадали в поле внимания атеистической критики.

В том, что очень часто определение религии выводится из понятия «духовность», мы видим проблему практического характера. Это понятие слишком широкое и неопределенное. Обычно под духовностью понимается нечто, возвышающее человека, противостоящее сиюминутным эгоистическим интересам. Однако духовность может быть самой различной.

Например, одной из задач построения коммунизма, сформулированных в Третьей Программе КПСС, было «воспитание нового человека, гармонически сочетающего в себе *духовное богатство* (курсив – В.О.), моральную чистоту и физическое совершенство» [7, с. 411].

Существуют и другие типы духовности. Она может быть приписана любому человеку или социальной группе, которые стремятся к какому-либо идеалу и во имя его совершают усилия и ограничивают себя.

Когда духовность связывают исключительно с религиозной принадлежностью и утверждают, что нерелигиозным людям присущи чисто материальные интересы, то это просто не соответствует действительности. Любой мало-мальски образованный человек может назвать ряд последовательных атеистов, как из истории, так и наших современников, руководствующихся в своем поведении идейными соображениями.

Проблемой мы считаем отсутствие в обществе понимания того, что такое религия и более конкретно, христианство. Как показали социологические опросы, подавляющее большинство жителей современной Беларуси идентифицирует себя с той или иной конфессией, но это никак не отражается на их поведении: «религия воспринимается респондентами в качестве хоть и значимой, но абстрактной ценности. Это может проявляться по крайней мере в двух позициях: либо в стремлении присоединиться к религии лишь как к общественно одобряемой норме, чтобы уже в статусе принадлежности осваивать (возможно, – а возможно, и нет) ее практическую программу, либо в абстрактном признании идеалов религии без намерения следовать им» [8, с. 88]. Как правило, религия воспринимается как нечто положительное и нужное лишь в некоторые моменты жизни: в основном для совершения таинств и утешения человека в его бедах.

Выделим две взаимосвязанные причины, которые, на наш взгляд, обусловили данную ситуацию. Во-первых, в советский период священникам разрешено было заниматься только культовой деятельностью. Катехизация не проводилась. Основной проблемой для религиозных организаций было выживание в неблагоприятных условиях. Поэтому верующие в восприятии религии опирались на свои повседневные представления.

Во-вторых, в Беларуси существует мощная языческая традиция. Именно она с полным правом может быть названа частью традиционной культуры белорусов, наряду с архитектурой, одеждой, едой, утварью и т. д.

Как мы уже отмечали, согласно язычеству, мир един, он не делится на сверхъестественный и естественный. Например, одним из наиболее массовых праздников в современной Беларуси являются Деды, когда почитают умерших предков. Считается, что они живут в каком-то другом месте, похожем на этот мир, сохранили свои прежние привычки, и их изредка нужно кормить. Мы можем привести ряд других примеров, когда проявления язычества встроены в повседневную жизнь. Эта религия структурирует обыденное поведение, ее нормы понятны и приемлемы на уровне здравого смысла.

Когда мы говорим, о радикальном изменении отношении к религии в современной Беларуси, то следует учитывать, что оно произошло на уровне государства и общественного сознания. Но на повседневном уровне для большинства населения восприятие религии осталось тем же.

Прежде всего, она рассматривается как элемент народной традиции. Даже во время атеистических гонений основная часть населения Беларуси праздновала Пасху. Как правило, никакого христианского содержания в это не вкладывалось, все сводилось к застолью. Причем праздновали и в семьях убежденных коммунистов. Власти смотрели на это сквозь пальцы. Проблемы возникали только тогда, когда человек вкладывал в этот праздник религиозное содержание, например, посещал храм. Сейчас никаких препятствий нет. Пасхи (куличи) и наклейки для яиц продаются в магазинах, а пойти в церковь и освятить их может любой желающий.

Также религия является способом структурирование повседневной жизни. Массово происходят обряды крещения, венчания и отпевания. Но, как правило, для основной части населения

это обосновывается тем, что «так принято», либо называются причины, не имеющие никакого отношения к христианству, например, «чтобы ребенок не болел», «чтобы его не сглазили» и т. д.

На официальном уровне религия в современной Беларуси воспринимается как неотъемлемая часть традиции и основа морали. Однако это позиция не навязывается. Возможно различное отношение к религии: верующих, неверующих, атеистов, агностиков, индифферентных и т. д. Важно только, чтобы те или иные позиции не провоцировали конфликты в обществе.

Проблема состоит в том, что понимается под религией. На наш взгляд, ее восприятие в современном белорусском обществе задает преимущественно язычество. Это религия, которая, во-первых, вырастает из потребностей повседневной жизни, во-вторых, с ее помощью человек сам пытается решить свои проблемы и укорениться в мире.

Христианство, с которым идентифицирует себя значительная часть населения современной Беларуси, построено на иных принципах. Прежде всего оно относится к религиям откровения. Их характерной особенностью является наличие основателя, провозгласившего новое учение. Причем исходят из того, что оно имеет сверхъестественный характер, обращено непосредственно к конкретному человеку и может быть им принято либо отвергнуто. Одним из основных элементов этих религий является необходимость морального преобразования их приверженцев, требующее усилий и выходящее за рамки повседневности.

Поэтому характерной особенностью религий откровения является то, что они базируются на вере. Следует помнить, что это не интеллектуальная убежденность. Религиозная вера имеет экзистенциальный характер. Суть ее не в том, что человек уверен в существовании сверхъестественного, но в том, что открыт ему, оно находится в центре его жизни.

Сама она не описывается в понятиях повседневности. В христианстве считается, что вера – это дар Бога и показатель избранности. Она имеет онтологическое измерение: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11. 1).

Практическая значимость религий откровения раскрывается в моральных нормах. Считается, что их источник имеет сверхъестественный характер, и очень часто они противоречат тем представлениям и нормам поведения, которыми человек пользуется в своей повседневной жизни. Как пример, приведем известное место из Нагорной проповеди: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). Следует отметить, что эта норма является частью Благой Вести (Евангелия) о том, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Вне ее она лишена онтологического основания.

Таким образом, религии откровения, к числу которых принадлежит христианство, апеллируют к иной реальности, выходящей за рамки повседневной. Для верующих она определяется понятием «священное» – то, что имеет сверхъестественное происхождение, обладает наибольшей ценностью, и на что они опираются в своей жизни. Поэтому в условиях современной Беларуси актуальным является понимание специфики тех способов поведения, наличие которых делает человека христианином.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что трансформация, которая определяет характер современного белорусского общества, имеет системный характер. В ее результате формируется новая общественная реальность. Необходимо осмыслить характер этой реальности, а также место в ней различных конфессий. Этим обусловлена актуальность вопросов, что такое религия, какое влияние она оказывает на поведение своих приверженцев, что значит быть верующим или неверующим.

Литература

1. Бочаров, В. А. Определение / В. А. Бочаров // Новая философская энциклопедия : в 4 т. ; науч.-ред. совет : В. С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2010. – Т. III. – С. 154–156.
2. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – М. : Политиздат, 1955. – Изд. 2, т. 1. – С. 414–429.
3. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений. – М. : Политиздат, 1961. – Изд. 2, т. 20. – С. 1–338.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа : 20.02.2024.

5. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 декабря 1992 г., № 2054-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Бизнес-Инфо / Профессиональные правовые системы, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Грицанов, А. А. Религия / А. А. Грицанов // Всемирная энциклопедия : Философия ; главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ ; Минск : Современный литератор, 2001. – С. 857–859.

7. Программа Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXII съезда КПСС. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 320–428.

8. Карасева, С. Г. Значимость религии в оценках религиозного населения Беларуси (по данным исследования 2012–2016 гг.) / С. Г. Карасева [и др.] // Философия и социальные науки. – 2016. – № 3. – С. 82–88.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 01.03.2024

Взаимодействие необходимости и случайности в процессе научного творчества

В.К. СТЕПАНИУК

В статье анализируется проблема необходимости и случайности в аспекте научного творчества. Прослеживается эволюция представлений о необходимости и случайности в философских и естественнонаучных учениях. Особое внимание уделено определению этих категорий, рассмотрению их в качестве форм знания. Показано соотношение необходимости и случайности в развитии науки, творческой деятельности ученых. В качестве нового методологического инструмента, позволяющего более глубоко понимать взаимосвязь необходимости и случайности, представлена синергетика. Она утверждает принцип нелинейного мышления и нелинейного образа мира.

Ключевые слова: вероятность, научная деятельность, нелинейность, необходимость, синергетика, случайность, творчество.

The article analyzes the problem of necessity and randomness in the aspect of scientific creativity. There is an evolution of ideas about necessity and chance in philosophical and natural science teachings. Particular attention is paid to the definition of these categories, their consideration as forms of knowledge. The correlation of necessity and chance in the development of science, creative activities of scientists is shown. Synergetics is presented as a new methodological tool that allows a deeper understanding of the relationship of necessity and randomness. It affirms the principle of nonlinear thinking and a nonlinear image of the world.

Keywords: probability, scientific activity, nonlinearity, necessity, synergetics, randomness, creativity.

Определяющим фактором развития и необходимым условием успешного существования каждого общества в 21 веке являются наука как сфера, которая производит новые знания, и образование, способствующее индивидуальному развитию человека. В условиях глобализации перед Республикой Беларусь стоит задача выйти на передовые рубежи научно-технического прогресса. Это требует серьезного внимания к формированию новой культуры проектирования будущего, основанной на самом широком распространении творчества.

В современных условиях образование предстает перед существенными историческими вызовами. Одним из них является необходимость обеспечения высокой функциональности человека в условиях, когда изменение идей, знаний и технологий происходит намного быстрее, чем смена поколений людей. Требуется найти рациональные схемы соотношений между развитием знаний, высоких технологий и человеческим умением их творческого усвоения.

Современной системе образования предстоит готовить людей к жизни в условиях неопределенности. Это означает, что она должна формировать у них не только базовые компетенции, но и способность самостоятельно ставить и решать новые задачи, что составляет основу творчества. Творчество является одной из ключевых ценностей современной науки и образования.

В общем виде творчество рассматривается как «процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности. Творчество представляет собой возникшую в труде способность человека из доставляемого действительностью материала созидать (на основе познания закономерностей объективного мира) новую реальность, удовлетворяющую многообразным общественным потребностям» [1, с. 405–406].

Существует несколько видов творчества: научное, художественное, техническое и др. Основная задача научного творчества заключается в том, чтобы в результате познания явлений, предметов объективной действительности обнаружить законы их развития. Знание этих законов позволит людям управлять природными и общественными процессами, предвидеть и изменять их течение в соответствии с общественными и личными потребностями.

Понятие творчества неразрывно связано с понятием деятельности. В истории философской мысли идею о деятельностной природе творчества выдвигали И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, Л. Фейербах. В дальнейшем эта идея получила развитие в работах К. Маркса, который доказал, что вне человеческой деятельности понятие творчества беспредметно.

Наука является специфической формой человеческой деятельности по производству новых научных знаний. «Она есть творческая деятельность, направленная на получение новых знаний о природе, человеке, обществе, искусственно созданных объектах и на использование научных знаний для разработки новых способов их применения. В научной деятельности большую роль играют эмоции и интуиция, которые замедляют или ускоряют поиски истины, активизируют деловые и личные качества ученого. Характер научной деятельности таков, что в процессе ее осуществления творческие способности каждого научного работника не просто реализуются, но и постоянно совершенствуются. Постоянное развитие многогранных творческих способностей является объективной необходимостью для эффективного производства нового знания» [2, с. 288–289].

Научная деятельность по своей природе всегда связана с поиском истины. Это обуславливает высокую степень неопределенности, вероятностный характер ожидаемого результата. Творческая научная деятельность помогает людям открывать неизвестное и создавать качественно новое, осуществлять господство над силами природы, формулировать новые теории и приводить старые теории в соответствие с практикой. Большую роль в научном творчестве играют необходимость и случайность.

Многие мыслители прошлого рассматривали категории «необходимость» и «случайность» как формы знания, в которых осуществляется процесс познания объективной действительности. Они рассматривали необходимость как синоним познанного, а случайность – как синоним не познанного.

Крупнейший мыслитель античности Аристотель много сделал в решении вопроса о необходимости и случайности. Необходимость, по его мнению, это детерминированный процесс, существенное условие и основание причинности. «Необходимым называется то, без содействия чего невозможно жить; то, без чего благо не может ни быть, ни возникнуть, а зло нельзя устранить или от него освободиться» [3, с. 151].

Источник необходимости он усматривал не в самой природе, а вне ее. Аристотель признавал и реальное существование случайности. Много в мире, полагал он, совершается не по необходимости, а в силу случайности. Случайное, по Аристотелю, «не есть ни то, что необходимо бывает, ни то, что бывает большей частью, а оно есть нечто такое, что происходит помимо того и другого. Если случайное не есть ни то, что бывает большей частью, ни необходимое, то для него не может быть доказательства» [4, с. 308–309].

Большое внимание обоснованию случайности как необходимости, ускользающей от нашего внимания ввиду незнания ее причин, уделил Г.В. Плеханов. На вопрос, каково значение случайностей в жизни общества, он дал такой ответ: «Люди приписывают случаю то, причины чего остаются им неизвестными. Поэтому, когда случай слишком сильно и слишком длительно подавляет их своим могуществом, они в конце концов пытаются объяснить явления, которые до той поры считали случайными, и открыть их причины» [5, с. 647].

В оценке роли категорий «необходимость» и «случайность» встречаются прямо противоположные точки зрения. Например, Аристотель видел задачу науки в познании необходимости, то есть в изучении того, что существует в большинстве случаев. Наука, по определению Аристотеля, «есть вид бытия, способный доказывать. Само же доказательство может быть доказательством только о том, что не может происходить иначе. Оно состоит в получении заключения из начал: истинных, необходимых и относящихся к предмету доказательства. Доказательство невозможно ни о случайном бытии, ни о том, что возникает и разрушается, а лишь об общем. Если же общего нет налицо, то предмет доказательства – это, по крайней мере, то, что случается всего чаще» [6, с. 311].

Взгляд на развитие науки, на научные открытия как на результат сознательных, необходимых, последовательно возникающих логических операций – идей, теорий, строгих рассуждений – развивали Т. Кун и И. Лакатос. Развитие науки, полагал Кун, «происходит через периодическую коренную трансформацию и смену ведущих представлений, то есть через регулярно происходящие научные революции, через смену старых парадигм новыми, включающими в себя не только теории, но и способы действия в науке» [7, с. 78]. Это разви-

тие происходит путем постепенного, последовательного роста ранее познанного. По мнению И. Лакатоса, «научные революции состоят в том, что одна исследовательская программа (прогрессивно) вытесняет другую» [8, с. 216–217].

Противоположного взгляда на роль необходимости и случайности в научном творчестве и научных открытиях придерживался Ф. Бэкон. Он утверждал, что гении своими наиболее удачными идеями, великими научными открытиями часто были обязаны случаю. «Самыми полезными открытиями мы обязаны опытному знанию, и эти открытия подобны некоему дару, доставшемуся людям по счастливой случайности» [9, с. 114].

Французский физик, один из основоположников квантовой механики Луи де Бройль, также преувеличивал роль случайности в науке. Он полагал, что в развитии научного познания невозможно обнаружить никакого рационального начала, никакой логики. «Человеческая наука, писал он, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называют воображением, интуицией, остроумием» [10, с. 295].

В развитии науки, в творческом процессе, отмечал советский исследователь Н.В. Пилипенко, роль случайностей, безусловно, велика, и их нельзя недооценивать. Случайность может повлиять на деятельность ученого, облегчить или усложнить ее. Однако «отмечая роль случайностей в развитии науки и в научном творчестве, не следует преувеличивать их значение. Любое научное открытие совершается как в силу необходимых, так и в силу случайных обстоятельств. Задача науки раскрывать в любом явлении, событии как необходимые, так и случайные моменты, законы, ими управляющие» [11, с. 246]. Необходимость и случайность, по его мнению, всегда дополняют друг друга, однако определяющая роль в этом взаимодействии принадлежит необходимости. В процессе научного творчества случайность только тогда играет положительную роль, когда она в данный момент оказывается в русле необходимого развития науки.

В ходе философского осмысления современного состояния науки и перспектив ее развития существенно возрастает значение категории «случайность». В последнее время широкое распространение в науке получила синергетическая парадигма. Она способна дать ключ к познанию феномена творческой свободы, раскрыть его во всей его противоречивости и полноте. Синергетика представляет собой новое движение в современной науке, знаменующее становление нового взгляда человека на мир и на самого себя в этом мире.

Современные российские авторы Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов определяют синергетику как «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которых изучаются общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно (процессов самоорганизации и самопроизвольной дезориентации) в открытых нелинейных системах физической, химической, биологической, экологической, социальной и другой природы» [12, с. 204].

Синергетика утверждает принципы нелинейного мышления и нелинейного образа мира: главную роль в мире играют неустойчивость и неравновесность, случайность; поведение нелинейных процессов вариативно и однозначно непредсказуемо; порядок может возникать из хаоса спонтанно [13].

Синергетическое видение мира обнаруживает нелинейность как во внутреннем мире человека, так и во внешнем, противостоящем ему мире. «Нелинейность – атрибут не только динамики живой материи; это свойство материального и духовного вообще, необходимое условие сущего. Состояние нестабильности приводит к инновациям, отмиранию всего предшествующего и возникновению качественно нового. Неустойчивость, приводящая к иному порядку и иной организации, дает иногда просто новый результат, а иногда (если речь идет о духовном мире личности) задействует творческие импульсы преобразования бытия» [14, с. 289].

Синергетика имеет мощный эвристический потенциал. Она дает знание о том, каково поведение сложных нелинейных систем в природе и обществе. Синергетика пытается по-новому рассмотреть проблему соотношения необходимого и случайного в мире. «В синергетической модели случайность приобретает новый смысл, поскольку она оказывается ответственной за дальнейшее развитие событий» [15, с. 26].

Одна из важнейших задач науки – предвидение хода различных событий, управление ими. Для этого требуется познание причин и законов как необходимых, так и случайных процессов. Разработка синергетической методологии философами, ее использование учеными – это конструктивный способ решения многих глобальных проблем современности.

Литература

1. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя. – Изд. 3-е. – М., 1975. – 496 с.
2. Киселева, Л. А. Философия как важнейшая составляющая эффективной научной деятельности / Л. А. Киселева // Философия как самопонимание культуры и посредник в диалоге культур : материалы Международной научной конференции, Минск, 9–10 ноября 2006 г. / науч. ред. В. Н. Новиков [и др.]. – Минск : Бел. наука, 2006. – С. 287–289.
3. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения : в 4-х т. – М., 1976. – Т. 1. – С. 63–367.
4. Аристотель. Вторая аналитика / Аристотель // Сочинения : в 4-х т. – М., 1978. – Т. 2. – С. 255–346.
5. Плеханов, Г. В. Материалистическое понимание истории / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 2. – 824 с.
6. Асмус, В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – Изд. 2-е, доп. – М. : Высш. шк., 1976. – 543 с.
7. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1975. – 288 с.
8. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки. – М. : Прогресс, 1978. – С. 203–269.
9. История диалектики XIV–XVIII в.в. – М. : Мысль, 1974. – 356 с.
10. Бройль, Л. де. По тропам науки / Л. де Бройль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 408 с.
11. Пилипенко, Н. В. Диалектика необходимости и случайности / Н. В. Пилипенко. – М. : Мысль, 1980. – 263 с.
12. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – 3-е изд. – М. : URSS, Либроком, 2010. – 252 с.
13. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
14. Шатохина, Н. П. Синергетика как метод постижения новизны / Н. П. Шатохина // Интеллектуальная культура Беларуси : методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы Третьей Международной научной конференции : в 3 т., Минск, 15–16 ноября 2018 г. – Минск : Четыре четверти, 2018. – Т. 1. – С. 287–290.
15. Делокаров, К. Х. Синергетика как вызов философии / К. Х. Делокаров // Синергетика, философия, культура. – М. : РАГС, 2001. – С. 20–29.